

Государство в третьем тысячелетии

The State in the Third Millennium

Hans-Adam II
The Reigning Prince of Liechtenstein

van Eck Publishers

Государство в третьем тысячелетии

Ханс-Адам II
Правящий Князь Лихтенштейна

Москва • Берлин
Инфотропик Медиа 2012

УДК 323(494.9)
ББК 63.3(4Лих)-3+66.3(4Лих),13
Х19

Перевод с английского – А.Б. Мухаметшин.

Ханс-Адам II, князь.

Х19 Государство в третьем тысячелетии / Ханс-Адам II, Правящий Князь Лихтенштейна ; [пер. с англ. – А.Б. Мухаметшин]. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 320 с. – Доп. тит. л. англ. – ISBN 978-5-9998-0074-9.

Агентство СІР РГБ

В книге Ханс-Адам II, Правящий Князь Лихтенштейна, анализирует стратегии, способные в третьем тысячелетии претворить в жизнь идею современного конституционного государства. Он обосновывает, что граждане не должны более рассматриваться в качестве слуг государства, а наоборот, государства должны быть преобразованы в лояльные к гражданам обслуживающие компании, которые относятся к населению как к своим клиентам. Из собственных наблюдений за опытом проведения политических преобразований в Лихтенштейне он делает выводы для поиска новых возможностей проведения реформ.

Это первоклассная, оригинальная, четко аргументированная работа, прочитав которую вам захочется таких же преобразований в России.

УДК 323(494.9)
ББК 63.3(4Лих)-3+66.3(4Лих),13

Все права защищены.

© Prince Hans-Adam II
of Liechtenstein, 2009

www.vaneckverlag.li

ISBN 978-3-905881-04-2 (англ.)

ISBN 978-5-9998-0074-9 (рус.)

© Инфотропик Медиа,
издание на русском языке, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	1
1. Право на самоопределение – личное убеждение	7
2. Происхождение государства	27
3. Роль религии в формировании государства	33
4. Размеры государств и влияние военных технологий	49
5. Монархия, олигархия, демократия	71
6. Американская революция и представительная демократия	91
7. Швейцарская конституция 1848 г. и путь к прямой демократии	99
8. Конституционная реформа Лихтенштейна 2003 г.	109
9. Недостатки традиционной демократии	121

10.		
Государство будущего		133
10.1		
Правовое государство		141
10.2		
Социальное государство		167
10.3		
Образовательная система		181
10.4		
Транспортная система		187
10.5		
Государственные финансы		195
10.6		
Национальная валюта		207
10.7		
Другие государственные функции		225
11.		
Конституция государства будущего		231
12.		
Стратегии построения государства будущего		239
13.		
Видение третьего тысячелетия		269
Приложение:		
Проект Конституции государства в третьем тысячелетии		277
Алфавитный указатель		299

Вступление

Прежде всего, я бы хотел поблагодарить тех, кто взял на себя труд прочесть мою рукопись и кому я обязан таким большим количеством исправлений, дополнений и предложений. Эта книга стала результатом длительного и тщательного изучения значения и цели государства. Я начал этот процесс, будучи еще студентом старших классов, о чем пойдет речь в первой главе, и сегодня, после моего ухода из активной политики, он до сих пор еще остается незаконченным.

Мой друг, профессор философии конституционного права, с которым я часто обсуждал свою рукопись, спросил меня, к какому типу книг будет относиться моя работа. Может быть, это будет трактат по философии конституционного права, политический манифест, мемуары или историческое произведение? Чем чаще я думаю об этом, тем больше мне кажется, что моя работа просто представляет собой кулинарную книгу из политических рецептов, которые на протяжении веков собирались моими предками и десятками лет накапливались мной самим. Я надеюсь, что эти рецепты помогут построить государство третьего тысячелетия, государство, которое принесет счастье как можно большему количеству людей. Как бы ни выглядели эти политические рецепты, одно я знаю точно: можно многое почерпнуть из политических рецептов прошлых веков и тысячелетий, но для того, чтобы соответствовать желаниям и потребностям человечества в третьем тысячеле-

тии, необходимы более современные рецепты. Для части населения нашей планеты эра демократии наступила только в конце второго тысячелетия. Будем надеяться, что в третьем тысячелетии демократия возобладает, будет сохранять главенствующую роль во всей дальнейшей истории человечества и не останется, как это уже случалось раньше, всего лишь ограниченным во времени и пространстве явлением, иначе говоря, незаметной деталью в истории.

Каким хотело бы человечество видеть государство третьего тысячелетия? Президент Кеннеди, с кем я, будучи еще молодым человеком, имел честь лично встретиться, в своем инаугурационном обращении в 1961 г. произнес: «Не спрашивайте, что ваша страна делает для вас, спросите, что вы можете сделать для своей страны». Как молодой человек, идеалист по натуре, я был в то время убежден в верности этого утверждения. Сегодня я, может быть, и не потерял веру в свои идеалы, но десятилетия опыта в области национальной и международной политики, которые включают в себя годы работы в качестве главы небольшого, но современного демократического государства, убедили меня в правильности противоположного утверждения: *не спрашивайте, что гражданин может сделать для государства, но спросите, что государство может сделать для гражданина лучше, чем любая другая организация.* В данном случае такой организацией могут быть община, международная организация или частная компания. В этой книге я хотел бы объяснить, почему традиционное государство как монополярная корпорация не только представляет собой корпорацию неэффективную, с низким коэффициентом «цена—производительность», но, что еще более важно, становится тем большей угрозой для человечества, чем дольше оно существует.

Критический подход к истории человечества, особенно к истории XX века, раскрывает государство как действительную угрозу жизни и свободе индивида. С учетом этого легко по-

нять тех, кто не признает никакую форму государственного порядка. Желает ли человечество третьего тысячелетия жить в государстве? Разве возможно в итоге реализовать на практике утопию об обществе вне государства? Отрицание любой формы государства широко известно под греческим словом *anarchia* («анархия»), которое изначально обозначало миролюбивое движение, в основе которого лежала идея частной собственности. Однако анархисты, скорее всего, не обратили достаточного внимания на то, что для существования частной собственности необходимо верховенство права. Без государства господство права, которое должно распространяться на каждого, чрезвычайно трудно реализовать и практически невозможно поддерживать его существование какое-либо продолжительное время.

В конце XIX века отдельные анархисты оказались под влиянием социалистско-коммунистической идеологии, которая отрицала идею частной собственности и пропагандировала насилие. Целью коммунизма было создание общества без классов и без государства. Во время переходного этапа эта цель должна была достигаться посредством диктатуры пролетариата. В результате возникало тоталитарное государство, в концентрационных лагерях которого было уничтожено людей намного больше, чем в более известных нацистских концентрационных лагерях. По оценкам, только в одном Советском Союзе по политическим мотивам были убиты до 20 млн человек, а в Китае это число может достигать еще больших значений. Эксперимент в Камбодже с так называемым коммунизмом каменного века, предположительно, стоил жизни трети камбоджийского населения. Даже если эти числа являются преувеличенными, они в любом случае превышают 6 млн – число жертв концентрационных лагерей национал-социализма.

Можно поспорить, что существует, по меньшей мере, теоретическое различие между национал-социализмом и комму-

низмом. Если человек был рожден евреем, то он не мог изменить свою национальную принадлежность и был обречен на гибель в концентрационных лагерях нацистов. Если же кто-то рождался классовым врагом, то у него была, по крайней мере, теоретическая возможность стать последователем коммунизма и социализма. Социализм и коммунизм, таким образом, идеологически ближе стоят к мировым религиям, чем национал-социализм, однако в политической реальности различие было незначительным. Тем, кто был рожден классовым врагом, только в редких случаях выпадал шанс изменить свой классовый статус. Но даже принятие коммунизма и социализма во времена таких диктаторов, как Сталин, Мао Цзэдун, Пол Пот, не давало никакой гарантии, что человек не закончит свою жизнь в концентрационном лагере.

Если бы в третьем тысячелетии человечество смогло превратить все государства в компании, оказывающие людям услуги на основе прямой и представительной демократии и права на самоопределение на местном уровне, подобно тому, как это описывается в данной книге, то такой результат можно было бы считать огромным успехом. Держателями акций в такой компании, «государстве-компании», были бы его собственные граждане, которым государство выплачивало бы прибыль в той или иной форме, что описывается далее, в главе 10.

Разумеется, какой-нибудь анархист может возразить, что монарх, принадлежащий к семье, которая на протяжении столетий стояла во главе государства, в принципе не может выступать за отмену государства. В ответ я хотел бы заметить, что князья Лихтенштейна не получают вознаграждения за свою деятельность в качестве глав государства ни со стороны государства, ни от его налогоплательщиков. Все расходы короны, в противоположность большинству других существующих монархий, покрываются за счет частных фондов князя или его Дома. Действительно, деятельность главы государства

имеет отдельные выгодные стороны и определенные преимущества, однако такая деятельность – скорее препятствие для счастья, чем необходимость, не в последнюю очередь из-за обязанностей, которые необходимо нести, и ожиданий, которые не могут быть реализованы.

Как убежденный демократ, приверженный такой форме демократии, которая выходит далеко за пределы того, что сегодня считается нормой, я предлагаю свою книгу всем тем, кто не обладает ни временем, ни желанием читать многостраничные трактаты по политологии. У политиков редко хватает времени на это, за исключением случаев, когда они только что проиграли выборы. Поэтому я попытался написать небольшую, простую для понимания книгу без указания ссылок и опуская излишнюю предысторию событий.

Другой причиной, по которой сноски были опущены, стал тот факт, что сегодня для меня было бы затруднительно отследить источники, из которых я на протяжении десятилетий получал информацию. Несомненно, она была почерпнута из огромного количества книг и статей, которые я прочел, из многочисленных бесед с учеными из различных научных сфер, а также политиками как национального, так и международного уровней. Таким образом, в главе 1 я ограничился изложением своего личного опыта, который сформировал мою концепцию государства. Я имел возможность взглянуть на государство с различных точек зрения: как глава государства; как политик, перед которым стояла задача выиграть референдум в условиях прямой демократии; как бизнесмен, который ведет дела не только в своем государстве, но и на других континентах; и как историк-любитель, очарованный эволюцией человечества и влиянием военных технологий, транспортных сетей и экономики на размеры государств. В главах 2–9 я определяю те силы, которые, по моему убеждению, влияли на историю человечества в прошлом и, с большой веро-

ятностью, это влияние будет продолжено в будущем. Они включают в себя, в частности, религии, идеологии, военные технологии, экономику и транспортные системы. Некоторые читатели могут подумать, что посвящать более ста страниц истории человечества недостаточно, другие, наоборот, могут считать это чрезмерно длинным описанием.

Читатели, менее заинтересованные в истории, могут пропустить главы с 1 по 9 и сконцентрироваться на главах с 10 по 13. В них содержится объяснение предложений о том, каким образом сделать традиционное правовое демократическое государство более демократичным и эффективным. Я также рассматриваю возможные стратегии реализации идеи мирового демократического правового государства в третьем тысячелетии. Целью третьего тысячелетия должно являться превращение всех государств в миролюбивые компании, оказывающие услуги всему обществу. Человечество более не должно служить государству, и его существованию не должны угрожать войны или какие-либо иные действия государства. Достижение этого стало целью проекта Конституции государства третьего тысячелетия, который помещен в приложении к книге и прокомментирован в главе 11.

1. Право на самоопределение – личное убеждение

В то время, когда я был учеником старших классов, в 50-х гг. прошлого века, я начал интересоваться факторами, которые привели к войне в Алжире. Я просто не мог понять, почему право на самоопределение применялось к населению Лихтенштейна, численность которого составляла всего лишь 20 000 человек, но не действовало для разнообразных этнических групп в Алжире, отдельные из которых насчитывали миллионы человек.

Я столкнулся с той же проблемой в Испании в 1966 г. во время правления Франко. В то время я был студентом, изучал экономику и проходил стажировку в одном из банков в Стране Басков в Испании. Дипломатия никогда, на самом деле, не была моей сильной стороной, и в обсуждениях я не мог не поддаться искушению предположить, что если право на самоопределение было применимо к небольшому числу подданных Лихтенштейна, то оно равно должно применяться и к баскам. Мои баскские друзья были польщены, но мои друзья-испанцы оказались более дипломатичны, чем я сам. Они сошлись во мнении, что если право на самоопределение неприменимо к баскам, то нет никакой причины применять его к подданным Лихтенштейна.

Люди, рожденные в семьях, подобных моей, обычно интересуются историей и мыслят на международном уровне. История и мировая политика обсуждались и критически оценивались в нашей семье, и с определенного возраста дети могли не просто следить за ходом обсуждений, но и участвовать в них. С какого-то момента членам семьи стало ясно, что модель наследственной монархии, власть которой базируется на религиозной легитимности, или «милости Божьей», уже отжила свой век.

Единственное расхождение во взглядах состояло в том, утратила ли эта модель свою эффективность в XIX веке или еще раньше. Внутри семьи все были убеждены, что такие идеологические формы легитимации власти, как национализм или социализм, являются тупиковым путем развития человечества. Несмотря на фундаментальные проблемы, демократия представляется единственной надежной альтернативой «Божьей милости». Однако во времена моей юности еще не было окончательного соглашения по поводу того, какая модель демократии может считаться наилучшей.

Продолжавшийся несколько десятилетий процесс деколонизации оказал на меня, как на молодого человека, захватывающее впечатление. К сожалению, рано или поздно все модели демократии и экономического развития в новых странах закончились политическим и экономическим провалом, независимо от того, какая страна – Великобритания, США или Франция, – была взята за образец. Отдельные экономические успехи, такие как Сингапур или Южная Корея, были исключениями, подтверждающими правило. В момент обретения Сингапуром независимости политические аналитики и экономисты практически в один голос заявляли о неясных перспективах его развития. Долгие годы после окончания Корейской войны Южная Корея считалась безнадежным очагом проблем. В то же самое время, в 60-х гг. прошлого века, экс-

перты предсказывали светлое будущее для государств Азии, Африки и Латинской Америки, которые обладали значительными запасами сырья. К сожалению, национализм и фашизм в этих государствах не только сводили на нет все попытки установить демократию, но и обычно приводили к разрушению экономики.

Дальнейшей проблемой оказалось то, что почти все постколониальные страны были искусственно созданными государствами. Колониальные власти проводили государственные границы без учета мнения местного населения. В результате это привело к образованию государств с крайне гетерогенным населением, или так называемым многонациональным государствам. Исторически можно провести интересную параллель с империей Габсбургов — классическим примером многонационального государства с тесным переплетением различных языков, рас и религий. Языки различались от одной деревни к другой, одна деревня была католической, а другая протестантской или православной, а внутри этих общностей проживали еврейские меньшинства. Национализм уничтожил империю Габсбургов, привел Европу к политическим катастрофам XX века и продолжает оказывать влияние как внутри Европы, так и за ее пределами; национальные меньшинства подавляются, изгоняются или уничтожаются.

Подробный анализ проблем империи Габсбургов, проведенный моей семьей, а также наш интерес к схожим историческим примерам империй и государств с множеством культур и религий объясняются близкими и дружественными отношениями, которые наша семья на протяжении веков поддерживает с семьей Габсбургов. Уже во времена правления герцогов Бабенбергов (предшественников Габсбургов) моя семья имела сильное влияние на территориях, которые сегодня относятся к Австрии и Моравско-силезскому краю Чешской республики. Когда в XIII веке умерли последние

представители семьи Бабенбергов, наша семья поддержала Габсбургов. Только в короткий период XV и XVI веков у нас с ними были религиозные и политические противоречия.

Помимо политических связей, наши семьи связаны родственными узами. К примеру, моя бабушка была младшей сестрой Франца Фердинанда, который на момент его убийства в Сараево был старшим наследником трона. В нашей семье мы часто обсуждали, какие политические реформы могли бы спасти империю Габсбургов от упадка. С учетом примера наших соседей швейцарцев устойчивая демократия на местном уровне и политическая децентрализация казались очевидными решениями проблемы. Политическая децентрализация империи Габсбургов была предложена молодым императором Карлом I после смерти императора Франца Иосифа I во время Первой мировой войны, когда, к сожалению, было уже слишком поздно.

Во второй половине XX века даже Швейцария, образцовая демократия, столкнулась с проблемой национальных меньшинств в кантоне Берн, в месте сосредоточения швейцарского капитала. Берн представляет собой один из самых крупных и наиболее важных кантонов Швейцарии. Франкоговорящие католики района Юра этого кантона посчитали себя дискриминируемыми в политическом и экономическом плане по сравнению с немецкоязычным протестантским большинством Берна. Франкоговорящее население стремилось к большей автономии района Юра, но встретило сопротивление со стороны немецкоязычного большинства. Конфликт эскалировался: прогремели взрывы, радикальные элементы выступали за присоединение района Юра к Франции. Правительство Швейцарской конфедерации вмешалось во внутреннюю кантональную проблему и выступило посредником при выработке решения в 1974 г. Франкоговорящее население Швейцарии призывало к тому, чтобы Юра был преоб-

разован в их собственный кантон. Решение было поддержано подавляющим большинством голосов, хотя некоторые французские общины пожелали остаться в кантоне Берн. С течением времени экономическое и политическое развитие в Юра превысило ожидания, и несколько франкоговорящих общин, которые остались в Берне, пожелали присоединиться к новому кантону. Такое мирное и демократическое решение проблемы, завершившее конфликт с применением насилия, для меня является впечатляющим примером успешного эксперимента по внедрению принципа самоопределения на местном уровне.

Помимо моих интересов в области истории и политики, которые я унаследовал от своей семьи, мое изучение экономики и права в Университете Санкт-Галлена в Швейцарии побудило меня провести тщательный анализ плановых коммунистических экономик в странах Восточной Европы. В нашей семье в основном все были убеждены, что коммунистические системы стран Восточной Европы рано или поздно рухнут. Оставался единственный вопрос, когда и как это должно произойти. Мой отец, князь Франц Иосиф II, был убежден, что Советская империя потерпит крах еще до начала нового тысячелетия и это произойдет в виде мирного процесса. Учитывая высокие цены на нефть, которые существенно поддерживали экономику Советского Союза, лично я предполагал, что экономический коллапс произойдет не раньше начала третьего тысячелетия и, возможно, после крупномасштабной ядерной войны. Мой отец оказался прав. Распад советской империи и Советского Союза начался в 1989 г., и люди Восточной Европы смогли освободиться от социалистической диктатуры.

Находясь под впечатлением гибели империи Габсбургов и ее, к сожалению, негативных последствий, я задавался вопросом: какие реформы можно было бы провести в Советском

Союзе для того, чтобы предотвратить его крах. Я пришел к заключению, что только радикальные реформы могут спасти большое многонациональное государство от распада.

В отличие от империи Габсбургов реформа Советского Союза требовала полного экономического преобразования государства с введением рыночной экономики. Тем не менее между двумя этими империями существуют параллели. Оба государства являлись многонациональными странами с большой долей национальных меньшинств. Раскол государства по линиям зачастую произвольно проведенных границ провинций или региональных республик неизбежно приводит к новым проблемам с национальными меньшинствами, которые влекут за собой потенциальную угрозу этнических чисток и гражданской войны. Однако пока национальные меньшинства не заражены бациллой национализма и не призываются религиозными фанатиками к насилию, они могут совместно жить в мире на протяжении столетий. Действительно, мировой опыт показывает, что смешение разнообразных национальных меньшинств может считаться культурным и торговым преимуществом.

Когда в 80-х гг. прошлого века кризис Советского Союза стал очевиден, мне пришло в голову, что единственной возможностью его сохранения было предоставление права на самоопределение на местном уровне; переориентация центрального государственного управления исключительно на дела внешних сношений, обороны, внутренней безопасности и законодательства; радикальная программа приватизации и быстрая интеграция в мировую экономику. Президент Горбачёв никогда не признавал необходимость таких радикальных реформ. Однако даже если бы он и признал, его шансы на успешное претворение их в жизнь были минимальны. Ему необходимо было бы сначала прибегнуть к вооруженным силам и КГБ (секретная служба) для того, чтобы распустить Ком-

мунистическую партию, а затем направить КГБ против армии для того, чтобы добиться радикального уменьшения расходов на вооружение. В довершение всего, единственным способом, которым он мог создать правовое государство, был бы роспуск КГБ. Тем не менее достижения президента Горбачёва были по-настоящему великими и имели историческое значение. Он не только более или менее мирно смог распустить Советский Союз, но также предотвратил крупномасштабную гражданскую войну, которая могла перерасти в ядерный конфликт. Я искренне надеюсь, что историки будущего отдадут должное главным достижениям и политическому искусству президента Горбачёва и других советских политиков того времени.

Во второй половине XX века в политической жизни Канады также возникла проблема с франкоговорящим меньшинством в провинции Квебек. Около половины населения Квебека выступало за независимость, но это означало бы появление проблем для англоговорящего и коренного индейского населения Квебека, которые желали остаться в составе Канады. В то время мне представилась возможность обсудить с канадцами возможное решение проблемы на основе идеи права на самоопределение на местном уровне. Согласно этому предложению, относительно тонкая полоса земли вдоль реки Св. Лаврентия, где проживает большая часть франкоговорящего населения, должна была получить независимость. Большая часть провинции Квебек, которая богаче минеральными ресурсам и включает в себя город Монреаль, должна была остаться частью Канады. При таких условиях независимость должна была в значительной степени потерять свою привлекательность для франкоговорящего меньшинства. Сделанные с тех пор отдельные уступки в пользу этого меньшинства, похоже, разрешили данный вопрос, по крайней мере частично.

Практически в то же самое время противоположный пример можно было наблюдать в Югославии, особенно в Сер-

бии и Хорватии, где полностью было утрачено государственное управление. Югославия была ввергнута в длительную, кровопролитную гражданскую войну и период этнических чисток. Несмотря на то, что Югославия была политически и экономически ближе к Западу, чем Советский Союз, катастрофы все же не удалось избежать.

С самого начала меры, принимаемые международным сообществом в Югославии, были по большей части обречены на провал. Наивысшим приоритетом было невмешательство и неприкосновенность существующих границ без четкого понимания того, как предотвратить неизбежную гражданскую войну. Как только прозвучали первые выстрелы, международное сообщество начало признавать суверенитет отдельных республик внутри их существующих границ, несмотря на то, что всем было ясно, что эти границы, за исключением границ Словении, носили искусственный характер и были причиной крайне серьезных проблем. Существовала возможность спасти Югославию и избежать гражданской войны, если бы международное сообщество настояло на том, что суверенитет Югославии и неприкосновенность ее границ будут признаваться только тогда, когда Югославия начнет уважать право на самоопределение на местном уровне. Под давлением и при поддержке международного сообщества функции югославского государства могли бы быть ограничены деятельностью в основных сферах его компетенции, а по окончании этого процесса в качестве стимула Европейский союз (ЕС) мог бы предложить радикально преобразованной Югославии членство в ЕС. Границы республик, составляющих Югославию, могли бы быть установлены заново таким образом, чтобы учитывать потребности и стремления местного населения. Эти республики могли бы принять на себя осуществление важных функций в социальной, экономической и отдельных правовых сферах, которые прежде входили в круг полномочий центрального правительства. При этом международное

сообщество тем не менее могло признать суверенитет составляющих Югославию республик, даже в случае, если центральное югославское правительство проигнорировало бы его рекомендации по предоставлению права на самоопределение на местном уровне. К сожалению, этнические чистки снова пришли на европейскую землю, а Европа просто наблюдала за всем этим со стороны, нанеся тем самым ущерб своей репутации по всему миру.

Был еще один фактор, который довольно рано позволил мне понять, что в следующем веке государства станут в большей степени подвержены центробежным силам, чем в предыдущем столетии, и что опасность их распада будет расти, будь то распад путем мирного процесса или гражданской войны. Когда я завершал свою учебу в Санкт-Галлене в 1960-х, преобладающий взгляд в отношении государств и корпораций можно было выразить принципом «чем больше, тем лучше». Лихтенштейн — как государство не только небольшое, но и монархическое — казался любопытным пережитком прошедших эпох, не имеющим никакого будущего. Приводились доводы о том, что Европа в политическом и экономическом плане может выжить только путем объединения. Так как я должен был стать главой государства в маленькой стране, мне приходилось спрашивать себя, разумно ли это — готовиться к такой бесперспективной работе? Поэтому я интенсивно изучал вопрос о значении маленьких государств.

На протяжении всей истории в одних регионах в определенное время преобладали небольшие государства, соответственно, на других территориях и в иных временных рамках доминировали крупные. До возникновения Римской империи небольшие греческие города-государства формировали политический ландшафт Европы, и после падения Римской империи до конца эпохи Средневековья Европа характеризовалась, прежде всего, небольшими государствами. Затем

тенденция снова изменилась в пользу крупных и более централизованных государств. Выдвигались предположения, что эта тенденция достигнет своего пика с объединением европейских государств в ЕС.

Однако как студенту-экономисту мне стало ясно, что экономический успех, который продемонстрировал Лихтенштейн после Второй мировой войны противоречит широко распространенной вере в принцип «чем больше, тем лучше». Когда я возражал экспертам, указывая на это различие между теорией и реальностью, они отвечали, что финансовая сфера, туризм и почтовые марки были причиной экономического роста Лихтенштейна. Однако это не совсем соответствует истине. Туризм имел какое-то значение для этой небольшой страны до Второй мировой войны, но во время войны он пришел в упадок и с тех пор играл незначительную роль. Почтовые марки обеспечивали по сравнению с крупными государствами непропорционально большие поступления в бюджет, что позволяло сохранять низкие налоги, но и они не могут считаться причиной послевоенного экономического подъема. И хотя вскоре после Первой мировой войны Лихтенштейн пытался поддержать финансовый сектор низкими налогами и благоприятным правовым регулированием, эти мероприятия не достигли существенного успеха из-за ограничительной политики Европы в сфере обращения иностранной валюты, которая проводилась в промежутке между двумя мировыми войнами. Присоединение Австрии к Третьему рейху в 1938 г. привело к оттоку капитала из-за всеобщего страха перед возможной оккупацией Лихтенштейна Германией.

Более подробный взгляд на статистические данные о Лихтенштейне в 60-х гг. прошлого столетия позволяет понять, что именно промышленность являлась настоящим двигателем экономического прогресса страны после Второй мировой войны. Промышленное производство Лихтенштейна берет начало

во второй половине XIX века, когда с монархией Габсбургов было достигнуто таможенное соглашение. Низкие ставки налогов, низкая заработная плата и высококвалифицированная рабочая сила сделали Лихтенштейн относительно привлекательным местом для текстильной промышленности соседней Швейцарии, которая поставляла продукцию на такой значительный по обороту рынок, как империя Габсбургов. С началом Первой мировой войны и падением монархии Габсбургов небольшая по величине промышленность Лихтенштейна потеряла свой рынок и должна была подвергнуться реструктуризации с прицелом на швейцарский рынок, так как высокие тарифы и валютные ограничения затрудняли экспорт продукции в другие страны Европы. Такое переориентирование промышленности на швейцарский рынок стало возможным только благодаря тому, что Швейцария была готова заключить с Лихтенштейном выгодное таможенное соглашение, аналогичное более раннему соглашению с монархией Габсбургов.

После Второй мировой войны Западная Европа не стала повторять ошибок, сделанных по окончании Первой мировой, когда отдельные государства позволяли националистическим силам изолировать свои рынки. Наконец, не последнюю роль сыграло давление США, направленное на либерализацию европейской торговли, особенно в промышленном секторе, как внутри Западной Европы, так и в области внешней торговли с США и Канадой.

Новые рынки, которые открывались по всему миру в сфере промышленности, предоставляли неожиданные возможности для маленького Лихтенштейна, опыт промышленного производства которого был, конечно, скромн, но тем не менее насчитывал почти столетие. Лихтенштейн привлекал иностранные инвестиции и поощрял внутреннюю предпринимательскую активность своего высококвалифицированного населения низкими ставками налогов, правовым регулиро-

ванием, а также почти полным отсутствием государственного бюрократического аппарата, которые он в то время просто не мог себе позволить. Лихтенштейн также привлекал специалистов высокой квалификации из Германии и Австрии, которые попали в условия политической и экономической неопределенности после Второй мировой войны. Трудовые мигранты из Лихтенштейна ездили на работу в Швейцарию до 1945 г., но вскоре, наоборот, сами швейцарцы стали приезжать на заработки в Лихтенштейн.

Чем более подробно я изучал экономическое развитие Лихтенштейна и примеры небольших компаний, которые совершили огромный рывок в своем развитии после Второй мировой войны как в Лихтенштейне, так и в других странах, тем сильнее я убеждался в том, что преобладающее мнение «чем больше, тем лучше» в корне неверно.

На протяжении столетий до начала Второй мировой войны ведение торговли на дальние расстояния оставалось трудоемким и дорогостоящим занятием из-за высокой стоимости перевозок, небезопасных торговых путей, плохой связи, высоких таможенных пошлин, ограничений, связанных с техническим регулированием, и других препятствий. Следовательно, крупные государства имели значительное конкурентное преимущество перед небольшими государствами, потому что в отличие от последних они могли производить практически все товары в пределах своей собственной территории. Внутренние торговые барьеры могут быть устранены, и возникает возможность получения монопольно высоких доходов за счет высокого спроса на сырье или другие товары, предложение которых в отдельных регионах ограничено. Так как перевозка по воде обходится существенно дешевле, чем по суше, такие государства, как Франция, построили дорогостоящие водные коммуникации и покрыли половину своей территории замысловатой сетью каналов, таким образом еще более уменьшив

расходы на транспортировку. Другие государства, такие как Великобритания, обладают естественным преимуществом, поскольку, как и в Древней Греции, любой экономически важный район легкодоступен с моря. Морские державы были наиболее успешными в построении колониальных империй. Колониальные державы облегчили процесс индустриализации, так как предоставляли большие рынки сбыта и практически любые виды сырья в пределах их территории.

В начале индустриальной революции небольшие страны, и особенно не имеющие выхода к морю, оказались в двойне невыгодном положении. С одной стороны, они должны были импортировать сырье по высоким ценам, а с другой стороны, массовое промышленное производство требовало большого объема сбыта, который, по общему правилу, не мог быть достигнут на внутреннем рынке. Экспорт товаров, за счет которого мог бы финансироваться импорт, вряд ли мог быть конкурентоспособным из-за торговых ограничений и высокой стоимости транспортировки товаров на рынки крупных стран. Всякий раз, когда более дешевые и зачастую более качественные товары, производимые в больших количествах, заменяли собой традиционные ремесленные изделия, маленькие государства оказывались во все более ухудшающемся экономическом, политическом, социальном и военном положении. С конца средних веков и до конца Второй мировой войны тенденция на укрупнение государств казалась неизбежной как по экономическим, так и военным причинам.

На мой взгляд, эта тенденция на укрупнение не только прекратилась после Второй мировой войны, но снова повернулась в сторону уменьшения размеров государств в силу экономических и военных причин, которые я попытаюсь объяснить ниже. Австрийский профессор Леопольд Кор (1909–1994 гг.) и некоторые из его друзей еще на раннем этапе признали это и ввели в обиход фразу «малое — прекрасно».

Тем не менее группу Кора к этому убеждению подтолкнули не экономические или политические взгляды, а, скорее, человеческое измерение, которое, по их мнению, было утеряно в процессе роста крупных государств и корпораций. Профессор Кор любил Лихтенштейн и после Второй мировой войны часто приезжал туда. Я имел честь и удовольствие быть с ним лично знакомым и обсуждать с ним эти вопросы.

Со значительным снижением торговых барьеров в так называемом западном мире и колоссальным уменьшением расходов на транспортировку по суше, вследствие развития дорожного сообщения и железных дорог даже для такой небольшой страны, как Лихтенштейн, стало возможным импортировать товары дешевле, с выгодой для потребителей, а также развивать конкурентоспособную промышленность, ориентированную на экспорт, с выгодой для рабочих. Кроме того, еще один фактор сыграл в нашу пользу. Промышленное развитие ушло от дешевого массового производства в направлении более мелких, гибких и инновационных промышленных объектов, в которых продукция может выпускаться с более высоким коэффициентом прибыльности. После Второй мировой войны Лихтенштейн стал идеальным местом для использования этих возможностей и проведения быстрой индустриализации.

Крупные государства не только потеряли свое экономическое преимущество перед небольшими странами, такими как Лихтенштейн, но даже оказались в неблагоприятном положении. Их промышленность опиралась, прежде всего, на внутренние или колониальные рынки для покупки или продажи товаров. Обычно это означало, что, во-первых, покупные цены были слишком высоки; во-вторых, они упускали самые современные инновации на рынке закупок; в-третьих, они были зависимы от своих продаж на защищенном рынке; и, в-четвертых, они уделяли недостаточно внимания развитию всемирной конкуренции.

Любой современный лидер, который считает, что он (или она) может защитить внутренние рынки тарифами или торговыми ограничениями, наносит двойной ущерб экономике: во-первых, потому что потребителям приходится платить более высокие цены за более низкое качество и, во-вторых, потому что возникает угроза для рабочих мест, так как и потребители, и производители находятся в неблагоприятном положении по сравнению с иностранными конкурентами.

Так как Лихтенштейн не мог предложить своим компаниям какой-либо значимый сектор промышленности, они с самого начала должны были ориентироваться на европейские или даже мировые рынки. Согласно среднему показателю за несколько лет, более 40% промышленного экспорта Лихтенштейна направляется за пределы Европы, более 10% поставляется в Швейцарию, которая может рассматриваться практически как внутренний рынок, поставки в остальные страны Европы составляют примерно 40% экспорта.

Еще один экономический фактор, а именно нехватка рабочей силы, побудил преуспевающих бизнесменов Лихтенштейна открывать дочерние компании за рубежом. Резервы рабочей силы в Лихтенштейне и в соседних странах, таких как Швейцария и Австрия, были быстро исчерпаны, и компании стали нанимать иностранных рабочих. К 1960 г. число иностранцев увеличилось до 30% от всего населения, что вызвало политические проблемы и привело к ограничению найма иностранной рабочей силы. Стоимость рабочей силы и заработная плата стремительно увеличивались. Автоматизация и оптимизация производственных процессов позволяли частично покрыть эти издержки, но компании, которые намеревались расти, должны были переместить за границу часть своего производства, подразделений продаж, исследований и управления. Вскоре число иностранных работников, нанимаемых компаниями Лихтенштейна, стало больше, чем местных.

Мне удалось очень подробно проследить описанное выше развитие и сравнить его с тем, что происходило в более крупных государствах как в Европе, так и за ее пределами, о чем я узнавал в результате собственной предпринимательской деятельности. К концу 1970-х гг. я убедился в повсеместном изменении тенденции в пользу небольших государств, по крайней мере в экономическом аспекте. Упадок колониальных империй объясняется не только политическими причинами. Прежде всего, это проявлялось в либерализации мировой торговли, которая существенно снизила экономическую конкурентоспособность колониальных держав. Государства, которые не смогли интегрироваться в мировую экономику, не имели никаких перспектив, при этом не имело значения, насколько крупными они являлись. С течением времени колонии стали экономическим и политическим бременем для таких государств. В результате глобализации мировой экономики возникли силы, которые могли поставить под вопрос существование многих государств.

Какой бы положительной ни являлась данная тенденция для таких небольших государств, как Лихтенштейн, при условии, что они придерживаются верного политического курса, я осознавал, что эта тенденция несет в себе угрозу для мира между государствами. Как я уже упомянул, я считал, что Советский Союз находится под угрозой. В 1992 г., когда Лихтенштейн стал членом Организации Объединенных Наций (ООН), конец Советского Союза был так же неизбежен, как и распад Югославии. Как мне казалось, настал подходящий момент для того, чтобы объединить мою первую речь, произнесенную перед Генеральной Ассамблеей ООН с инициативой о праве на самоопределение. В 1992 г., выступая с речью в Школе общественных и международных отношений имени Вудро Вильсона, в г. Принстоне, штат Нью-Джерси, я обозначил возможность по-новому толковать право на самоопределение, а именно: рассматривать его как средст-

во, позволяющее избежать кровопролития и конфликтов. Вскоре после этого я основал при этом учебном заведении исследовательскую программу, которая в 2000 г. стала Лихтенштейнским институтом по изучению самоопределения. На мой взгляд, для такого института Принстонский университет имеет идеальное расположение из-за своей близости к штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Профессор Вудро Вильсон, до того как он стал президентом Соединенных Штатов, являлся президентом Принстонского университета и после Первой мировой войны был серьезным приверженцем права на самоопределение. Профессор Вольфганг Данишпектрубер, с которым я обсуждал эти вопросы в начале 1980-х, стал директором этого института. В Принстоне и Лихтенштейне было организовано несколько конференций, на которые были приглашены международные эксперты и представители государств — членов ООН и где был сформулирован и опубликован проект конвенции ООН о праве на самоопределение, осуществляемом путем самоуправления.

Тема сообщения и проект предложения были встречены с большим интересом, однако, как и следовало ожидать, имели немало противников. Некоторые государства видели в конвенции возможность децентрализации, которая могла спасти страны, находящиеся под угрозой распада. Другие опасались, что такое четкое определение права на самоопределение, права, которое уже было закреплено в Уставе ООН, но никогда не было точно сформулировано, на самом деле ускорит центробежные процессы во многих государствах. Сегодня право на самоопределение остается центральным, но все еще далеким от реального применения принципов ООН.

В свете всех трудностей, связанных с достижением консенсуса по этой проблеме в ООН, я принял решение временно прекратить работу по данному направлению. Другой причиной принятия такого решения была нарастающая в Лих-

тенштейне интенсивность обсуждения новой конституции, в частности, в связи с вопросом о статусе монархии. С одной стороны, я опасался, что критика со стороны моих политических противников, а именно с позиции того, что монархия не прошла испытание демократической легитимации, рано или поздно будет использована против заявленной в ООН инициативы Лихтенштейна по поводу права на самоопределение. С другой стороны, я видел возможность не только легитимировать монархию демократическим путем, но и прямо закрепить право на самоопределение на местном уровне в конституции Лихтенштейна, при этом определить его в форме более прогрессивной, чем та, которая была предусмотрена в конвенции, предложенной в ООН. После реформы конституции, если представится благоприятная возможность в ООН, Лихтенштейн мог бы снова выступить с инициативой в отношении права на самоопределение и при этом уже намного убедительнее.

Тем временем Институт Лихтенштейна при Принстонском университете мог сосредоточиться на подготовке студентов, проведении исследований, конференций и издании публикаций, посвященных данному вопросу.

Как я уже упомянул, право на самоопределение прочно закреплено в Уставе ООН и должно быть обсуждено не только в узком кругу политических экспертов, дипломатов и политиков, но также и среди широкой общественности. Я вижу проблему в том, что мировые лидеры постоянно пытаются выставить право на самоопределение в качестве оторванной от реальности теории, которая никогда не сможет быть применена на практике. Даже наиболее авторитетным мировым лидерам такой подход может в конечном итоге принести намного больше неприятностей, чем если бы международное сообщество одобрило четко сформулированное определение права на самоопределение.

Я надеюсь, что мои замечания помогли читателю понять, почему моя семья и я лично являемся сторонниками демократии и права на самоопределение. Мы, находясь в Княжеском Доме, хотели бы выполнять в Лихтенштейне функции главы государства до тех пор, пока это будет являться волей большинства населения страны и при условии наличия у нас демократической легитимности. Размер государства, наличие монархической, олигархической или демократической формы правления не играют роли — важно то, служит государство своему народу или нет. В принципе для нас, в Княжеском Доме, не настолько важно, составляет ли площадь территории Княжества Лихтенштейн 160 кв. км или только 16. Гораздо более важным для нас является то, может ли население Лихтенштейна жить счастливо и свободно.

Даже если территория Лихтенштейна составляла бы только 16 кв. км (около 6 кв. миль), Княжество Лихтенштейн тем не менее было бы в десять раз больше Княжества Монако, где около 30 000 человек живут счастливо и свободно. Княжество Монако, скорее всего, могло бы увеличить свое население, только расширив пропорционально свою территорию; Княжество Лихтенштейн, с другой стороны, могло бы значительно увеличить численность своего населения в пределах существующих границ благодаря неограниченной иммиграции. К сожалению, ни один из указанных сценариев невозможен. Поэтому нам следует направить свои усилия на создание многочисленных маленьких княжеств по всему миру, где люди могли бы свободно и счастливо существовать. Для достижения этой цели нет необходимости в разрушении крупных государств. Скорее, их нужно убедить в необходимости политической децентрализации для того, чтобы привнести демократические принципы и принцип самоопределения в их самые маленькие административные единицы, а именно местные общины, как то: деревни или города.

2. Происхождение государства

Неизвестно, где и когда возникло первое государство. Более того, политологи и историки до сих пор не пришли к однозначному мнению, что следует называть государством, а что нет. Для целей настоящей книги я использовал очень простое определение государства, согласно которому под государством понимается в той или иной степени ограниченное географическое пространство с населением, большинство которого признает центральную власть или которое было принуждаемо к признанию такой власти в течение длительного времени. Такая центральная власть должна быть способна защищать свою территорию и население от внешней агрессии с помощью дипломатических или военных средств.

С учетом этого простого определения государство имеет свое происхождение в периоде истории, в котором человечество состояло из охотников-собирателей. Хотя эта историческая эпоха не оставила нам каких-либо письменных документов, но мы можем изучать общества охотников-собирателей, сохранившиеся до наших времен. Некоторые историки могут возразить, что первые государства возникли намного позднее, в период земледельческих цивилизаций — возможно, у шумеров или египтян, — но, однозначно, не у довольно примитивных кочевников.

Из подобранного мной определения государства, однако, следует, что охотники-собиратели без постоянного места

обитания тем не менее способны были создать государство. Кочевые племена обычно контролируют определенную территорию. Границы территорий государств охотников-собираателей, возможно, не были такими четко обозначенными, как границы в более позднем периоде земледельческих обществ, но споры по поводу границ существовали и существуют на всем протяжении человеческой истории вплоть до настоящего времени.

Этот экскурс в историю позволяет лучше понять происхождение и разнообразие государств. Если государства или государствовподобные образования формировали историю человечества на протяжении не тысяч, а сотен тысяч лет, то человечество должно быть гораздо более восприимчивым к такой форме общественного устройства, как государство, чем если бы государство было более современным явлением.

Те племена охотников-собираателей, которые сохранились до сегодняшних дней, обычно управляются вождями на уровне деревень или племенных общин. Должность вождя может быть либо наследуемой, либо выборной. Можно предположить, что уже с эпохи каменного века существовали наследуемые должности вождей или монархов. Сегодня в более крупных сообществах власть монарха поддерживается советом, членство в котором обуславливается возрастом, выборностью или определяется на основе каких-либо иных критериев. Монархические, олигархические и демократические элементы, вероятно, существовали в человеческом обществе гораздо более долгое время, чем последние несколько тысячелетий.

Древние греки выделяли различные типы государств и называли их монархией, олигархией и демократией. В Древней Греции монархия означала правление одного человека, содержание термина не ограничивалось наследственной монархией. Некоторые монархии всегда были избираемыми:

Священный Римский Император, к примеру, являлся монархом, избираемым пожизненно. Президент мог бы считаться монархом, избираемым на ограниченный период времени.

Правление немногих было известно как олигархия. Многие не настолько хорошо знакомы с этим термином, как, например, с понятиями монархии или демократии, которые зачастую неверно противопоставляются друг другу. Довольно рано термин олигархия приобрел несколько негативную коннотацию, и олигархи предпочитали именоваться аристократами, что на греческом языке означает «правление лучших». Как член старинной аристократической семьи, я ничего не имею против этого термина, но было бы несправедливо, с исторической точки зрения, отдавать предпочтение олигархии перед монархией и демократией. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что в любом государстве и монарх, избранный или наследственный, и народ вынуждены передавать часть важных функций олигархии для того, чтобы государство могло функционировать. Эти функции могут лежать в сфере государственного управления, администрации, обороны, экономики, правовой системы или в создании и издании законов, осуществляемого, например, парламентом. Олигархи, какие бы посты они ни занимали, будь то членство в правительстве, парламенте, судах, администрации или политических партиях, могут быть охарактеризованы как технократы государственного управления. Без олигархии обязанности государства по отношению к его населению не могли бы выполняться в течение долгого времени. Олигархия, таким образом, является сильнейшим элементом в государстве, но если она не соблюдает государственные интересы, то в итоге теряет доверие народа или монарха, и в этом случае существование государства оказывается в опасности.

Демократия означает правление народа (*“demos”*). Однако со времен античности до Американской революции

в XVIII веке преобладало мнение о том, что демократия возможна только в достаточно маленьких политических сообществах, в которых народ может собираться для совместного обсуждения и решения важных общественных вопросов. Кроме того, было распространено мнение, что демократия приводит к непостоянству в управлении, так как люди слишком часто меняют свое мнение, и верховенство закона, таким образом, в условиях демократии не может существовать долго. Опасения состояли в том, что демократия являлась бы первым шагом на пути к анархии и разрушению государственного порядка.

Анархия рассматривалась как нестабильное и опасное состояние, которое может угрожать самому существованию людей. В античности считалось, что никакой из видов государства не может оставаться стабильным продолжительное время: рано или поздно за монархией последует олигархия, за олигархией демократия, а за демократией анархия; если государство стремится выжить, оно должно быть спасено монархом, а затем весь цикл форм правления повторяется заново. Таким образом, только смешанные формы правления, представляющие собой гармоничный симбиоз монархических, олигархических и демократических начал, считались относительно стабильными. На основе этого Цицерон положительно оценивал устройство Римской республики, а Монтескье восхищался государством англичан.

На протяжении тысячелетий религия являлась важным элементом в создании и сохранении государства. В истории человечества она играла доминирующую роль, потому что определенная религиозность, возможно, является частью генетической наследственности. В племенах, не имеющих письменности, существовали и до сих пор существуют законы, которые устно передаются от одного поколения к другому. Существует необходимость в легитимации этих законов и в органах власти, которые должны приводить их в

исполнение для того, чтобы они признавались людьми на протяжении продолжительного времени. Такая легитимация в глазах людей может быть осуществлена, в сущности, двумя путями: как религиозная легитимация, для которой характерно утверждение происхождения законов и власти от Бога или богов; или возможна демократическая легитимация, согласно которой большинство наделенных правом голоса людей прямо или косвенно принимает соответствующее решение.

3. Роль религии в формировании государства

На всем протяжении человеческой истории религия была обычным средством легитимации права и государственной власти. Даже в древних демократиях религиозные верования служили указанной цели. В различных республиках Греции и в Римской республике религиозные церемонии играли центральную роль и имели государственное значение. Государственная казна хранилась в храме, и каждое государственное событие сопровождалось религиозными церемониями. Для греков времен античности и европейцев средневековья религия оставалась важным связующим звеном между людьми, которое объединяло их, несмотря на все войны, которые они вели друг против друга.

Почему религия играла и до сих пор играет центральную роль в человеческой истории? Помимо других объяснений, эволюция человечества могла бы служить объяснением того, почему религиозное чувство представляется врожденным.

Поведение животных в кругу себе подобных во многом определяется их врожденными инстинктами. Для социального поведения – начиная с рождения и воспитания следующего поколения посредством группового поведения и вплоть до защиты территории – чрезвычайно важным является вопрос

выживания рода. Интересы и выживание индивида не имеют в действительности большого значения, большую роль играют гены и социальное поведение, которые способствуют выживанию группы или рода в конкретной среде. Можно говорить об эгоизме генов, который может в некоторой степени вступать в противоречие с эгоизмом индивида. В царстве животных данный конфликт разрешается в пользу группы и рода благодаря руководимому инстинктами поведению. Чем выше интеллектуальный уровень индивида, тем лучше он может осознавать, что его инстинктивное поведение может быть полезным для выживания рода, но вредным для него лично. Общеизвестно, что социальное поведение человека управляется интеллектом в гораздо большей степени, чем у обезьян, несмотря на нашу генетическую близость к ним.

Представляется, что эволюция, природа или Бог, посредством врожденной религиозности заложила в человека этот баланс между инстинктивным и интеллектуальным социальным поведением, который склоняется в сторону сохранения рода в противовес индивидуальному эгоизму. Если мы рассматриваем эволюцию как объяснение, то врожденная религиозность вследствие все повышающегося уровня интеллектуального развития человечества частично приняла на себя роль инстинкта. Если обратиться к истории человечества, то становится очевидно, что высокоинтеллектуальные люди с более низкой степенью религиозности имели меньше потомков, чем остальные. Существует мнение, что в Римской империи христианство распространялось, скорее, благодаря высокой рождаемости среди христиан, чем путем обращения в религию. В государствах, в которых ведется соответствующая статистика, отмечается, что в религиозных семьях уровень рождаемости обычно выше.

Вопрос о том, действительно ли эволюция вызвала генетическое запечатление религиозности в мозге, возможно,

будет однажды разрешен путем нейробиологического или биогенетического исследования. Такие исследования уже привели к неожиданному результату. Сегодня с помощью воздействия на мозг магнитными полями стало возможным измерить и определить локализацию мозговой деятельности, которая вызывается эмоциями или познавательными процессами. Может быть, однажды в результате исследований будет установлено, что эмоции, вызываемые религиозными и идеологическими переживаниями, локализуются в одних и тех же участках мозга. Это действительно было бы доказательством того, что идеология представляет собой «эрзац-религию».

Помимо меньшего числа способных к выживанию потомков, племена, которые возглавлялись нерелигиозными группами, возможно, могли быть менее устойчивы к соперничеству со стороны других племен, так как религия несет в себе веру в жизнь после смерти и воздаяние. Такое воздаяние после смерти может иметь божественную природу или являться естественным законом, например, в буддизме, где центральную роль играет реинкарнация.

В обществе всегда будут присутствовать интеллектуальные индивиды, врожденная религиозность которых очень слаба. Некоторые из них будут пытаться использовать в своих интересах тех людей, которые все еще руководствуются инстинктами или религией в своем поведении. Пока такие люди составляют меньшинство и не доминируют в обществе или государстве за счет своего эгоистичного, отрицающего религию поведения, государство будет продолжать существовать. Проблемы возникают, когда такие люди начинают управлять государством или оказывают влияние на общество, преследуя других по религиозным мотивам или подавляя религию. Обычно для того, чтобы такое государство разрушилось и было заменено новым, не требуется много времени. Хорошим примером в данном случае служит Советский Союз,

даже если указанная проблема не является основной причиной его распада.

Для интеллектуала, убежденного в отсутствии жизни и воздаяния после смерти, лучшей стратегией может стать достижение максимального благополучия за время его короткой жизни на Земле. При этом ограничения, налагаемые религией и моралью, для него исчезают. Закон является сдерживающим средством только в том случае, если существует опасность, что факт его нарушения будет замечен и последующее наказание может перевесить потенциальные блага от его нарушения. Коммунизм, при котором религия активно запрещалась, привел к катастрофе. Однако материалистическая идеология, которая превозносит самореализацию индивида и удовольствия, также является проблемой. Материалистическое «общество праздника» Западной Европы, которое рассматривает религию как пережиток прошлого, не имеющий никакого значения для будущего, также может закончиться крахом. Коммунизм и материалистическое общество объединяет низкий уровень рождаемости. До того, как коммунизм окончательно изжил себя, он пережил экономический коллапс. В социальных государствах правительство берет на себя расходы на лечение и обеспечение в старости. Семья и воспитание детей часто рассматриваются как ненужное бремя. Материалистическое общество добивается экономического успеха, но оставляет слишком мало потомков, чтобы унаследовать созданные им богатства.

Общество без религии не только оставляет после себя меньше или вообще никаких наследников, но может и само лечь в основу другого государства, в котором будет доминировать религия. История преподносит нам ряд примеров новых религий или религиозных движений, получавших контроль над государством, в котором старая религия утратила свои позиции. Во многих других случаях терпимость к

другим религиям или нерелигиозным группам становилась первой жертвой. Те представители интеллигенции, которые не верят в жизнь после смерти и воздаяние, должны в своих собственных интересах принять на себя обязательство обеспечить положение, в котором религия будет играть значительную роль в государстве будущего. С другой стороны, государство должно требовать уважение к свободе совести каждого человека независимо от того, исповедует он какую-либо религию или нет. Проблема «общества праздника» может быть решена только в том случае, если кому-нибудь удастся соединить ориентированную на индивидуальное потребление рыночную экономику с врожденной религиозностью человека и превратить их в удачный симбиоз, который привел бы человечество к благоденствию.

Помимо интеллектуального уровня, удачное сочетание индивидуализма и социального поведения отличает человека от большинства видов животных. Вид животных, состоящий из высокоинтеллектуальных существ, в котором родители не посвящают свое время воспитанию своих отпрысков и которые лишь время от времени встречаются для спаривания, не в состоянии построить современную цивилизацию, требующую сложного взаимодействия между многими отдельными индивидами. Если типичное животное-одиночка из царства зверей, например медведь, было бы интеллектуально намного более развитым, чем люди, последние все равно бы по своему развитию значительно превосходили медведя благодаря их социальному поведению. С другой стороны, высокоинтеллектуальный вид животных со стадным инстинктом, полностью контролирующим поведение его представителей, был бы точно так же неспособен построить современную цивилизацию. Это было бы чрезвычайно консервативное общество, в котором прогресс и свобода были бы сведены к минимуму. Человечество как раз и характеризуется тем, что люди обладают высокой степенью индивидуальности и интеллек-

та, которые предоставляют им свободу экспериментировать и проводить исследования, а также возможность передавать накопленные знания другим представителям группы и своим потомкам. Развитие языка и позднее письменности решительно ускорило данный процесс.

Нахождение баланса между эгоистичной индивидуальностью и социальным поведением, несомненно, являлось одной из основных задач эволюции человечества. Стадный инстинкт и эгоистичное, антиобщественное поведение многих людей являются результатом этой эволюции. Очевидно, что мы нуждаемся в обоих типах поведения, иначе человеческое общество либо распадется, либо развитие его приостановится. Ни стадный инстинкт, ни эгоистическое поведение индивида не должны доминировать в государстве и обществе; скорее, между ними должен быть найден очень тонкий баланс.

Уникальное сочетание интеллектуальности и социального поведения позволяет людям селиться в самых разнообразных климатических зонах: от тропических джунглей до Арктики. В дополнение к этому люди способны к самоорганизации в соответствии со своими потребностями, начиная от маленьких племен, состоящих из нескольких десятков человек, до крупных государств с миллионами человек. Государства с несколькими сотнями тысяч или даже миллионами человек являются, насколько нам известно, сравнительно новым явлением в человеческой истории. Начало свое они берут в эпоху земледельческих государств, потому что сельское хозяйство и животноводство позволяют иметь гораздо более большую плотность населения, сосредоточенного в конкретном месте, чем общества охотников-собирателей каменного века.

Во время перехода от общества охотников-собирателей к эпохе земледелия структура государства изначально не изменялась, несмотря на то что некоторые государства имели го-

раздо более многочисленное население. В более крупных государствах в ущерб демократии укрепились монархические и олигархические силы. В государствах с населением в несколько сотен тысяч человек просто физически было невозможно собрать все население для голосования по необходимым вопросам. Так как в лучшем случае только небольшая часть населения могла писать и читать, голосование в письменной форме было невозможным. Религиозная легитимация права и государственной власти, которая должна была приводить право в исполнение, становилась все более и более важным вопросом. Большинству читателей из Ветхого Завета известны Десять заповедей, полученных Моисеем на скрижалях от Бога. Однако религиозное обоснование права и государства не относится исключительно к христианской и иудейской культурам, оно было также свойственно античному миру. Цари старались вести родословную своих предков от богов. Даже в XX веке, например, многие японцы верили в божественное происхождение Императорского дома Японии.

В государствах, искавших легитимацию в религии, проблемой стали религиозные меньшинства. В античном мире эта проблема часто решалась путем интеграции религии меньшинства в религию преобладающего населения. Перед началом войны люди просили своих богов о помощи, молились и приносили им жертвы. Поражение и подчинение означали, что боги вражеской стороны были сильнее, и в результате подчинение своих богов богам иностранным и интеграция религии побежденного народа с иностранной религией проходили без особых затруднений. Римская империя является хорошим примером подобной религиозной политики, которая успешно проводилась на протяжении веков. В Древнем Риме существовали храмы, посвященные большому количеству иностранных религий и богов. Для повышения авторитетности имперского правления в Римской империи императора возводили в священный чин. Проблем с этим не

возникало до тех пор, пока иностранные религии принимали приоритет римских богов и божественную иерархию.

Сложности начались с появлением евреев и христиан, которые верили в единого Бога и не принимали никаких других богов. Идея священного императора была для них полностью неприемлема. Это обстоятельство поставило под вопрос основанную на религии легитимность императора, государственной власти и государственных законов. Теперь становятся понятны сложные отношения Римской империи с евреями и причины постоянных гонений на христиан. Римская империя видела в иудаизме меньшую угрозу, так как религия евреев в отличие от христианства не была связана со стремлением обращать людей в свою веру. Кроме того, евреи жили на периферии Римской империи, в то время как христиане быстро распространились в центре империи в Риме. В христианство стали обращаться не только люди из низших слоев, но также люди из высшего общества, что делало христианство в глазах имперских властей еще более опасным.

Помимо более высокого уровня рождаемости, который был упомянут выше, быстрое распространение христианства в Римской империи можно объяснить двумя другими факторами. Во-первых, как было уже упомянуто, пантеон богов в древней религии Рима по политическим причинам постоянно пополнялся, что приводило к утрате доверия к старой религии у широких масс населения. Поведение отдельных римских императоров не совсем способствовало укреплению веры в систему, в которой император был божественным существом. Во-вторых, тесная связь между государством и религией неизбежно приводила к ситуации, в которой политика злоупотребляла религией. Ошибки, допускаемые правителями, и неудачные законы привели к ослаблению как государства, так и религии – проблеме, которую очень сложно избежать в условиях, когда право и государство легитимируются посредством религии.

В 313 г. Миланский эдикт, изданный императором Константином I, даровал христианам свободу религии. Древняя религия Рима утратила статус государственной и в новых условиях религиозной свободы стала в один ряд с другими религиями. В самом начале, возможно, не было замечено, что государственная власть таким образом потеряла свою религиозную легитимность, так как после утраты первоначальной легитимности легитимность непродолжительное время может основываться на силе привычки.

Император Константин и его непосредственные наследники, возможно, не осознали утрату легитимности права и государственной власти, иначе они бы немедленно заменили старую религию христианством. Однако христианские учения не всегда совместимы с идеей превращения христианства в государственную религию. Христос несколько раз говорил о том, что Его империя не в этом мире и что необходимо отдавать императору то, что ему причитается, и отдавать Богу то, что должно отдаваться Богу. Демократическая легитимация права и государственной власти никогда не принималась в рассмотрение по причинам, указанным выше.

Примерно шестьдесят пять лет позднее признаки упадка Римской империи убедили императора Феодосия объявить христианство государственной религией. Старые храмы разрушались или превращались в христианские церкви, другие религии запрещались. Немногим позднее древняя Римская империя распалась на две части. Христианство сохранилось, но пережило раскол. Модель государства с тесной связью между государством и церковью сохранилась в Византийской империи. Данная концепция продолжала поддерживаться Православной церковью даже после падения Византийской империи.

Римскими папами была разработана другая модель. С созданием папского государства папы получили возможность

оставаться относительно свободными от императоров, королей и других светских правителей. В средние века папы даже распространяли свое влияние на светскую власть. Существовало скрытое противостояние между церковью и государством, между папой и императором или королем. Оставался открытым вопрос, будет ли светская власть главенствовать над духовной, как это, за несколькими исключениями, происходило во всех государствах, основывающих свою легитимность на религии, или Католическая церковь сумеет утвердить свою власть над светскими правителями. Отличие между Византийской империей и Западной Европой состояло в том, что Западная Европа была политически раздроблена, и правители отдельных территорий не были заинтересованы в усилении императора или различных королей; таким образом, у папы была возможность найти союзников для защиты своей политической независимости. В то время, когда применение демократической легитимации было ограничено очень маленькой территорией отдельных политических единиц, правящие дома и издаваемые ими законы были зависимы от их религиозной легитимации, осуществляемой папой. В так называемой Священной Римской империи император был избираемым, но те, кто имел право избирать, являлись либо наследственными монархами без демократической легитимности, либо епископами, обычно назначаемыми папой.

Различие между религиозной властью с Католической церковью и папой, с одной стороны, и светской властью с императором, королями и герцогами – с другой, придало средневековой Европе политическое разнообразие в рамках общей религии и культуры. Можно провести параллель с Древней Грецией с тем различием, что конкуренция в политической, экономической и военной сферах не ограничивалась самой Грецией, а распространялась на весь континент. Обмен людьми, новыми идеями и товарами происходил не только внутри католической Европы, но также включал в

себя Византию, мусульманские страны, а также Азиатский регион, включая Китай.

Европа впитывала в себя много идей из зарубежных стран и благодаря сильной внутренней конкуренции смогла быстро применить эти идеи, концепции и товары для европейских нужд и заниматься их дальнейшим развитием. Уже в средние века католическая Европа превосходила в военном отношении Византию и мусульманские империи при условии, что она находилась в относительно сплоченном состоянии, как, например, в эпоху крестовых походов. Обращаясь к прошлому, хотелось бы заметить, что доминирующее положение Европы во второй половине прошлого тысячелетия неудивительно: оно возникло еще в первой половине второго тысячелетия.

В эпоху Средневековья Католическая церковь играла важную роль в экономическом развитии Европы. Монастыри являлись центрами науки, медицины и образования. Правители создавали привлекательные условия для монастырей, основывали новые, жертвовали крупные земельные наделы и предоставляли другие привилегии с целью развития отстающих регионов. Кроме того, Католическая церковь получала пожертвования от всех слоев населения, что к концу Средневековья сделало церковь крупнейшим собственником земель и самой крупной экономической корпорацией в Европе.

Влияние Католической церкви на экономическое развитие, однако, было не только позитивным. Скептическое или даже негативное отношение к земному богатству можно проследить у самых истоков христианства, которое выражается в часто цитируемом отрывке из Библии: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные ушки, чем богатому войти в Царство Божие» (Евангелие от Матфея, 19:24). Это имело негативное влияние на финансовую сферу и кредитование, торговлю и

другие сферы бизнеса. В дополнение к этому большая часть крупных доходов от церковного имущества и пожертвований населения направлялась в приобретение зданий, декорирование, содержание церквей и монастырей. Предназначением большинства из этих зданий являлось, в первую очередь, отправление молитвы. Для церкви такая политика являлась вполне объяснимой, ведь основная задача церкви состоит в том, чтобы прославлять Бога на Земле и подготовить людей к жизни после смерти. Однако для экономического развития государства такая политика пользы не приносила.

Тонкий баланс между церковной и светской властью привел к разделению церкви и государства и, таким образом, к появлению свобод для многих слоев населения, которые не существовали в других регионах мира. В конце средних веков этот баланс был нарушен, но, несмотря на некоторые ограничения, очаги свободы сохранялись и постепенно разрастались.

В XVI веке структура власти в Европе изменилась существенно. Благодаря четким правилам наследования трона правящие семьи установили что-то наподобие династической легитимации. Династическая легитимация в основном основывалась на силе традиций. Люди привыкали к определенной правящей семье, и, пока статус правящей семьи не ослабевал вследствие несоответствия накладываемым высокой должностью требованиям или внутренних раздоров, она имела поддержку большей части населения. Это было применимо не только к правящей династии, но и к форме государства, а также к законам. Они превратились в обычное право, и их нарушение или изменение стало опасным даже для могущественных властителей.

В это же самое время вследствие тяготения к материальным ценностям и из-за некоторых злоупотреблений духов-

ный и моральный статус Католической церкви понизился. Необходимость основательных реформ ощущалась все сильнее и привела к Протестантской реформации. Кроме того, новые открытия в науке постепенно изменили средневековую концепцию мира. Правящие семьи Великобритании, Северной Европы, части Германии, а также Нидерландов и Швейцарии использовали эту возможность для того, чтобы уйти из-под влияния Католической церкви, обратить в свою собственность и разделить, как правило, крупное церковное имущество и положить конец разделению церкви и государства. Король или королева Англии даже стали главами Англиканской церкви. Изменения эти не всегда проходили мирно и в итоге привели к Тридцатилетней войне, от которой пострадала значительная часть государств Европы, особенно Германия.

В Тридцатилетней войне не было победителя, она истощила силы обеих противоборствующих сторон – как католиков, так и протестантов. Противники пришли к соглашению о том, что правящие династии или политические лидеры в странах с республиканской формой правления будут определять религиозную принадлежность своего народа по принципу: *“Cuius regio eius religio”*, или «Чья власть, того и религия». Существовали отдельные регионы, в которых преобладала религиозная толерантность, но в целом Европа была раздроблена проведенными по религиозным основаниям границами.

Те, кто не желал признавать религию политической элиты, подвергались давлению, преследовались или изгонялись. В отдаленных районах религиозная толерантность проявлялась сильнее, так как политическое руководство стремилось сохранить эти районы заселенными с целью получения хотя бы каких-то ограниченных налоговых поступлений. Эта тенденция особенно характерна для колоний Северной Амери-

ки. Спустя сотню лет эти колонии будут иметь особую значимость для развития концепции государства и отношений между государством и религией.

Экспроприация имущества Католической церкви и прекращение ее политического влияния привели к либерализации экономики и росту инвестиций в производственные сектора экономики в англиканских, протестантских и особенно в кальвинистских странах Европы. В результате это привело к более значительному экономическому росту в указанных регионах. Эта тенденция также привела к уменьшению влияния Католической церкви на экономику католических регионов Европы. В дальнейшем ослаблению Католической церкви послужили Просвещение, Французская революция, а также политические движения XIX века, такие как либерализм, национализм и социализм.

Религиозные войны и гонения в Европе XVI и XVII веков ослабили влияние религии не только в католических, но и в протестантских областях — тенденция, которая в дальнейшем распространилась на православные государства Европы на юге и востоке и которая продолжается до сих пор. Чем меньше внимания уделяется религии и Богу, тем заметнее на передний план выдвигается индивид: человек, автор открытий о мире и законах природы в огромной Вселенной, которая существовала всегда и не была создана Богом. Религиозная легитимность права и государственной власти со временем становилась все слабее. Как уже упоминалось, монархии пытались заменить религиозную легитимность легитимностью династической. Данная тенденция достигла своего пика во Французском королевстве, когда король Людовик XIV объявил: *«L'état c'est moi»*, или «Государство — это я». Попытка замены религиозной легитимации династической оказалась неудачной и завершилась Французской революцией в конце XVIII века, а в других европейских странах — в XIX и XX веках.

В мире, где религия утратила свое влияние, а в государствах установилась религиозная свобода, можно понять, почему религиозная легитимность не может оставаться духовной основой государства. Однако вопрос заключается в том, почему династическая легитимность просуществовала так недолго. Причина, очевидно, в том, что династическая легитимность не является независимой, а производна от легитимности, основанной на религии или демократии. Если исчезает та или иная названная форма легитимности, то династическая легитимность рано или поздно перестает существовать. Переход от религиозной к демократической легитимности был сложным процессом, происходящим по всему миру, который до сих пор еще не завершен и уже несколько раз заводил человечество в тупик.

Большинству французов не понравится мое мнение, но Французская революция 1789 г. вылилась главным образом в хаос и кровавое побоище, как и революция в России 128 лет спустя. С тех пор во Франции было четыре монархии, а нынешняя республика — уже пятая по счету. Революция в России положила начало одной из наиболее жестоких диктатур в истории человечества, которая длилась около семидесяти лет. Ни Французская, ни Русская революции не смогли добиться поставленных целей и установить режим, опирающийся на демократическую легитимность. Французская революция, Первая мировая война и ее последствия и революция в России привели к тому, что в Европе и за ее границами возникла следующая ситуация: религиозная легитимность сменилась идеологической легитимностью национализма и социализма, но никак не демократической легитимностью. Интеллектуальный вклад Европы в начало демократической эпохи нельзя недооценивать, но без Американской революции этот вклад, вполне возможно, остался бы вкладом теоретического и исторического толка. К большому несчастью человечества, религиозная легитимность могла бы быть в еще

большей степени вытеснена идеологической легитимностью национализма и социализма.

Переход от эпохи общества охотников-собирателей к земледельческим обществам вызвал возникновение очень схожих друг с другом государственных моделей не только в Европе, но и по всему миру, практически каждая из которых основывалась на религиозной легитимности. Даже такие земледельческие цивилизации Америки, как ацтеки, инки и майя, которые были изолированы от Европы, Азии и Африки, создали очень похожие модели государства с религиозной легитимностью. Их правящая верхушка включала в себя священного монарха и олигархов, которые, в свою очередь, получили свою легитимность от монарха и религии. Большая часть населения практически не имела никаких прав и не могла влиять на политику государства. В Европе эта государственная модель эпохи земледельческих цивилизаций постепенно пришла в упадок во второй половине прошлого тысячелетия. На сегодняшний день то же самое произошло на всех других континентах.

Первая попытка заменить религиозную легитимность в государстве династической закончилась неудачно. Вторая попытка замены религиозной легитимности идеологией национализма и социализма закончилась величайшими кровопролитиями в истории человечества. Третья попытка по переходу от религиозной к демократической легитимности по каким-то причинам остановилась на полпути. Я выражаю глубокую надежду на то, что человечество будет достаточно отважным, чтобы пройти этот путь до конца.

4. Размеры государств и влияние военных технологий

Различия в размерах государств обсуждались в этой книге выше. Может создаться впечатление, что, в сущности, государству необходим оптимальный размер, исходя из таких факторов, как население и географическое положение. Однако очевидно, что причина не в этом, так как размер государств зависит от определенного исторического периода и места. В истории известны периоды, когда преобладали крупные централизованные государства, и другие периоды, в которых доминировали небольшие, сильно децентрализованные государства. На одних континентах крупные и малые государства длительное время сосуществовали, на других складывалось иное положение. На первый взгляд, может показаться, что эти различия являются всего лишь капризами истории.

Более детальный анализ длительных исторических периодов, однако, показывает, что размер государства зависит от множества факторов. Географические условия имеют немаловажное значение. Равнинная, легко проходимая местность создает трудности с точки зрения ее обороны и способствует формированию крупных государств. Горная и непроходимая территория, как и острова, могут быть защищены намного легче и тем самым они увеличивают шансы на выживание малых государств.

На протяжении всей истории мы можем наблюдать влияние и других факторов на размер государств. Военные технологии и транспортная система играют в этом решающую роль. В средние века, например, военные технологии благоприятствовали обороне, когда высокие городские стены обеспечивали достаточную защиту и транспортная инфраструктура была очень слабо развита. Оба этих фактора были оптимальны как для небольших, так и для децентрализованных государств, таких как Священная Римская империя. С другой стороны, высокоразвитые технологии осады и эффективные транспортные системы сделали возможным создание крупных централизованных государств, таких как Римская и Китайская империи.

Для изучения происхождения государств в каменном веке, в отсутствие письменных источников, мы должны полагаться на археологов. Насколько нам известно, предшествующие земледельческим культурам культуры каменного века образовывали небольшие, с точки зрения территории и населения, государства. Тем не менее существует свидетельство того, что развитые торговые отношения возникли очень рано. Раковины, каменные инструменты и другие аналогичные предметы были предметом торговли на дальние расстояния.

Появление земледелия около десяти тысяч лет назад характеризуется возникновением небольших городов – центров торговли, пока еще не огороженных крепостными стенами. Вскоре после этого в районе так называемого Плодородного Полумесяца, простирающегося от современной Турции до Египта, возникли города-крепости. Предполагается, что эти города-государства находились в состоянии постоянной войны друг с другом. Первые великие империи возникли вдоль великих рек, таких как Нил, Евфрат и Тигр. Крупные реки позволяли вести судоходство и тем самым торговать, орошать поля, способствовали бурному росту экономики с опорой на

сельское хозяйство. Перевозки по воде распространились от рек к морям и океанам; военный флот также являлся одним из вторичных результатов такого развития. Гомер описывает, что взятие Трои продолжалось долгие годы. Необходимо было подвозить войска, обеспечивать подкрепление и иным образом оказывать им поддержку. Перевозка войск по воде уже в то время была намного экономичнее и безопаснее, чем транспортировка по суше. Первые империи Китая также возникли на берегах великих рек, хотя немного позднее, чем на Ближнем Востоке.

Использование лошадей и изобретение колеса способствовали развитию сухопутных перевозок. Тем не менее дорожные сети существовали до этих нововведений. Племена североамериканских индейцев, которые не знали ни лошадей, ни колес, использовали хорошо развитую сеть дорог для ведения торговли и в военных целях. Империя инков обладала протяженной сетью дорог, которые проходили по высокогорным районам и через густые джунгли.

Благодаря выгодному географическому положению небольшие государства могли веками существовать под защитой своих крепостных стен. Фрагментарный политический ландшафт Древней Греции служит тому доказательством. Однако если одно из этих маленьких государств добивалось военного успеха по отношению к своим соседям и получало контроль над системой сухопутных или морских перевозок, или создавало свою систему, то такое государство довольно быстро могло развиваться в крупную империю.

Хорошим примером может служить становление могущественной Римской империи. Небольшой город в центре политически раздробленной Италии постепенно объединил окружающие его города-государства благодаря совмещению дипломатических и военных средств, а также политической

стойкости. Римляне рано осознали важность дорог для военных экспансий и построили самую эффективную за всю мировую историю инфраструктуру. После того, как они покорили Италию и создали плотную сеть дорог, они построили огромный флот для завоевания всего Средиземноморья. Они продолжали строить все больше дорог и портов вдоль побережий и рек от Северной Африки до Англии и от Испании до Румынии. Римлянам удавалось контролировать эту гигантскую империю относительно небольшим числом войск благодаря тому, что они могли быстро перемещать их из одного очага конфликта в другой. Географические препятствия, такие как Альпы или Пиренеи, которые всегда представляли собой труднопреодолимые препятствия для войск, были быстро пройдены и присоединены к империи. Посещение практически неприступной восточноизраильской крепости Масады дает представление об эффективности действий Римской империи даже на ее периферии. В регионе, который не представлял значительного экономического, политического или стратегического значения, римляне без лишних колебаний воздвигли гигантскую насыпь на горе, ведущей к Масаде, которая в результате позволила им после долгой осады покорить эту крепость.

После падения Рима армии всадников из Центральной Азии создавали другие, даже более крупные империи. Тем не менее эти империи исчезали практически так же быстро, как и появлялись. Лошадь была идеальным средством для работы и передвижения в азиатских степях с их просторными, богатыми подножным кормом равнинами. Кочевые народы, такие как гунны, мадьяры и монголы, находились в оптимальных условиях для совершенствования кавалерии как орудия войны. В густонаселенных сельскохозяйственных регионах, таких как Европа, Средиземноморье и Южная Азия, лошадь являлась элементом роскоши, доступным лишь немногим. Подавляющее большинство войск того времени состояло из пехоты, и по сравнению с армиями кочевников Центральной

Азии они были малочисленными и гораздо более дорогостоящими. Тесные границы территорий в Западной Европе также не были идеальными для создания армии, основанной исключительно на кавалерии. Например, многие регионы стратегического значения, такие как Альпы или Пиренеи, покрыты горами, и потому пехота, требующая на свое содержание меньших затрат, обладала военным преимуществом перед кавалерией. Именно с этой проблемой столкнулась габсбургская кавалерия в Швейцарии в XIV и XV веках.

Интересно было бы задать вопрос, почему имеющие военное превосходство армии кочевников Азии не смогли построить стабильных империй наподобие Рима. Эти империи зачастую представляли собой наследственные монархии, в которых линия наследников не была четко установлена. Данное обстоятельство могло приводить к разделению империи между потомками ее основателя, которое могло сопровождаться конфликтами, равносильными гражданской войне, как это произошло с империей Александра Великого после его смерти. Римская империя впоследствии превратилась в наследственную монархию, в которой линия наследования зачастую была неясной. Несмотря на это, Рим обладал преимуществом в виде судебной системы и олигархов, которые, по меньшей мере, могли осуществлять управление. Указанные факторы позволили империи пережить множество кризисных периодов. Римская судебная и законодательная системы развились во времена республики и придавали империи политическую стабильность даже в тех случаях, когда монарх не соответствовал своей должности. У Рима было также другое преимущество перед империями Центральной Азии – на протяжении долгого времени правительство обладало легитимностью, основанной на религии.

Возможно, это и является решающей причиной, объясняющей, почему конные армии арабов добились успехов

там, где потерпели поражения азиатские войска, а именно в создании империй, которые длительное время оставались бы стабильными. Ислам обеспечил легитимность главам государств и их правительствам и, кроме того, служил средством мотивации для армий: каждый погибший в священной войне гарантированно получал место на небесах. Ислам был также более толерантным, чем другие религии, и это обстоятельство помогло мусульманским лидерам отыскать союзников среди групп, пострадавших от правителей, которые не проявляли терпимость. Некоторые христианские правители преследовали не только представителей других религий, но также христиан, которые, по их мнению, отклонились от истинной христианской веры. В результате на Аравийском полуострове и Ближнем Востоке возникали этнические христианские группы, которые поддерживали мусульманских правителей. Даже сегодня в странах, которые на протяжении веков считались мусульманскими, существуют христианские меньшинства. До образования Государства Израиль в мусульманских странах проживали крупные общины евреев, предки которых, спасаясь от преследований христиан, были дружелюбно приняты исламскими правителями.

Конные армии арабских стран тем не менее так же, как и их азиатские противники, не достигли успеха в деле создания стабильной политической и судебной систем, которые необходимы для устойчивого экономического роста. Возможно, что ортодоксальное толкование предписаний ислама относительно экономики и политики стало более значительным препятствием для экономического развития, чем аналогичные правила у христиан. Кроме того, там не существовало характерной для христианских стран напряженности во взаимоотношениях между папой и императором, между духовной и светской властью, которая привела к созданию политических и экономических свобод в отдельных регионах Европы, ставших основой экономического развития таких регионов.

В любом случае исламские империи утратили свое политическое и религиозное единство и раскололись на государства-провинции, слабо контролируемые калифом Багдада. Впоследствии монголы завоевали большую часть исламского мира, а в 1258 г. ими был захвачен Багдад. Мусульманский мир пережил нашествие монголов, но уже не смог восстановить свое политическое единство, точно так же, как христианскому миру не удалось сделать это после падения Римской империи.

За долгий период, с момента строительства первых городов с крепостными укреплениями (около 8000 лет до нашей эры) до конца Средневековья, выдерживался тонкий баланс между технологиями возведения крепостей, с помощью которых крупные города и небольшие политические образования могли охранять себя, с одной стороны, и осадными боевыми действиями, возможностями транспортной инфраструктуры — с другой. В укрепленных городах-крепостях и замках небольшое количество людей могло защищаться от значительно более многочисленных сил противника. Провести успешную осаду обычно было непросто, так как требовались не только превосходство в военной силе в соответствующем районе, но и эффективные средства транспортировки. Строительство и поддержание инфраструктуры для наземного транспорта требовали особо крупных затрат. Морской транспорт, хотя и являлся менее затратным, зависел от направления ветра, погоды и наличия хороших портов. До конца средних веков использование лошадей в военных целях, возможно, имело наибольшее влияние на размеры государства. Однако в этот исторический период было проще завоевывать, чем управлять. Военное преимущество, позволявшее добиться создания империи, не имело большого значения для превращения такой империи в политически стабильное, экономически развитое государство, которое бы продолжало существовать на протяжении столетий. До конца Средневековья египтяне,

римляне и китайцы успешно добивались этого, но повторить их достижения смогли немногие.

Указанная эра продолжалась более девяти тысячелетий и окончательно завершилась приблизительно в 1500 г. Турецкая артиллерия разрушила стены города Константинополя в 1453 г. и привнесла в военные технологии больше изменений, чем появление кавалерии. Развитие артиллерии решительно сдвинуло баланс военных сил в пользу агрессора и таким образом проложило дорогу преобладанию крупных государств.

Турки к тому времени уже вытеснили арабов с ключевых военных позиций в Багдадском халифате. Они рано осознали значение артиллерии и развивали ее. В XV и XVI веках Турецкая империя быстро расширялась, занимая большую часть мусульманского мира, однако это продвижение не сопровождалось успешным завоеванием и объединением мусульманских государств. Турки также завоевали христианскую юго-восточную часть Европы и даже осаждали Вену в конце XVI века и еще раз в конце XVII, однако в обоих случаях неудачно.

Военная мощь артиллерии быстро получила признание европейцев, и началась гонка вооружений, в которой более маленькие государства, даже более благополучные города – государства Италии, продержались недолго. Существующие крупные государства, такие как Франция и империя Габсбургов, вскоре одержали верх. Швеция, благодаря разработке своих залежей железной руды и развитию металлургии к концу XVI века, быстро стала основным политическим игроком Европы. Однако возможность экспансии в пределах Европы была явно ограниченной, и европейские державы использовали свое военное преимущество для создания колониальных империй за ее пределами. Испанцы и португальцы стали в этом первыми, но англичане преуспели больше всех остальных.

ных. Они преуспели благодаря тому, что добились существенного развития своего флота, и корабли, вооруженные артиллерийскими орудиями и превращенные в плавающие крепости, позволяли атаковать крепостные укрепления прибрежных городов прямо с моря. Городские стены и крепости уже не могли эффективно защищать от подобных нападений. Защищать города от таких хорошо вооруженных агрессоров, особенно при их численном превосходстве, становилось все труднее. Таким образом, артиллерия решающим образом сместила баланс сил в пользу больших, централизованных государств, которые обладали достаточными ресурсами для участия в гонке артиллерийского вооружения.

Вскоре после появления артиллерии у крупных, централизованных государств возникло другое преимущество – индустриализация. До периода индустриализации недостатком более маленьких по размеру государств являлось то, что они не обладали значительным количеством сырья и потому сильнее зависели от торговли. Более крупные государства, однако, не обладали преимуществом в отношении стоимости производства. Преимущества промышленного производства были известны еще в Римской империи: задолго до начала индустриальной эры в Риме было налажено массовое производство керамики, которая распространялась по всей империи. Однако после падения Рима производство керамических изделий снова превратилось в кустарное производство для местного рынка.

Крупные государства, особенно колониальные империи, имели преимущество не только потому, что они обладали почти всем необходимым им сырьем в пределах их собственных границ, но также оттого, что у них был крупный внутренний рынок. В таких больших государствах промышленное производство зачастую возникало на государственных предприятиях, которые помимо оружия изготавливали также изделия ро-

скопи. Крупные внутренние рынки возникли одновременно с упразднением внутренних тарифов и других торговых ограничений и введением стандарта мер и весов, а также единой валюты. Внутренняя транспортная система в таких государствах была изначально в большой степени связана с водными путями, так как водные перевозки по сравнению с сухопутными обходились дешевле. Только в районе 1800 г. дорожная сеть Европы была наконец усовершенствована до уровня построенных за 1300 лет до этого дорог Римской империи.

Как уже отмечалось, Турецкая империя была достаточно сильна, чтобы осадить Вену в XVII веке, но к XVIII веку Турция в своем развитии отстала от империи Габсбургов. Несмотря на то что к моменту возникновения артиллерии Турецкая империя и представляла собой одну из ведущих мировых держав, она оказалась не способна идти в ногу с промышленным развитием. Подобное отставание вызвало не только экономические, но и военные последствия, потому что только промышленно развитое государство могло производить большое количество высококачественного оружия по низкой цене. Вскоре стало ясно, что лидерами среди индустриальных государств стали те, в которых решающую роль играли рынок и свободная коммерческая деятельность, а не государство. Несмотря на свою близость к Европе как в географическом, так и интеллектуальном плане, Турецкая империя и другие государства мусульманского мира не были способны построить эффективно функционирующую рыночную экономику и частный сектор. Вскоре Турецкая империя получила прозвище «больной на Босфоре».

Во второй половине XIX века казалось, что индустриализация является прерогативой христианских стран. До начала XVI века Китай во многих отношениях был не менее развитым или даже более развитым, чем державы Европы. Однако в этот период Китай отстал от Европы из-за быстрого эконо-

мического развития последней. Тем не менее индустриализация Японии в конце XIX века показала, что нехристианская культура также может индустриализироваться и стать сверхдержавой. Война 1905 г., в которой Япония одержала победу над российским флотом, повергла в шок Россию и Европу.

Так же как и Китай, Эфиопия и Таиланд, Япония избежала европейской колонизации. Тому было несколько причин. Япония находилась на далеком от Европы расстоянии и не обладала какими-либо природными богатствами, которые европейские державы стремились бы получить. К тому времени, когда Япония установила первые контакты с Европой, она уже имела хорошо организованную политическую систему и была способна защищать себя от иностранного влияния довольно продолжительное время. Соединенные Штаты только после того, как присоединили западную часть своего континента, начали распространять свое влияние на Японию через Тихий океан. В 1853 г. американский флот под командованием адмирала Мэттью Кэбрейта Перри навязал Японии дипломатические и торговые отношения.

Успехи США коренным образом изменили японскую концепцию лидерства. Новые правители Японии осознали, что применение европейской и американской модели успеха может гарантировать Японии положение, равное по могуществу другим державам на мировой арене. Молодые японцы отправлялись на учебу в Европу и США. Очевидное подражание Японии Западу даже становилось объектом насмешек европейцев, но только до тех пор, пока российский флот не потерпел сокрушительное поражение в 1905 г. В начале XX века мир по большей части был разделен между колониальными державами; поэтому Япония расширила сферу своего влияния за счет Китая. Корея и крупные регионы Китая оказались под контролем Японии и оставались в таком положении до конца Второй мировой войны.

Первая мировая война была, несомненно, спровоцирована серией роковых совпадений, но, скорее всего, она была неминуема. Война обычно воспринималась как нормальный политический инструмент. Войны XIX века показали, что технологическое превосходство, тактика и стратегия гарантируют быструю победу. Наполеоновские войны послужили прецедентом: они продемонстрировали, что возможно разработать общую концепцию построения мощной армии и обеспечения ее снабжения в бою. Совместное применение кавалерии и артиллерии гарантировали быстрый захват новых территорий. Австро-прусская война 1866 г. и Франко-германская война 1870 г. принесли решительные победы за очень короткое время и со сравнительно небольшими потерями. Внедрение железных дорог облегчило снабжение массивных армий по сравнению с периодом наполеоновских войн. Каждая европейская держава заготовила в своем рукаве оптимистичные планы войны, надеясь на быструю победу. Поражение русских от японцев привело к появлению амбиций в отношении Запада; русские понимали, что поддержка славянского национализма в Европе может привести к российской экспансии на запад, которая будет осуществляться за счет территорий Турции и Габсбургской империи.

Однако в сфере военных технологий произошли новые изменения, которые военные стратеги недооценили: был изобретен пулемет. Пехота неожиданно получила относительно недорогое оружие с дальним радиусом действия, которое могло применяться не только против вражеской пехоты, но, что более значимо, против более мобильного противника — кавалерии. На короткое время в истории оборона, а не наступление, стала лучшей защитой. Первая мировая война обозначила возврат ко времени, когда кавалерии еще не существовали и агрессоры вынуждены были вести дорогостоящие и долгосрочные осады, которые требовали большого количества войск и боеприпасов. Когда Габсбургской и Германской империям не удалось

добиться быстрой победы в самом начале войны, западные союзные силы совместно с Россией успешно развили свое наступление против них. Турецкая империя в союзе с Германской и Габсбургской империями оказалась экономически и политически слишком слаба и в конце войны распалась.

В отличие от ведения осады города или крепости в средние века, в Первую мировую войну обороняющаяся сторона располагала значительным географическим пространством и препятствовала мобильным перемещениям агрессора путем уничтожения сил его кавалерии из пулеметов. Даже если противник прорывался через линии обороны, благодаря массированному применению артиллерии и пехоты, он не мог использовать кавалерию для проникновения в глубь территории обороняющихся и, тем самым, выиграть сражение. Обороняющаяся армия всегда могла воздвигнуть вторую линию обороны, углубляясь на несколько миль в тыл. Приrost территории противника в таком случае исчислялся всего лишь несколькими квадратными милями. В эпоху крепостей и городов-государств такая потеря могла означать полное поражение, но для больших империй такая потеря практически незаметна. Германская и Габсбургская империи добились успеха на восточном фронте, и война на этом направлении успешно для них завершилась падением российской монархии. Однако исход войны на западном фронте был для них предрешен в тот момент, когда США вступили в войну с большим количеством свежих сил, вооружений и припасов.

Стратегия, тактика и новое вооружение всегда развиваются во время длительных войн, а к моменту их завершения начинают применяться. Хотя значение они могли иметь только в начале войны, они важны для последующих войн. Танки и самолеты, например, использовались в конце Первой мировой войны, но не повлияли на ход событий. Зато во Второй мировой войне ситуация было совершенно иной.

Военное и политическое руководство Германии осознало важность этих новых видов вооружения раньше других и пришло к выводу, что эти новые технологии основательно изменят способы ведения войны как в тактическом, так и в стратегическом отношении. Когда нацисты захватили власть, их первоочередной задачей стало построение новой армии. В начале войны противники Третьего рейха обладали большим числом танков и самолетов, но их стратегическое и тактическое мировоззрение остановилось в развитии на периоде Первой мировой войны. Буквально за двадцать лет баланс сил снова ощутимо сместился в пользу агрессора. Протяженные линии обороны из траншей не были более востребованы; мобильные танковые формирования, обладающие высокой огневой мощностью, могли либо прорваться сквозь них, либо обойти их все сразу. Пулеметы были в состоянии остановить пехоту, но не танки. Механизированные армии Третьего рейха были способны захватывать значительные территории еще быстрее, чем кавалерия ушедшей эпохи.

Однако в вопросе создания стабильных и экономически процветающих политических систем на покоренных территориях Третий рейх оказался не более успешен, чем конные армии кочевых народов прошлого. Обещанный Гитлером «тысячелетний рейх» был уничтожен всего за пять лет войны. Какими бы впечатляющими ни казались военные успехи Гитлера, Наполеона, Чингисхана и Аттилы, в конечном итоге по сравнению с длительными периодами существования Римской, а позднее Священной Римской, империи они не оставили в истории человечества ничего, кроме коротких и кровавых эпизодов.

Во время Второй мировой войны новые военные разработки снова переместили баланс на сторону обороняющихся. Противотанковое оружие, так называемый панцерфауст, или базука, было разработано для пехоты и наносило танковым

отрядам тяжелые потери, особенно в тех местностях, которые были удобны для укрытия, например, территории городов и лесов. Битва за Берлин, например, продемонстрировала, как слабые силы пехоты наносят серьезный урон советским танковым дивизиям.

Успех гранатомета в конце Второй мировой войны привел к развитию ручных противовоздушных ракетных комплексов для пехоты. Хотя противовоздушные ракеты были эффективны только против низколетящих самолетов или вертолетов, они в выгодной местности предоставляли пехоте надежную защиту от нападения с воздуха. Противотанковые и противовоздушные ракеты стоили гораздо дешевле, чем производство танков, самолетов или вертолетов — как с точки зрения производства соответствующей техники, так и в отношении подготовки персонала для ее применения.

К моменту начала Корейской войны, всего через пять лет после окончания Второй мировой войны, мобильность на поле боя была настолько ограничена, что казалось, будто снова вернулись времена позиционного боя Первой мировой войны. Неожиданное нападение коммунистических сил Северной Кореи при поддержке Советского Союза и Китая привело почти к полному захвату территории Южной Кореи. Однако они были быстро отброшены силами ООН под командованием Соединенных Штатов. Затем обе стороны закрепились на своих позициях, и ни одна из них не смогла получить какого-либо существенного выигрыша территории, несмотря на то что силы ООН вскоре взяли под контроль воздушное пространство. Приграничный район между севером и югом покрыт горами и поэтому непроходим для механизированных подразделений. В итоге обе стороны согласились на перемирие, и граница между Северной Кореей и Южной Кореей до сих пор проходит по этой линии прекращения огня.

В обеих вьетнамских войнах сначала французы, а затем американцы понесли ужасающие потери от хорошо вооруженной и подготовленной армии, обладающей удачной тактической и стратегической организацией. Территория боевых действий обеспечивала хорошее укрытие вьетнамским войскам, и, что, возможно, более важно, они были готовы нести тяжелые потери. Превосходство в воздухе и танках в таких условиях и на такой местности не принесло никакой пользы. Советский опыт войны в Афганистане был во многом аналогичен.

Войны после 1945 г. показали, что агрессор, применяющий механизированные подразделения, может добиться значительного выигрыша территории и быстрой победы только на подходящей местности и только против врага, который соответствующим образом построил свои противотанковые и противовоздушные укрепления. По общему правилу, в таких войнах выигрывает тот, кто первым добивается превосходства в воздухе. Механизированные подразделения с их линиями снабжения в открытой местности представляют собой легкие для поражения цели даже для высоко летящих самолетов. Войны между Израилем и соседними арабскими странами являются хорошим примером важности указанного фактора.

Однако если противник обеспечен хорошо вооруженной современной пехотой и готов оборонять города и территории, которые не являются легко проходимыми для механизированных частей, то ни танки, ни полное воздушное превосходство, ни интенсивное использование вертолетов не принесут быстрой победы. Напротив, высоки шансы, что вооруженный тяжелой техникой агрессор потерпит поражение. Но такая оборонительная стратегия может быть стабильной только при следующих условиях:

1. Каждый, кто намерен применять пехоту при обороне городов, должен быть готов к тяжелым потерям среди

мирного населения и серьезному разрушению строений. Единственный способ осуществить это – либо создать эффективную систему гражданской обороны, которой располагают, например, швейцарцы, либо эвакуировать города до начала военных действий.

2. Оборона города, в котором остается мирное население, с применением пехоты требует поддержки со стороны такого населения, в противном случае ничто не помогает мирным жителям стать информаторами агрессора.
3. Агрессор в своем обращении с мирным населением должен уважать права человека. Однако если наступающий противник не гнушается использовать оружие массового поражения, он захватит город или даже самую непроходимую местность. Например, Саддам Хусейн собирался применить химическое оружие против курдов – как в отношении военнослужащих, так и мирного населения.

Всегда трудно предсказать, каким образом новые виды военных технологий, стратегии, тактики и транспортных средств повлияют на характер боевых действий и размеры государств в будущем. Проще сформировать общую идею, где такие инновации, скорее всего, будут происходить. Например, когда лошадь стала играть ключевую роль в ведении военных действий несколько тысяч лет назад, люди степей оказались в выгодном положении. У них лошади могли разводиться и использоваться всем населением в качестве транспортного средства и рабочего животного. Из степей Азии и Аравийского полуострова вышли конные армии, которые благодаря превосходству над армиями земледельческих государств и империй оказались способны завоевать большие территории за короткое время. С возникновением артиллерии преимущество обрели регионы, в которых имелись не-

обходимые природные ресурсы и технологии металлургии. Индустриализация стала дальнейшей предпосылкой для массового производства вооружения, и, по-видимому, эта тенденция в ближайшее время не изменится.

Таким образом, становится возможным избавиться от тех регионов, которые не обладают мощной и высокоразвитой индустриальной базой. Экономический коллапс Советского Союза показал, что эффективная рыночная экономика сегодня также является необходимостью. Для некоторых читателей это может показаться неожиданностью, но с военной точки зрения ни Китай, ни Индия не смогут конкурировать с США в обозримом будущем. Китай и Индия обладают необходимой индустриальной базой. Они также имеют ядерное оружие и ракеты дальнего действия, но участие в гонке вооружений против США рано или поздно приведет их к банкротству точно так же, как это произошло с Советским Союзом. Довольно затруднительно сравнить расходы на оборону по всему миру, но с конца Второй мировой войны на долю США приходится примерно половина от их общего объема. На втором месте находится Великобритания с приблизительно 5%, за ней следует Китай с долей примерно между 4 и 5%. Бюджет военных исследований США, по некоторым оценкам, превосходит бюджеты следующих по списку двадцати государств вместе взятых. Частный сектор США также намного интенсивнее инвестирует в исследования, чем в Китае или Индии. Многие из этих исследований гражданского назначения в таких сферах, как связь и информационные технологии, дизайн воздушных судов, имеют также и военное применение.

Другие промышленно развитые государства, такие как Япония, Германия, Франция и Великобритания, так же как и Китай или Индия, скорее всего, не будут в следующие несколько десятилетий представлять угрозу для военного доми-

нирования США. Ни одно из названных государств не располагает оружейной промышленностью, которая могла бы снабжать их собственные войска передовыми технологиями.

Соединенные Штаты снабжают эти страны целыми оружейными комплексами или, по крайней мере, отдельными, наиболее высокотехнологичными компонентами, что делает их вооруженные силы в значительной степени зависимыми от США. Для ведения разведки и рекогносцировки им необходимы американские спутники, для перевозки войск и боеприпасов на дальние расстояния им необходим американский военный транспорт. За прошедшие десятилетия абсолютное доминирование американской оборонной промышленности только усиливается, что проявляется в качестве и количестве ее продукции, и, по всей видимости, эта тенденция в предстоящие десятилетия будет продолжаться.

Какой-нибудь энтузиаст-европеец может возразить, что Европа движется по пути создания Соединенных штатов Европы и сравнивается с США по военной силе. Когда политические лидеры Западной Европы планировали и делали попытки создать Европейское оборонительное сообщество после Второй мировой войны, это начинание еще пользовалось доверием. Западная Европа обоснованно и справедливо опасалась того, что другая сверхдержава – Советский Союз – может ее захватить. К тому времени Советский Союз уже занял всю Восточную Европу и часть Центральной Европы, а также сосредоточил внушительный арсенал обычных и ядерных вооружений на своей западной границе, что не оставляло никаких сомнений в возможности Советов присоединить к себе Западную Европу. Западная Европа была полностью зависима от военной помощи США, но США сначала были заняты Кореей, а затем Вьетнамом. Заверения американцев защищать Европу, в случае необходимости, ядерным оружием не пользовались доверием в глазах мно-

гих европейцев, потому что в случае ядерной войны США тоже были бы уничтожены. Тем не менее попытки создать Европейское оборонительное сообщество закончились провалом в 1954 г. Через несколько лет после этого шесть государств объединились в экономическое сообщество, которое являлось экономическим, а не военным объединением. Его основатели надеялись, что экономическое сотрудничество однажды приведет к созданию Соединенных штатов Европы, обладающих достаточной военной мощью для того, чтобы защитить себя от возможной советской агрессии без помощи американцев. Однако Соединенные штаты Европы в реальности так и не появились.

Очевидно, что если оборонительное сообщество не могло быть создано при постоянной угрозе, вызванной холодной войной, оно не будет построено и сегодня, уже после распада Советского Союза. Каким образом можно убедить европейского избирателя взять на себя гигантские финансовые расходы по превращению Европы в военную сверхдержаву, когда никакой военной угрозы для Европы на горизонте не видно? Вероятно, главная угроза на сегодняшний день исходит от терроризма, и военная сверхдержава защитит от терроризма ничуть не лучше, чем любое другое государство. Даже если соединенные штаты Европы станут однажды возможными, их военная сила не сможет сравниться с Америкой, и это так, как и должно быть. За последнюю тысячу лет мы, европейцы, вели более чем достаточно ненужных войн как в Европе, так и за ее пределами. Если мы и должны извлечь какой-либо урок из прошлого тысячелетия, так это то, что нам следует найти более интеллектуальную цель, чем стать сверхдержавой просто для того, чтобы соревноваться по всему миру в этой области с США. Европа может предложить миру гораздо больше и должна сконцентрироваться на сотрудничестве с Соединенными Штатами в стремлении сделать мир более безопасным, свободным и процветающим, как это описывается в главе 12.

В следующие десятилетия человечество с исторической точки зрения будет находиться в благоприятном и, в какой-то степени, исключительном положении. Впервые в истории в мире доминирует сверхдержава, которая не имеет амбиций по расширению своей территории. Политику Америки, конечно же, можно критиковать, естественно, ошибки время от времени допускаются. Но более подробное изучение военных интервенций США в XX веке демонстрирует, что у Америки никогда не было намерения завоевать какую-либо территорию. В отдельных случаях нападению подвергались США или их союзники; в других случаях американские лидеры верили в то, что они должны нести свободу и демократию в то или иное государство, и вмешивались, в некоторых случаях удачно, но очень часто с обратным результатом. Однако во всех случаях США в конечном итоге выводили войска, при этом иногда против воли той страны, на территории которой они находились. Если США сегодня и обладают сетью военных баз по всему миру, это делается по соглашению с заинтересованными государствами, за исключением базы Гуантанамо на Кубе. Например, в разгар холодной войны Франция потребовала отозвать силы США и НАТО, и они быстро осуществили это требование.

Кто бы ни критиковал сегодня США по поводу войны в Ираке, не должен забывать, что Саддам Хусейн являлся одним из самых жестоких диктаторов со времен Гитлера и Сталина. Он вторгся в Иран и Кувейт из-за их нефтяных месторождений. Он использовал оружие массового поражения против Ирана и своего собственного населения. Более справедливым могло бы быть обвинение США в том, что они не предприняли достаточно мер для того, чтобы свергнуть Хусейна в первую иракскую кампанию, что позволило бы иракскому народу избежать чудовищных страданий. Очевидно, что не было подготовлено достаточно разумного плана по созданию в Ираке по-настоящему демократического правого

государства. В этом смысле действия европейских государств в отношении их бывших колоний были, однако, не намного успешнее. Ошибки прошлого необходимо проанализировать и сформулировать новые решения.

Конечно, в эпоху радикальных технологических и политических перемен можно ожидать сюрпризов. В конце XIX века никто не мог предсказать, какие политические революции принесет с собой XX век. Возвышение агрессивной сверхдержавы, каким бы невозможным оно ни казалось, исключать нельзя. Технологические прорывы и политические катаклизмы могли привести к появлению другой сверхдержавы, не похожей на Соединенные Штаты, без демократической конституции и рыночной экономики, руководимой стремлением вести военную экспансию, подчинять и ассимилировать покоренное население. Такая сверхдержава неминуемо потерпела бы крах, но в эпоху оружия массового поражения она могла унести с собой жизни огромного числа людей. Конные армии Центральной Азии уничтожили множество людей и опустошили значительные территории на пути их завоевания, при этом их оружие было намного более примитивным, чем современное. Сейчас у нас есть возможность и потребность разработать четкую концепцию того, каким образом возможно создавать демократические правовые государства и интегрировать их в мировую рыночную экономику. Европа не воспользовалась этой возможностью в начале XX века, когда под ее управлением находился практически весь мир. Вместо этого она стала причиной двух мировых войн. В XXI веке мы можем надеяться, что европейцы смогут сотрудничать с Соединенными Штатами и другими демократическими правовыми государствами и совершить то, в чем мы потерпели досадную неудачу сто лет назад.

5. Монархия, олигархия, демократия

История показывает, что процесс развития и внедрения в государствах концепций, основанных на демократических началах и верховенстве права и гарантирующих политическую стабильность и экономическое процветание, не легок. И чем крупнее государство, тем задача сложнее. Было множество полководцев, способных захватывать большие территории за короткий период времени, но не многим из них удалось построить прочные государства, гарантирующие гражданам верховенство права, процветание и свободу. Только те государства, в которых власть активно или пусть даже пассивно поддерживалась населением, были успешны сколь-либо длительное время. В прошлом такой поддержкой государства была религия; сегодня для стабильности и процветания государству необходима демократия.

На протяжении XIX и XX веков снова и снова делались попытки распространить европейскую и американскую модели демократии в Европе и за ее пределами. К сожалению, практически ни одна из них не увенчалась успехом. Таким образом, представляется целесообразным изучить формы правления государств прошлого прежде, чем развивать и внедрять новые формы, основанные на демократических началах. Я считаю очень полезным обратиться к опыту древних гре-

ков, которые рассматривали формы правления государств – монархию, олигархию, демократию и анархию – как некий цикл. Целью в данном случае является избежание анархии и построение стабильного государства, основанного на принципе верховенства права и содержащего элементы монархии, олигархии и демократии. В идеале элементы всех трех форм должны соединиться и гармонично взаимодействовать во благо государства и его граждан.

Как уже упоминалось ранее, элементы монархии, олигархии и демократии присутствовали у племен охотников-собирателей в каменном веке и частично сохранились до наших времен. В течение сотен тысяч лет люди вынуждены были жить и решать разного рода проблемы коллективно для того, чтобы выжить. Охота на крупных и опасных животных, таких как слоны, носороги, львы и тигры, предполагала объединение людей и их долгосрочную работу в больших группах с четкой иерархией и дисциплиной. Недавние хорошо сохранившиеся археологические находки доказывают, что предок современного человека, так называемый *homo erectus*, который существовал в Африке два миллиона лет назад и позднее расселился по Европе и Азии, был охотником и мог убивать крупных и опасных животных и что его жизнь, вероятно, немногим отличалась от жизни неандертальца или современного человека каменного века.

Охота на крупных и опасных животных требовала тщательной подготовки – от изготовления необходимого оружия, обучения охотников навыкам пользования таким оружием до разработки максимально продуктивных стратегий охоты с минимальным риском. Тщательно продуманными должны были быть и действия охотников с тушами убитых животных. Нужны были орудия для разделки мяса, также нужно было продумать его хранение, чтобы выжить во времена, когда питания было меньше, как, например, зимой. К примеру, в г. Шёнин-

гене, в Германии, были найдены свидетельства того, как племя *homo erectus* во время охоты убило стадо из как минимум двадцати диких лошадей 400 000 лет назад. Туши животных были разделаны каменными орудиями, и даже костям животных было найдено применение. Археологические находки показывают, что *homo erectus* также удавалось не подпускать хищников до тех пор, пока работа по разделке не завершится. Таким образом, предшественники современного человека либо крайне оперативно проделывали работу благодаря участию большого числа людей, либо могли установить круглосуточное наблюдение и день и ночь отгонять хищников. Во время археологических раскопок были найдены деревянные стрелы, которые по своим аэродинамическим свойствам не сильно отличаются от метательных копий, используемых в современных соревнованиях. Испытание копий таких стрел показало, что они могли использоваться для охоты на крупных животных с расстояния от двадцати до тридцати метров.

Для успеха в таком мероприятии, как охота, *homo erectus* должны были иметь организационную структуру и языковые средства, такие же, как и у племен охотников-собирателей человека современного вида. Уже тогда группа людей или племя нуждались в вожде или монархе, на котором лежала бы ответственность за управление. В дополнение к этому, в племени, возможно, были и более мелкие группы, нуждающиеся в руководстве. Женщины, с большой вероятностью, наравне с мужчинами были вовлечены в процесс подготовки к охоте, возможно, даже принимали в ней участие и, наверняка, играли ключевую роль в обработке мяса и подготовке его к хранению.

Если мы посмотрим на общества каменного века, дожившие до наших дней, или на надежные источники информации о них, то заметим, что на вершине иерархии находится вождь, и рядом с ним, как правило, есть знахарь или шаман,

который отвечает не только за лечение, но и за религиозные церемонии. Также существует группа менее влиятельных лидеров, выполняющих важные функции в племени. Глава племени как монарх и другие лидеры в качестве олигархов могли выполнять свои обязанности эффективно, только имея доверие большинства в группе или племени. Это доверие было необходимо для эффективного взаимодействия членов группы и для выживания группы в течение долгого периода времени в трудных и часто опасных условиях. Помимо элементов монархии и олигархии даже в доисторические времена в обществах каменного века необходимо было наличие элементов демократии. Кроме того, на протяжении всей истории демократия была более распространена в маленьких группах и государствах, чем в крупных образованиях.

В данном контексте не следует забывать, что в царстве животных присутствуют похожая иерархия и групповая структура. Есть несколько видов животных, живущих группами, они нуждаются в регулировании отношений между членами группы и руководствуются концепцией лидерства и олигархической структурой с наличием второстепенных лидеров. В последние десятилетия исследования поведения людей и животных показали наличие удивительных параллелей между поведением людей в группе, с одной стороны, и разных видов животных – с другой.

Взаимодействие монархии, олигархии и демократии в маленьких группах из нескольких сотен человек явилось результатом длительной эволюции. Оптимальный размер группы варьировался в зависимости от климата, географической среды и наличия пропитания. По археологическим свидетельствам и сохранившимся племенам охотников-собирателей можно сделать вывод о том, что существовали минимальные и максимальные размеры населения и территории. Археология также сообщает о наличии торговли между племенами на большом

расстоянии. Опыт показывает, что торговля между различными группами людей ведет к созданию дружественных отношений и межгрупповым бракам. История человечества с ее начала формировалась в вооруженных конфликтах за лучшие ресурсы пищи и воды, за территории с самыми благоприятными условиями для проживания и за самых красивых женщин.

Интенсивное соперничество между различными группами людей объясняет, почему жители каменного века расселились по всей планете, за исключением Антарктики. Для выживания коллектива и сохранения им независимости проигравшая в конфликте сторона должна была отправиться в другую местность и поселиться там. Следует преклониться перед интеллектуальным достижением *homo erectus* тропической Африки. Вместо того, чтобы адаптировать свое тело под условия окружающей среды, как это делали другие виды, он создавал среду, отвечающую его нуждам. Когда наши предки переселялись на территории с холодным климатом, они не отращивали густую шерсть, а вместо этого шили теплую одежду, строили хижины, чтобы защитить себя от ветра и холодной погоды, использовали огонь, что согреть себя. Когда *homo erectus* начал вносить разнообразие в свой рацион мясом крупных животных в дополнение к фруктам и мелким животным, он не отращивал длинные, как у волка, зубы или большие клыки, как у льва, но создал оружие, которое использовал для охоты на крупных и опасных животных. Когда он поселился вдоль берегов морей, озер или рек, он научился плавать, строить лодки и мастерить сети, гарпуны, удильща и лесы, для того чтобы ловить и есть рыбу.

Тот факт, что древний человек не приспосабливался к окружающей среде физически и что гены людей из разных регионов практически не отличаются, указывает на стремительное развитие человеческой природы, начавшееся, как только были удовлетворены генетические условия для ин-

теллектуального развития и создания социальных структур групп. Многочисленные войны не влияли на интенсивность генетического обмена между различными группами людей. Генетические исследования показывают, что соседствующие группы шимпанзе имеют гораздо меньше родственных связей, чем разные группы людей одного континента. К сожалению, мы, скорее всего, никогда не узнаем, насколько *homo erectus* генетически отличался от современного человека.

Как бы то ни было, *homo erectus* с его интеллектуальными способностями уже состоялся не только как человек, но и как член своей группы. В этом длительном и сложном соревновании между различными людьми и группами все гены и социальные структуры, не соответствующие успешной модели, умирали или стирались с лица Земли. Нравится нам это или нет, но мы как личности и как члены общественной структуры – продукт этого длительного естественного отбора.

Чтобы сформировать у читателя представление о временных рамках развития человечества и естественном отборе с момента его начала и до наших дней, я хочу использовать картину, которая всегда помогала мне почувствовать эти длинные временные отрезки. Давайте представим весь промежуток времени, который человечество существовало на Земле, как один год. Если *homo erectus*, живший два миллиона лет назад, представляет собой 1 января, или начало развития человечества, тогда только 29 декабря, 12 000 лет назад, маленькая группа людей на небольшой территории впервые начала осваивать земледелие. Когда 31 декабря, или 4000 лет назад, земледелие в конечном итоге распространилось и начало формировать человеческое общество, это земледельческое общество уже доживало свой век.

Большинство людей сегодня живет в обществе, образованном производством и сектором услуг. Через несколько

десятков лет, вероятно, только небольшой процент людей в мире будет заниматься фермерством, как это уже сейчас происходит в развитых районах Европы, Азии и Северной Америки. Земледелие не смогло оказать такого сильного влияния на человечество, как каменный век с его обществами охотников-собирателей как с генетической, так и с социальной точек зрения.

Тем не менее появление земледелия, или так называемая аграрная революция, произошедшая 12 000 лет назад, влияло на развитие государства вплоть до наших дней. Благодаря этой революции стало возможно прокормить несколько сотен тысяч человек в районах, которые прежде могли питать несколько тысяч при условии, что район был пригоден для интенсивного земледелия и население использовало свои знания и соответствующие технологии. Тесное соседство монархии, олигархии и народа в относительно маленьких группах общества охотников-собирателей было заменено небольшой группой лидеров с монархом и олигархией, с одной стороны, и огромным населением, которое должно было работать на полях, — с другой.

Зависимое от земледелия общество также сильнее зависит от хранения продуктов в период между урожаями, нежели общество охотников-собирателей с низкой плотностью населения на большой территории, которая обычно предлагает большое разнообразие источников пропитания круглый год. Необходимость сохранения еды и защиты складов от голодных соседей привела к тому, что в первых земледельческих районах Ближнего Востока появились города-крепости, которые использовались как административные и торговые центры, где также находились под защитой склады с продуктами. Монарх и олигархи были ответственны за администрирование и оборону. В развитых аграрных цивилизациях Ближнего Востока охота все больше становилась привилеги-

ей монарха и олигархии, которые также владели военными отрядами. Большинство населения, возделывающего землю, зависело от земледелия и, таким образом, все больше попадало в зависимость от монархии и олигархии. Элемент демократии постепенно терял свое значение и сохранился лишь в небольших государствах и обществах, таких как полисы Древней Греции. В более крупных государствах у демократии не было шансов. Было бы невозможным собрать все население для принятия решений на собрании традиционным способом. Тот, кто встречал народные собрания в некоторых кантонах Швейцарии, где они сохранились до наших дней, понимает, что такая традиционная форма демократии имеет ограничения по числу участников.

Как упоминалось ранее, век аграрной революции был коротким, и человечество благодаря своему высокому уровню умственного развития добилось слишком больших результатов для того, чтобы революция привела к генетическим трансформациям. Однако социальные структуры общества и государств адаптировались к новой ситуации. В более крупных и часто более развитых государствах демократическая легитимность монархии и олигархии исчезла. Для дальнейшего существования государств необходима была новая легитимность – религиозная. В такой структуре государства центральным элементом являлась монархия или монарх. Монарх был избран Богом или богами и приобретал божественный статус, как, например, в крупных древних империях Египта, Китая и Японии и индейских цивилизациях Центральной и Южной Америк. Интересно заметить, что всем этим различным цивилизациям была присуща одна и та же успешная государственная модель: наследственная монархия с сильной религиозной легитимностью.

Очевидно, что эта модель имела преимущества, не присущие другим моделям. Наследственные монархии были по-

литически более стабильными. Четкий порядок наследования избавлял от войн за власть и гражданских войн, что было более важным для аграрной экономики, чем для экономики, сформировавшейся у охотников-собирателей. Уничтоженные урожаи или украденные запасы еды приводили к голоду среди огромной части населения. У цивилизаций охотников-собирателей не было полей, которые можно было бы уничтожить. Чем большим было государство, тем лучшая защита обеспечивалась полям и складам с провизией от краж и тем сильнее становилась позиция монарха и олигархии. Если такому государству удавалось присоединить к себе все земли в округе, пригодные для земледелия, оно было на долгое время защищено от набегов соседей охотников-собирателей. Египет и Китай – отличные примеры успешных государств: объединившись, империи с божественным монархом во главе оставались удивительно стабильными на протяжении тысячелетий. Если династия вымирала или свержалась, наступал период гражданской войны или анархии, но вскоре такие государства или империи возвращались к прежней модели.

Крупные аграрные государства имели еще одно преимущество перед соседними государствами, основанными на экономике обществ охотников-собирателей, а также перед государствами с экономикой, основанной на скотоводстве. В аграрной экономике присутствует относительно короткий период интенсивного труда – возделывание и сбор урожая, сменяемый более длительными периодами, когда работы не так много и когда работа не тяжелая и может выполняться женщинами. Таким образом, крупное аграрное государство имело большой неиспользуемый рабочий потенциал в распоряжении политической власти. Этот потенциал мог быть использован в военных целях, но это имело два недостатка: во-первых, солдаты должны были возвращаться домой на период культивации и сбора урожая, а во-вторых, вся мужская часть населения должна была бы быть вооружена и иметь во-

енную подготовку. Для политической власти, не имеющей полной поддержки населения, это могло представлять угрозу. Поэтому очень часто аграрные государства предпочитали опираться на наемную армию и использовать рабочий потенциал для постройки военных укреплений, дорог, ирригационных систем защиты от наводнений, храмов, дворцов, пирамид и других зданий.

Монархиям приходилось опираться на олигархические структуры для того, чтобы управлять огромной аграрной страной и исполнять необходимые функции, такие как оборона, управление системой складов, транспортной и ирригационной системами и — жизненно необходимой для власти, основанной на религиозной легитимности, — религиозной системой с ее священнослужителями и храмами.

В то время как в обществах охотников-собирателей происходило разделение труда на женский и мужской, в аграрных обществах развивалось многогранное разделение труда и формировались профессии. Профессиональное разделение, однако, было характерно только для крупных государств. Географические ограничения более мелких политических единиц, будь то горная местность или остров, делали развитие профессионального ремесленничества в обществе возможным лишь до определенной степени, и населению приходилось выполнять разнообразные функции. В то же время в развивающихся городах крупных государств работали ремесленники, торговцы и люди других профессий.

Для того чтобы содержать администрацию, войско, священников, церкви и другие институты, государство было вынуждено ввести налогообложение. С ранних времен развития государств, помимо направления финансирования на работы и задачи, служащие общему благу, налогообложение имело целью обеспечить роскошное, по сравнению с фермерским

населением, существование монарха и олигархов. Налогообложение и растрата денег налогоплательщиков – это, безусловно, еще одно из отрицательных последствий аграрной революции.

В условиях религиозной легитимации власти олигархия обычно в большей или меньшей степени зависела от монарха, который мог избирать, назначать, а также увольнять ее членов. Когда олигархии удавалось укрепить свои позиции по отношению к монарху, возникала наследственная олигархия, или знать, которая могла передавать по наследству своим детям титулы, функции и экономические преимущества, присущие данному рангу. Это ослабляло позицию монарха. Даже в государствах без наследственной знати олигархия всегда старалась укрепить свое влияние в ущерб монархии. Этот скрытый конфликт между монархией и олигархией можно наблюдать в разные периоды и в разных частях света. Тем не менее они были зависимы друг от друга и должны были жить в сотрудничестве. Монарх нуждался в олигархах для управления государством и его защиты; олигархи нуждались в монархе как в религиозно-легитимном для населения символе и как в арбитре в конфликтах между разными олигархиями.

До Американской революции в конце XVIII века существовало всего несколько крупных государств, которые не были в течение длительного времени наследственными монархиями. Рим до становления империи был исключением. В самом деле, во времена Римской республики внутренние конфликты и гражданские войны привели к тому, что республика превратилась в монархию. Превращение небольшой Римской республики в одну из крупнейших и наиболее влиятельных империй в истории был возможен частично благодаря политической и географической раздробленности Италии, а также потому, что стремительно расцветшая и павшая империя Александра Великого оставила политический

и военный вакуум в Средиземноморском регионе. Этим изначально воспользовалась другая республика, находящаяся в западной части региона, а именно Карфаген.

Войны между Карфагеном и Римом, длившиеся около ста лет, характеризовались тем, что оба государства управлялись разрозненными и непрочными политическими силами. Олигархи-патриции и знатные семьи часто боялись прихода к власти сильного, победоносного военного лидера, который мог захватить всю политическую власть, больше, чем врагов. Римская республика не устояла бы, если бы Ганнибал, подступивший к воротам Рима, получил полную поддержку и необходимое снабжение от политической верхушки Карфагена. Отступление Ганнибала и поражение Карфагена предоставило возможность Риму, во-первых, получить контроль над Западным Средиземноморьем и прилегающими территориями вплоть до побережья Атлантического океана, а во-вторых, захватить государства – наследники империи Александра Великого в Восточном Средиземноморье.

Расцвет Рима как сверхдержавы своего времени не был результатом труда великого полководца или династии, которая из поколения в поколение пыталась претворить в жизнь свое видение мировой империи. Это был длинный и болезненный путь, полный поражений, волнений внутри страны и гражданских войн. Мировое господство пришло к Риму по стечению обстоятельств, благодаря случайностям и совпадениям, а не в результате долговременной стратегии. Когда в 509 г. до н.э. последний римский царь Тарквиний Гордый был изгнан из Рима, знатные семьи не только установили республику и присвоили себе власть, но также разработали детальные правила, имеющие целью предотвратить установление наследственной монархии и вспышку гражданской войны. В случае если бы данные правила оказались неспособны предотвратить становление монархии или гражданскую войну, основой

мировой империи служили бы существующие политические структуры и законы. Правила обеспечили республиканскому государству, а затем и империи стабильность, необходимую для преодоления всяческих проблем, и достаточную гибкость для политической интеграции крупных территорий и их населения в растущую Римскую империю. Сенат стал главной политической силой в республике, но во времена кризисов консулы или диктаторы на короткий период времени получали неограниченную власть. Другие республиканские города – государства Средиземноморья оказались слабее и вошли в состав Римской империи.

Политическая структура и законы Римской республики не только явились базой для дальнейшего существования империи, во время которого государственная модель могла еще дальше развиваться, но также оказали влияние на становление верховенства права в Европе, а оттуда по всему миру. Римское право было обязательным курсом в системе обучения юристов вплоть до XX века.

Римская республика была самой успешной республикой в истории человечества до тех пор, пока не превратилась в наследственную монархию. Позднее возникли другие республики, которые управлялись олигархами, как, например, Венеция в конце средних веков, но ни одна из них не достигла размеров и значения Рима. И только через два тысячелетия, с возникновением новой концепции государства, Соединенные Штаты Америки стали главенствующей мировой державой.

История человечества от начала аграрной революции и до Американской революции в конце XVIII века показывает, что по крайней мере в крупных государствах комбинация наследственной монархии с религиозной легитимацией и олигархией оказывалась более успешной, чем другие государственные модели. Проникнуть в класс олигархии можно было различ-

ными способами. Если монархия была сильна, монарх принимал решение о том, кто будет принадлежать к олигархии; если олигархия занимала сильные позиции, членство определялось разными способами: выборы, жеребьевка, уровень богатства, военные заслуги, образование или принадлежность к знатному роду или классу. Сильная олигархия была способна свести значимость монархии к религиозному символу, как это произошло в Японии между 1615 и 1868 гг. В тот период политическая власть сосредотачивалась не в руках императора, а в руках премьер-министра, власть которого передавалась по наследству, так называемый Сёгунат Токугава.

Государственная модель симбиоза между наследственной монархией и олигархией оказалась успешной не только в аграрных районах мира, но также и в скотоводческих государствах Азии и Африки. Там скотоводство не препятствовало повышению плотности населения, в отличие от охоты и собирательства. Люди с их домашними животными в таких государствах были намного более мобильны, чем жители аграрных государств, и вели кочевую жизнь, так же как и охотники-собиратели. В таких районах объединить население под одной властью было более сложной задачей, чем объединить население земледельческих районов; более того, в обществе кочевников не происходило профессионального разделения, не было и олигархических структур. С другой стороны, все мужчины были потенциальными воинами. При наличии лошадей они представляли угрозу для крупных аграрных империй. Когда лошади стали более важным средством ведения войны, кочевые племена получили двойное преимущество. Кавалерия была гораздо более мобильна, чем пехота, и, соответственно, могла контролировать большие районы. Меньшая численность населения империй кочевников компенсировалась тем, что кочевой народ был привычен к верховой езде и оружию с детства, в то время как аграрное население было менее приспособлено к войне. В частности, Китай стал

жертвой крупных армий наездников, так же как и другие части Азии, Европы и Северной Африки. На протяжении долгого времени военный успех не мог привести к политическому успеху. Перед победоносными армиями наездников с их кочевой культурой стоял выбор: отступить или адаптироваться к существующим политическим структурам и через несколько поколений полностью ассимилироваться с превосходящим по численности населением земледельческой культуры.

Сотни тысячелетий симбиоз монархии, олигархии и демократии формировал население в маленьких государствах обществ охотников-собирателей. Аграрная революция и скотоводство практически по всему миру превратили этот симбиоз в наследственную монархию с религиозной легитимностью и олигархическими структурами. Аграрная революция позволила прокормить большое количество людей в пригодных для земледелия районах, но за это люди расплачивались здоровьем: несбалансированная диета, изнашивание и травмы организма из-за непривычной работы, паразиты и эпидемии, возникающие из-за высокой плотности населения, особенно в городах.

С политической точки зрения аграрная революция имела свои преимущества и недостатки. В крупных земледельческих государствах общество было лучше защищено от набегов и грабежей соседних народов. Государство предлагало правовую защиту, которая способствовала развитию торговли как внутри государства, так и за его пределами. Это было необходимым фактором для развития экономики, основанной на разделении труда по отраслям: земледелие, скотоводство, добыча полезных ископаемых, ремесло — развития, которое повысило благополучие государства и его населения.

Для большинства населения очевидны были и политические недостатки симбиоза между монархией и олигархией. Чем крупнее государство, тем меньше политических прав

имеет народ. Это скрытое ослабление демократических прав часто распространялось и на более маленькие государства. Только в отдаленных районах — в горах или на островах — или в кочевых племенах это ослабление демократии было не так выражено. Из-за утраты политических прав, высокого налогообложения или войн земледельцы медленно попадали в тот или иной вид зависимости или рабства.

Нестерпимые условия жизни сословия земледельцев подталкивали людей к стремлению стать частью олигархии. В ответ существующая олигархия пыталась любой ценой исключить появление новых членов и обеспечить себе и своим потомкам членство в олигархической структуре. Монархия и олигархия обычно финансировались за счет средств налогоплательщиков и очень часто сами они освобождались от обязанности платить налоги и пошлины. Фермерам приходилось нести на себе увеличивающееся налоговое бремя. В то же самое время купцам и ремесленникам того периода было намного проще, чем сейчас, уйти от налогов или переложить налоговое бремя на своих клиентов.

Войны и неурожаи могли спровоцировать крестьянские восстания, которые обычно не добивались поставленных целей, но даже в случаях их успеха они не изменяли саму систему. Монарх или олигархия могли меняться, налоги и расходы могли быть уменьшены, так же как и число олигархов, но затем весь цикл начинался сначала. История Китая и Римской империи дают нам несколько примеров подобного развития событий. Есть историки, считающие, что высокие налоги ускорили падение Римской империи. Олигархия вообще практически не платила налогов; крестьяне и другие экономически значимые группы населения должны были нести тяжелое налоговое бремя, в результате чего экономика империи становилась все более слабой, а военный бюджет все более маленьким. В конце имперского периода римская армия становилась в основ-

ном наемной и не желала сражаться бесплатно. Крепостные и рабы не подходили для службы армии ни по подготовке, ни по мотивации. Коллапс западной части Римской империи не привел к изменению системы в целом, но привел к анархии, и несколько веков спустя возникла Священная Римская империя во главе с императором Карлом Великим.

Модель симбиоза между монархией, основанной на религиозной легитимности, и олигархией стала терять свое значение, когда религиозная легитимность монархии была поставлена под сомнение и возникла возможность того, что демократическая легитимация будет эффективна даже в крупных государствах. Пример успеха Американской революции начал всемирный процесс, который даже сегодня, спустя двести лет, еще не завершен.

В отличие от Американской революции, Французская революция, с ее массовыми казнями, вызвала шок. Тем не менее даже после неудачного завершения Французской революции и восстановления монархии повернуть назад колесо истории Европы и мира было невозможно. В период XIX и XX веков олигархии с демократической легитимацией постепенно получили политическую власть на самом высоком уровне благодаря всеобщим выборам. Иногда этот процесс происходил мирно, иногда в виде революции. Экономические основы старой олигархии обычно составляли земли и леса, которые утратили свое значение вследствие индустриализации. Старая олигархия состояла из аристократических семей, приближенных к монарху, которые, как и монарх, были недовольны демократической легитимацией посредством выборов. Так как революции обычно заканчиваются массовым кровопролитием, в большинстве случаев мирно прийти к компромиссному решению было более выгодно. Великобритания в этом отношении была хорошим примером и моделью для других государств: когда-то могущественная Палата лордов, которая

была подконтрольна аристократии и монархии, должна была постепенно уступить свои права демократически легитимизированной Палате общин.

Позиция большинства наследственных монархий была слишком слаба для того, чтобы рисковать в политической битве с олигархией, обладающей демократической легитимностью. Расходы монархии обычно финансировались за счет налогоплательщиков. Шаг за шагом парламенты получили контроль над налогами и бюджетом и таким образом могли оказывать давление на монархию. Монарх не мог прямо, в обход парламента, обратиться к населению, так как конституции европейских государств, за исключением Швейцарии и Лихтенштейна, основываются на представительной или очень слабой форме прямой демократии. Во избежание конфликта, в котором сложно победить, монархии, так же как и старые олигархии, начали постепенно отступать.

В той степени, в которой монархии не были упразднены, их полномочия были радикально уменьшены либо посредством внесения изменений в конституцию, либо путем использования японского решения времен Токугавы. Во всем мире для простых людей монарх за границами государства, в соответствии с конституцией, все еще являлся могущественной фигурой, но внутри государства монарх почти не имел влияния. Подпись монарха под законом или изменениями в конституцию стали чистой формальностью, которой монарх не мог избежать. Если монарх из соображений совести не желал подписывать закон, как Бодуэн, король Бельгии (правил с 1951 по 1993 гг.), то решением будет объявить его на один день недееспособным и поручить подписать закон какому-либо другому человеку. Речи, произносимые на открытии заседания парламента, отныне пишутся не самим монархом, а правительством, а монарх только зачитывает их вслух.

Так как монархия все еще имеет символическую ценность для населения, это решение также имеет преимущества и для олигархии с демократической легитимностью. Я сомневаюсь, что такое решение имеет смысл для монарха и его семьи. Обычно монарх не только теряет свою политическую власть, но он и его семья постепенно теряют свободу слова. В ряде монархий монарх и члены его семьи должны получить разрешение парламента на заключение брака. К концу XX века добавилась еще одна новая неприятная обязанность: личная жизнь монарха и его семьи стала объектом для развлечения общественности и средств массовой информации. Наемные работники и друзья монарха получали взятки за получение информации, фотографий или семейных писем, которые позволили бы повысить тираж газеты или число зрителей телеканала. Такие монархи и их семьи больше не имеют привилегий, а сидят в «клетке», в которую каждый может заглянуть, у них нет личной жизни и свободы слова или выражения мнения. В таких условиях сложно вести нормальную семейную жизнь и растить детей. Для людей, которые жили в свободе до заключения брака с одним из членов этих семей, особенно сложно привыкнуть к такой жизни. Задача монарха и его семьи в таких государствах была сведена к представительским функциям. Им хорошо платят, но если бы я был обычным гражданином, я бы не пожелал поменяться с ними местами.

Было ли бы гуманнее упразднить эти монархии, открыть «клетку» и вернуть монархам и их семьям частную жизнь, свободу слова и выражения мнения? Возможно, было бы разумнее сохранить эти монархии, уважать их личную жизнь и предоставить им политические функции вместе с демократической легитимностью, как это было сделано в Княжестве Лихтенштейн. Республиканцы среди нас должны обратить внимание, что периоды существования республик в истории человечества были относительно короткими, а периоды наследственной монархии относительно длительными.

6. Американская революция и представительная демократия

До XVIII века развитие государств во всем мире в значительной степени зависело от Европы. Успех Американской революции 1776 г., однако, изменил данную тенденцию, и в XIX и XX веке европейские страны все больше рассматривали американскую конституцию 1787 г. как модель для своих собственных государств. Латинская Америка и позднее другие государства последовали их примеру. Развитие этого государства от самого его создания в качестве английской колонии до достижения им статуса сверхдержавы, несомненно, заслуживает более подробного изучения.

Британские колонии в Северной Америке не просто были ориентированы на Англию; их европейское наследие было гораздо более разнообразным, чем в других колониях. Испанские, французские и португальские колонии, как и британские колонии по всему миру, были населены преимущественно гражданами метрополии и местными аборигенами. Именно такая ситуация сложилась в европейских колониях в Латинской Америке, Африке и Азии, в то время как в Северной Америке колонии Великобритании воспроизводили религиозное и национальное разнообразие Европы. Часть населения бежала из Европы по религиозным соображениям: протестанты спасались от католиков, католики от протестан-

тов, а другие религиозные меньшинства от них обоих. Если бы не конфликт, вызванный неумелым управлением в сфере налогов, который привел к войне за независимость, эта часть света, которая сегодня именуется Соединенными Штатами, возможно, продолжала бы оставаться частью Британской империи до середины XX века, как это произошло со многими британскими колониями.

Когда Соединенные Штаты получили независимость, отцы-основатели столкнулись с рядом проблем. Религиозное разнообразие сделало религиозную легитимацию государственной власти едва ли возможной. Кроме того, так как бывшие колонии только что отвергли британскую монархию, легитимация новой династии не имела никакого смысла. Идеологическая легитимация, такая как национализм или социализм, пока еще не были придуманы.

В отсутствие каких-либо иных альтернатив демократия являлась единственным способом легитимации власти государства. Из истории отцы американской конституции знали, что традиционная демократия имела определенные ограничения. Осуществление власти народа требовало собрания людей. Такое собрание было осуществимо только в рамках небольших политических единиц, в которых избиратели могли собираться и голосовать на регулярной основе. Однако в конце XVIII века Соединенные Штаты уже имели слишком большие размеры и население для такой модели демократии. В дополнение к этому, отцы демократии опасались, что массы людей могут быть легко введены в заблуждение политическими лозунгами и подвергнуты опасности не только верховенство права, но и само существование нового государства.

Система разделения властей в Великобритании носила довольно прогрессивный характер для своего времени, несмотря на конфликты, вызванные высокими налогами, Бри-

танская монархия служила моделью для американской конституции. На протяжении веков английская политическая система сформировала на Британских островах – практически в отсутствие какого-либо влияния извне – политически стабильное государство с верховенством права, которое предоставляло определенную правовую защищенность. В то же самое время необходимо помнить, что британская политическая системы XXI века отличается от своей предшественницы из века XVIII. Американская система с ее сильной президентской властью и двумя равными по политической силе палатами конгресса, а именно Сенатом и Палатой представителей, являются, таким образом, более близкими к британской модели XVIII века, чем к сегодняшней политической системе.

Отцы – основатели Соединенных Штатов Америки нашли решение, которое было простым и в то же время гениальным. За основу своей конституции они взяли английскую политическую систему с некоторыми улучшениями и заменили религиозную легитимность короля демократической легитимностью президента. Палата лордов и Палата общин были заменены на Сенат и Палату представителей, состав каждой из которых избирался населением. Члены Сената до 1913 г. избирались населением путем не прямых выборов через легислатуры штатов, затем они стали избираться напрямую, также как и члены Палаты представителей. Другим важным нововведением было создание очень влиятельной и независимой судебной системы, а также высокая степень автономности отдельных штатов. Верховный суд является конституционным судом если не по названию, то по выполняемым функциям: он обладает правом отменять законы и указы Конгресса и Президента в случае, если они не соответствуют конституции. Судьи Верховного суда назначаются президентом пожизненно с одобрения Сената. Некоторые другие судьи в США напрямую избираются населением. Изначально федеральные штаты были практически независимыми госу-

дарствами. Гражданская война XIX века, две мировые войны XX века, а также возрастающая в последние несколько десятилетий централизация власти федерального правительства в Вашингтоне существенно уменьшили автономию штатов. Тем не менее американские федеральные штаты по общему правилу пользуются большей автономией, чем аналогичные регионы в европейских государствах, за исключением, возможно, Швейцарии.

История показывает, что даже в высокой степени децентрализованные государства со временем становятся более централизованными и более бюрократичными. Войны зачастую сильно ускоряют этот процесс. Так называемая Священная Римская империя была на протяжении тысячи лет, скорее, исключением, доказывающим правило. Некоторые, однако, утверждают, что это была не священная, не римская и, конечно же, не империя.

В число нескольких других нововведений, использованных в американской конституции, вошло четкое разделение церкви и государства, а также признание свободы религии. Как было упомянуто выше, религиозное разнообразие делало невозможным религиозную легитимацию государства. Несмотря на то что отцы-основатели, как мы знаем, были убежденными христианами, они являлись знатоками философии, и благодаря этому в конституцию были заложены принципы равенства всех религий. Свобода религии означала не свободу от религии, а свободу для религий с гарантией того, что государство не будет поддерживать одну религию и подавлять другую. В сегодняшних Соединенных Штатах религии конкурируют друг с другом, и каждый человек вправе поддерживать свою религию, а также своих братьев и сестер по вере. Возможно, в этом заключается причина большей религиозности американцев по сравнению с европейцами.

Отцы – основатели Соединенных Штатов Америки не сошлись в едином мнении относительно того, является ли их политическая система демократией в классическом понимании этого слова. На мой взгляд, ни американская конституция, ни какая-либо другая из практически всех современных конституций, которые я знаю, не может называться по-настоящему демократической. В лучшем случае речь может идти о гарантии определенных демократических прав. Я попытаюсь обосновать свое замечание ниже.

Во всех косвенных или представительных демократиях демократические права людей ограничены принятием решений о назначении определенных должностных лиц. Кандидаты от различных политических партий обычно избираются как доверенные лица населения в местные, региональные и национальные представительные места. Любой директор, которому приходится принимать кадровые и коммерческие решения для компании, знает, что кадровые решения обычно сложнее, чем коммерческие, особенно когда претендентом на должность менеджера является незнакомый кандидат, пришедший «с улицы». Эффект коммерческого решения, такого как открытие или закрытие завода, повышение или снижение цен, может быть просчитан и оценен намного проще, чем шансы на успех нового менеджера.

В компании, по крайней мере, существует возможность провести индивидуальные собеседования с кандидатами, а также применить другие методы отбора. Обычно у избирателей нет таких возможностей. Можно поспорить, что избиратели не голосуют за кандидата, которого не знают, а выбирают, скорее, политическую программу, которой следуют кандидаты. Программы современных политических партий, однако, мало отличаются друг от друга и больше похожи на рекламу автомобилей. В случае с рекламой покупатель машины имеет право подать в суд на автомобильную компа-

нию в случае, если технические характеристики, заявленные в рекламе, не соответствуют реальным; разочарованный избиратель, с другой стороны, не имеет иного выбора, как подождать несколько лет и проголосовать за другую партию. Каждый, кто защищает представительную демократию на основании доверия к программам партии, тем самым ставит под вопрос доверие к самой представительной демократии.

Ограничение принципа демократического правления введением представительной демократии, возможно, имело смысл, когда значительная часть населения оставалась малообразованной и была распространена неграмотность. Сегодня найти оправдание этому гораздо сложнее. Во-первых, различие в уровне образования между управляющими и управляемыми минимально. Даже в тех странах, где сохраняются значительные различия в уровне образования населения, как, например, в ряде африканских стран, это не означает, что к власти приходят самые образованные и грамотные люди. Во-вторых, последствия принятия неправильных решений на высшем уровне сказываются на всем населении страны.

Изначально американская конституция предлагала очень ограниченную степень демократии по другой причине: она, в сущности, представляла собой демократию белых. Рабы, женщины и коренное индейское население в той степени, в которой оно сохранилось, было на долгое время лишено демократических прав. Необходимо, конечно же, отметить, что греческая модель демократии также отказывала женщинам и рабам в демократических правах. Тем не менее несмотря на кровопролитную войну XIX века, одной из причин которой был вопрос отмены рабства, Соединенные Штаты и их конституция существуют до сих пор.

Несмотря на свою слабость, модель демократической легитимации олигархии и монархии, реализованная Американ-

ской революцией, представляла собой гигантский, исторического значения, шаг на пути развития государства. Впервые после аграрной революции, произошедшей более 12000 лет назад, снова стало возможным развивать государство в направлении демократии в рамках крупной аграрной страны. С точки зрения истории человечества, так густо наполненной ошибками и трагедиями, первый проект конституции для демократического государства с верховенством права оказался очень удачным, даже несмотря на ряд его слабых мест.

7. Швейцарская конституция 1848 г. и путь к прямой демократии

Швейцария в 1848 г. сделала очень важный шаг в направлении демократизации. В некоторых кантонах Швейцарии сохранилась первоначальная форма прямой демократии в том виде, в котором она была известна в Древней Греции. Хотя до середины XX века женщины в Швейцарии не обладали избирательным правом, в отличие от Соединенных Штатов и Древней Греции, в Швейцарии не было рабства. До 1848 г. Швейцария была скорее конфедерацией отдельных государств, чем федеральным государством. Старая конфедерация была захвачена Наполеоном и превращена в государство, которое просуществовало совсем недолго. Когда империя Наполеона разрушилась, Швейцария, как и остальная часть Европы, в той или иной степени вернулась к старому политическому порядку.

Тем не менее идеи Французской революции и наполеоновской эпохи до сегодняшнего дня оказывают значительное влияние на Европу и вместе с ней на Швейцарию. Реставрация старого порядка не принесла стабильности. В 1848 г. по Швейцарии и другим европейским государствам прокатилась волна политических беспорядков. Французская революция была направлена против монархии, знати, Католической церкви и религиозной легитимности государственной влас-

ти. В отличие от Американской Французская революция по ряду причин оказалась неспособной создать эффективный государственный строй, опирающийся на демократическую легитимность. Объяснение всех этих причин вышло бы за рамки данной книги, поэтому следует назвать лишь несколько из них, которые, однако, могут дать представление о том, почему Соединенные Штаты и Швейцария преуспели в формировании государств с демократической легитимностью и почему не удалась другие попытки их создания в Европе и за ее пределами.

Французская революция попыталась заменить религию, которая была ослаблена тесной связью с монархией и государством с идеологией национализма. При этом не ставилась цель кропотливо, преодолевая сложности, заниматься строительством децентрализованного демократического государства с системой разделения властей и верховенством права. Вместо этого задачей было строительство мощного государства, которое создало бы для французского народа «рай на земле».

В государстве с религиозной легитимностью всевышний Бог несет собой высший суд и рай на небесах, тогда как в государстве, основанном на национализме, само государство здесь, на земле, отвечает за суд и «рай». Логическим завершением такой националистической концепции государства является социализм. Со времени Французской революции в государствах мира возникали, в большей или меньшей степени непривлекательные, комбинации национализма и социализма. Рано или поздно они потерпели бы крах, так как оказались неспособны осуществить надежды своего населения; с теми из них, которые существуют до сих пор, это также рано или поздно произойдет.

Идеология национализма предполагает, что государство должно заботиться о благосостоянии народа, то есть нации,

что теоретически было хорошей идеей. Однако европейские государства XVIII века еще не являлись нациями и не имели единого национального населения. Небольшие местные политические единицы и разделение населения на различные классы с разными привилегиями и обязанностями было типичным даже для королевской Франции, которая следовала политике объединения начиная с XVII века. Эта политика объединения столкнулась с некоторым сопротивлением, но в результате создавались более крупные экономические районы, которые сделали возможным экономический рост и индустриализацию. Отмена внутренних пошлин, единая валюта, приведение к единому стандарту мер и весов, ликвидация частных монополий и других привилегий были выгодны потребителям и тем производителям, которые сумели адаптироваться и выжить в условиях возросшей конкуренции.

Зачастую объединение экономических регионов приводит к политическим проблемам, особенно если при этом не отменяются все привилегии и монополии. Отдельные люди утрачивают свои привилегии, некоторые производители и работники лишаются бизнеса или работы вследствие усилившейся конкуренции. Они пытаются сохранить свои предприятия и рабочие места всеми средствами, идут даже на крайние меры. В данном случае производитель подвергается большему риску, чем потребитель, так как последний может выбирать между различными продуктами. Качество и стоимость продукции изменяются все время, и покупателю становится не всегда просто получить необходимую информацию и оценить их. Кроме того, многие потребители убеждены, что успешный производитель зарабатывает за их счет. Они испытывают к нему зависть, особенно когда он публично демонстрирует свое богатство. Однако потребители редко выходят на улицы для того, чтобы бороться за снижение цен и добиваться улучшения качества товаров. В результате те, кто получает наибольшую выгоду от открытия рынков и создания крупных

экономических регионов, оказывают лишь незначительную политическую поддержку тем, кто защищает их интересы.

Для разрешения этой сложной политической проблемы государственное руководство, вероятно, правильно, решило не полагаться на мудрость населения. В конце XVIII – начале XIX веков большинство населения было неграмотным, и, как и сегодня, лишь небольшой процент интеллектуальной элиты интересовался или был знаком с законами рыночной экономики. Доверять знакомым религиозным символам и внушать людям, что они являются «избранным народом», считалось вполне естественным. Вместо всевышнего Бога на небесах и обычного человека, милостью Божьей ставшего монархом, теперь всемогущее государство здесь, на земле, создаст «рай» для «избранного народа».

Следующим логическим шагом было то, что государство должно предоставить людям то, в чем они нуждались и чего заслуживали. Для достижения этой цели необходимо было национализировать все средства производства и установить всеобъемлющую государственную бюрократию. В конце человеческой эволюции достигался бы настоящий социализм. История продемонстрировала, что ни национализм, ни социализм не только не могут создать «рай» на земле, но также не могут просто уйти от института государства, во что многие социалисты поначалу верили. Напротив, как национализм приводит к социализму, так социализм порождает всемогущее бюрократическое государство, возможно, с тем небольшим отличием, что он провозглашает «избранным» не конкретный народ, а класс «рабочих и крестьян». При более детальном анализе становится ясным, что политика национализма или социализма, которая пользуется особой популярностью в странах третьего мира, на самом деле является чрезвычайно антисоциальной и направлена против национального интереса.

Швейцария и Соединенные Штаты избежали такой участи, так как состав их населения отличается большим разнообразием как в религиозном, так и национальном плане. В Швейцарии существуют четыре языковые группы: немецкая, французская, итальянская и ретороманская. Католики являются самой многочисленной религиозной группой, но в XVI веке Швейцария стала важным центром Реформации, из которого вели свою деятельность Кальвин и Цвингли. Так как границы между двадцатью шестью кантонами не были проведены по языковому или религиозному принципу, языковое или религиозное большинство может меняться от одной общины к другой в рамках одного кантона.

В Швейцарии религиозная легитимность, если и существовала вообще, не могла быть просто заменена идеологической легитимацией национализма. Разнообразие состава населения и географические условия способствовали созданию демократического децентрализованного государства, основанного на верховенстве права и разделении властей. Но население ни Соединенных Штатов, ни Швейцарии не желало создания сильного государства, которое бы построило «рай» на земле. Их граждане опасались того, что такое сильное государство построит «земной рай» за счет подавления большинства населения.

Сильное централизованное государство также уменьшило бы демократические права избирателей в общинах и кантонах Швейцарии. Развитие демократии в Швейцарии и Соединенных Штатах проходило не только сверху вниз – это был в равной степени процесс развития снизу (от общин) вверх. Процесс развития демократии от самой маленькой политической единицы, общины, в направлении более крупных, вероятно, является критичным, если государство, основанное на демократии и верховенстве права, стремится оставаться стабильным на протяжении длительного времени. Это, однако, пред-

полагает, что правительство сверху поощряет становление государства на основе принципов демократии и верховенства права. Демократия на уровне самых маленьких политических единиц возможна только в том случае, если избиратель также имеет право принимать финансовые решения, касающиеся этой политической единицы. В сильном централизованном государстве, в котором самые маленькие политические единицы выступают только получателями приказов и денежных средств, демократия и верховенство права рано или поздно будут подорваны.

Точно так же, как отцы – основатели США смогли воспользоваться английским опытом при подготовке своей конституции, авторы швейцарской конституции смогли извлечь пользу из векового опыта прямой демократии в своих кантонах, входивших в состав конфедерации государств, а также из накопленного к середине XIX века опыта представительной демократии в Европе, Северной и Южной Америках. Например, если письменные бюллетени успешно применялись в системах представительной демократии, не было оснований отказываться от них в условиях прямой демократии.

При прямой демократии политические права граждан не ограничиваются избранием представителей, которые затем принимают за них все решения; сами избиратели имеют право принимать важные решения. В Швейцарии, Лихтенштейне и других системах, в которых присутствуют элементы прямой демократии, можно выделить два основополагающих права:

1. *Референдум, который предоставляет людям право голосовать непосредственно по вопросу, по которому было принято решение парламента.* Как только парламент принимает решение, население может в установленный временной период собрать определенное минимальное количество подписей избирателей с требованием вынести решение

парламента на одобрение референдума. Если большинство проголосует против решения парламента, закон не вступит в силу. По практическим соображениям, даже в прямой демократии невозможно выносить каждое решение парламента на референдум. Поэтому круг проблем, которые могут решаться таким образом, ограничен вопросами, регулируемыми конституцией и федеральными законами. В Швейцарии также существует обязательный референдум для принятия ряда решений на федеральном, кантональном и общинном уровне. Проблема подобных обязательных референдумов заключается в том, что население должно голосовать по вопросам, которые их мало интересуют. Это, пожалуй, наиболее существенная причина, по которой в Швейцарии проходит много референдумов с низкой посещаемостью избирателей, что, естественно, вызывает вопрос о достаточной демократической легитимности некоторых из этих принятых решений.

2. *Право законодательной инициативы.* Это право позволяет избирателям выступать с инициативой о принятии поправок в конституцию или закон при условии, что инициатива была подписана законодательно установленным количеством человек за определенный промежуток времени. Парламент может либо принять, либо отклонить предложение. Если парламент отклоняет его, то по вопросу проводится референдум и избиратели принимают нужное им решение. Парламент также обладает правом выступить со встречным предложением, что может вызвать ситуацию, при которой оба предложения будут отклонены населением и никаких изменений принято не будет.

Самым большим отличием между Соединенными Штатами и Швейцарией является государственная структура. В Со-

единенных Штатах противовесом олигархии в Конгрессе и судах является сильный «монарх», поддерживаемый демократической легитимностью, то есть президент. В Швейцарии монарха нет. Ветви исполнительной и законодательной власти и судебная система контролируются олигархами, обладающими демократической легитимностью. Противовесом олигархии в Швейцарии выступает прямая демократия. Как в Соединенных Штатах, так и в Швейцарии автономия штатов и кантонов на местном уровне также в определенной степени выступает в роли противовеса олигархии федеральных институтов. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что в XX веке автономия штатов в Америке и кантонов в Швейцарии была существенно сокращена. Государственный центр и вместе с ним бюрократия расширили свое влияние, таким образом усилив олигархию. Чем более централизованным становится государство и чем более разнообразными становятся его задачи, тем сложнее становится монарху (независимо от того, избирается он или нет) и населению контролировать олигархическую бюрократию, которая необходима для выполнения этих разнообразных задач. Все это вызывает вопрос: возможно ли остановить и повернуть вспять этот происходящий в Соединенных Штатах и Швейцарии процесс, направленный на создание централизованного бюрократического государства с преобладанием олигархии.

Швейцарская модель, несомненно, принесла его населению более высокую степень демократии, чем представительная демократия в США. Почему же тогда швейцарская модель за последние 150 лет не добилась большего успеха как внутри, так и за пределами Европы? Одна из причин может заключаться в том, что новые олигархии были в основном заинтересованы в замене легитимности старых олигархий и монархий, а не в предоставлении населению большего объема демократических прав. Во имя демократии разрушалась религиозная и династическая легитимность старых монархий

и олигархий. Большинство населения не имело никакого представления о том, как демократия функционировала на самом деле. В XVIII и XIX столетиях исторические традиции демократии имелись только в Швейцарии, Исландии и – на местном уровне – в некоторых других частях света. Таким образом, новые монархи и олигархи могли с легкостью убедить население, что представительная демократия является наилучшей государственной моделью новой эпохи. Она содержит в себе преимущества, которые позволяют новым монархам и олигархам получить демократическую легитимность без необходимости отдавать слишком много политической власти.

По поводу конституций и моделей государства в Швейцарии, Соединенных Штатах и других государствах можно было бы рассказать гораздо больше. Я надеюсь, читатель простит меня, если как Правящий Князь Лихтенштейна я использую Княжество в качестве своего, третьего, примера. Несмотря на его небольшой размер, Лихтенштейн сделал интересный вклад в развитие демократии и верховенства права. Каждый, кто когда-либо изучал различные конституции, отметит, что конституция Лихтенштейна содержит ряд новых элементов.

8. Конституционная реформа Лихтенштейна 2003 г.

Как уже отмечалось, государство Соединенных Штатов основывается на монархии и олигархии, обладающих демократической легитимностью, тогда как швейцарская олигархия опирается на демократическую легитимность и прямую демократию. В Лихтенштейне смешиваются все три элемента: монархия, олигархия и прямая демократия. Лихтенштейн представляет собой первый и единственный в истории конституций пример государства, где три названных элемента образуют сочетание, которое является важным вкладом в гармоничную и сбалансированную политическую систему. Главная причина этого состоит в том, что, помимо Швейцарии, Лихтенштейн является одним из государств, в котором в полной мере реализовалась идея прямой демократии. В других странах прямая демократия обычно принимает форму плебисцитов, служит интересам монархов и олигархов и не имеет такого широкого распространения, как в Швейцарии и Лихтенштейне. Право выносить вопрос на плебисцит может принадлежать монарху или олигархам, и даже в случае, если подобным правом наделяется народ, референдум обычно носит только рекомендательный характер.

Первая Конституция Лихтенштейна находилась под влиянием Германской конфедерации, в которой он являлся членом до его расторжения в 1866 г. Конституция была основана

на принципах монархии и олигархии, и система была хорошо развита для своего времени и для страны своего размера. Тем не менее Лихтенштейн основывался на Австрии, что касается ее законов и коронного суда.

Во время Первой мировой войны Лихтенштейн оставался нейтральным государством, но распад Габсбургской монархии, с которым княжеская семья на протяжении веков поддерживала отличные отношения, имел политические последствия. После войны Лихтенштейн развернул свой внешнеполитический и экономический курс в сторону Швейцарии. Таможенное соглашение с Австро-Венгрией было заменено соглашением со Швейцарией. Со стороны собственного населения выдвигались требования об усилении демократизации общества. Это привело к радикальной реформе конституции 1862 г.

Правовое государство развивалось в соответствии с самыми современными идеями своего периода. Например, была тщательно отрегулирована система конституционного и административного правосудия. Следуя примеру Швейцарии, была введена система прямой демократии как на уровне государства, так и на уровне общин. Конечно, необходимо иметь в виду, что местные общины, так же как и в Швейцарии, всегда пользовались относительно высокой степенью автономии.

Швейцарский опыт прямой демократии был чрезвычайно ценен и полезен для изучения. Тем не менее швейцарская модель была дополнена рядом улучшений. В конституции не были прописаны обязательные референдумы на государственном уровне, которые, как было отмечено выше, вынуждают людей голосовать по вопросам, которые им не интересны. Если в Лихтенштейне часть населения будет не согласна с решением парламента, то достаточно собрать 1000 голосов или голоса 5% от общего числа избирателей, чтобы в течение 30 дней потре-

бовать проведения референдума. Князь как глава государства может ратифицировать закон или дополнение к конституции только по прошествии указанного тридцатидневного срока.

В сравнении со швейцарской системой Лихтенштейн расширил право законодательной инициативы, то есть право предлагать к принятию законы или поправки в конституцию. В Швейцарии на государственном уровне допускаются только инициативы по внесению изменений в Конституцию, тогда как в Лихтенштейне население имеет право предлагать как поправки в конституцию, так и обычные законы. Для предложения законопроекта требуется собрать 1000 подписей, а для выдвижения поправок в конституцию подписей должно быть 1500. Когда конституционная поправка предлагается в Швейцарии, у парламента есть несколько лет для того, чтобы принять или отклонить предложение или сделать встречное предложение. С демократической и конституционной точек зрения, такой подход не безупречен, так как он позволяет олигархии затягивать референдум на годы. Лихтенштейн нашел другое решение. Когда бы ни выдвигалась инициатива, парламент должен выразить по ней свое мнение на ближайшем заседании. При этом у парламента есть три варианта:

1. принять инициативу, руководствуясь соответствующим требованием конституции о необходимом большинстве голосов для принятия такого предложения;
2. отклонить предложение без выдвижения встречного предложения;
3. отклонить предложение с выдвижением встречного предложения.

В случае если парламент отклоняет предложением, правительство должно немедленно провести референдум. Таким

образом, по сравнению со Швейцарией демократический элемент в Лихтенштейне укреплен в противовес олигархии.

Необычная сила прямой демократии, закрепленная в конституции Лихтенштейна, лучше понимается в контексте исторически сильных позиций монархии. Монарх имеет право накладывать вето на решения, исходящие от народа или парламента; это право часто применялось в прошлом и будет применяться в будущем по усмотрению монарха. Таким образом, модель Лихтенштейна защищает от инициатив, которые могут быть слишком популистскими и угрожать общему благу или от тех, которые могут негативно сказаться на социальных меньшинствах. То, чего Швейцария пытается достичь, откладывая исполнение решения собственного населения на годы, Лихтенштейн добивается благодаря праву вето Князя или угрозе применения такого права. Князь использует право вето или угрозу его применения только в случаях, когда это действительно необходимо, чтобы не подвергать опасности авторитет и легитимность монархии.

В конституции 1921 г. монарх все еще обладал религиозной и династической легитимностью, а также имел очень сильные политические позиции, которые он теоретически с легкостью мог бы использовать для введения диктатуры. Это давало повод небольшим группам, скептически настроенным по отношению к монархии, постоянно критиковать ее. Критики утверждали, что наследственная монархия принципиально не может быть демократически легитимирована. Они утверждали, что в наше время наличие монарха можно оправдать только тем, что его роль сводится исключительно к представительским функциям без политической деятельности. Или, выражаясь менее вежливо, критики хотели ограничить функции монарха, превратив его в своего рода «кивалу». В качестве контраргумента можно указать то, что большинство наследственных монархий обладает, по меньшей мере, косвенной демократической легитимностью, а

также то, что статус монарха в конституции Лихтенштейна был утвержден ратификацией демократически избранного парламента в 1921 г. и референдума в 2003 г. И в любой политической системе назначаемые без выборов должностные лица, как, например, судьи и правительственные чиновники, выполняют свои политические функции на основании конституции и могут принимать очень важные решения, как, например, судьи конституционного суда.

Критики монархии в Лихтенштейне находятся в особо сложном положении, потому что князья и Княжеский Дом всегда успешно поддерживали конституцию и укрепляли экономику. Все расходы короны несут частные фонды Князя и Княжеского Дома; более того, на протяжении столетий Князья часто предоставляли стране и населению субсидии из своих частных фондов. Поддержка такого рода прервалась из-за Второй мировой войны и ее последствий. Несмотря на нейтралитет Лихтенштейна, Чехословакия после войны конфисковала все активы подданных Лихтенштейна. Это был серьезный удар, так как более 80% имущества моей семьи находилось в Чехословакии. Экономические проблемы этого периода также ослабили политическое положение Княжеского Дома и монархии. Изначальные попытки восстановить активы закончились неудачей, нависла угроза того, что монархия может стать зависимой от налогов и, следовательно, от политиков. После Второй мировой войны расходы монархии по большей части покрывались за счет займов, продажи произведений искусства и недвижимости.

Мой отец еще очень рано предложил, чтобы я изучал экономику и бизнес вместо истории, археологии или физики, которые казались мне более интересными. Сразу после окончания учебы, в 1969 г., мне пришлось заниматься реорганизацией и переустройством семейного бизнеса. После того, как я более или менее успешно справился с этой задачей в 1983 г.,

отец в 1984 г. передал мне свои суверенные полномочия. Конституция Лихтенштейна позволяет Правящему Князю передавать функции по осуществлению суверенных полномочий своему потомку как своему представителю. В прошлом отдельные князья пользовались этой возможностью, и я сделал то же самое в отношении своего старшего сына в 2004 г. Наша семья убеждена в том, что Правящий Князь не должен доверять исполнение этих важных функций своему преемнику уже после того, как он не сможет исполнять их самостоятельно в силу своего возраста, а делать это в тот момент, когда его преемник будет готов принять их на себя. Другое преимущество этого подхода состоит в том, что Правящий Князь может выступать в роли советника своего преемника.

Хотя критиков монархии было немного, они тем не менее имели право быть услышанными, и мы в Княжеском Доме после смерти моего отца решили принять во внимание их оправданные опасения. Первым шагом стало реформирование правовых норм, регламентирующих отношения внутри Княжеского Дома. Впервые со времен Средневековья Княжеский Дом решил урегулировать отношения членства в семье, избирательные права и правопреемство внутри семьи отдельным законом. Закон о Княжеском Доме не изменялся с 1606 г. и явно нуждался в пересмотре. Новый закон о Княжеском Доме был принят в 1993 г. и был впервые опубликован в Собрании законов Лихтенштейна (*Liechtensteinische Gesetzessammlung*) – в ответ на пожелания населения. Помимо вышеупомянутых моментов, новый закон о Княжеском Доме включает в себя процедуру смещения Князя с поста главы семьи и главы государства в случае, если он потеряет поддержку членов семьи с правом голоса вследствие злоупотребления полномочиями или по другой причине.

Следующим шагом стал фундаментальный пересмотр конституции. Пересмотр, предложенный Княжеским До-

мом, встретил существенное сопротивление парламента, получив только тринадцать из двадцати трех голосов. Конституция 1921 г. предусматривала, что конституционные поправки требуют для их принятия большинство в три четверти голосов членов парламента или простое большинство на референдуме. Поэтому мы обратились к населению и собрали необходимое количество подписей в надежде добиться нашей цели с помощью референдума. Критики монархии поступили аналогично, представив на рассмотрение населения предложение, которое ослабило бы положение монархии. Референдум, проведенный 16 марта 2003 г., разрешился в пользу монархии: предложение Княжеского Дома получило 64% голосов, встречное предложение получило 16% и 20% голосов было отдано в пользу сохранения старой конституции.

Конституция 1921 г. предусматривала, что кандидатуры судей предлагались парламентом и утверждались князем. Теоретически это было хорошим решением, на практике это привело к тому, что процесс назначения подпадал под влияние политики партий. Назначение судей становилось частью договоренностей о создании коалиций. Если большинство в парламенте менялось, обновлялось также большинство судей и председателей в высших судах. У Князя был выбор: либо не вмешиваться в этот процесс и наблюдать со стороны в надежде, что суды будут выполнять свои функции достаточно хорошо, либо идти на конфликт с парламентом с риском того, что должности в судах так и останутся вакантными. Партии затем обвинили бы князя в саботировании работы судебной системы, поэтому князя обычно, за некоторыми исключениями, не идут на этот риск.

В соответствии с новыми законами сроки полномочий судей верховных судов заканчиваются одновременно. Кроме того, судьи самостоятельно избирают председателя. Кан-

дидаты на должность судьи ранее избирались на партийных собраниях; теперь их избирает независимая комиссия и представляет выбранного ими кандидата на одобрение парламента. Эта комиссия под председательством князя включает в себя представителей от правительства и парламента. Если комиссия и парламент не могут прийти к соглашению по кандидатуре, судья избирается на референдуме.

В обсуждениях по поводу конституционной реформы в 90-х гг. XX в. основную озабоченность вызывала не компетенция и независимость судебной власти, а, скорее, статус монархии. С точки зрения сохранения в конституции сильных позиций монархии, нам, в Княжеском Доме, казалось, что предусмотренная в конституции косвенная легитимация наследственного монарха является недостаточной. Противники монархии могли поспорить, что упразднение монархии в соответствии с процедурами, закрепленными в конституции 1921 г., само по себе также требует согласия монарха. В ответ на это возражение мы, в Княжеском Доме, разработали новую, неизвестную в истории конституционного права, модель, а именно: наследственную монархию на основе прямой демократической легитимности.

В конституцию была введена новая статья, наделяющая население Лихтенштейна, в рамках права на подачу петиций, возможностью выступать с инициативой вынесения на референдум вопроса об упразднении монархии. Для этого необходимо собрать под петицией 1500 подписей. Если простое большинство избирателей проголосует за упразднение монархии, парламент должен будет выработать проект новой конституции на основе республиканской модели государственного устройства. Ратификация этой новой конституции снова потребует народного референдума. Таким образом, для того, чтобы княжеская власть Лихтенштейна могла осуществлять свои политические функции, она нуждается в постоян-

ной поддержке большинства избирателей, и, следовательно, в демократической легитимации.

Новая конституция также предоставляла народу право отделить монархию как форму правления от личности самого монарха. Если население путем референдума продемонстрирует, что монарх утратил их доверие, то затем, в соответствии с конституцией и законом о Княжеском Доме, Княжеский Дом принимает решение о том, должен ли князь сложить свои полномочия или нет. Могут возникать ситуации, в которых Князь теряет доверие большинства населения заслуженно, но также могут быть случаи, что доверие было потеряно вследствие принятия им верных, но непопулярных решений. В последнем случае Князь заслуживает доверие Княжеского Дома, и в дальнейшем уже народ должен решать, соглашаться ему с решением Княжеского Дома или инициировать упразднение монархии.

Другой новый элемент в истории конституций, который также был введен, – статья, отражающая пожелания местных сообществ в отношении членства в Княжестве Лихтенштейн. Таким путем было закреплено право на самоопределение на уровне местных сообществ. Здесь можно провести историческую параллель: право отдельных республик на выход было предусмотрено в одной из конституций Советского Союза – таким образом, предоставлялось право на самоопределение на уровне республик. Однако советские конституции и реальная действительность всегда находились довольно далеко друг от друга, а основной целью конституций была пропаганда. Когда Советский Союз распался, эта конституция утратила силу, и выход отдельных государств уже проходил за рамками демократического, конституционного процесса.

Демократия и право на самоопределение тесно связаны друг с другом, их сложно представить по отдельности. Либо

мы верим в то, что государство является священной общностью, которой граждане должны служить и чьи границы являются неприкосновенными; либо мы верим в принцип демократии и в то, что государство создано для служения людям. Если мы оправдываем принципы демократии, мы не можем не поддерживать и право на самоопределение. Ряд государств пытались отделить право на самоопределение от демократии, но ни одно из них не смогло привести в пользу этого хотя бы один вызывающий доверие аргумент.

Самым важным аргументом для такого отделения самоопределения от демократии является заявление о том, что право на самоопределение применяется только к этническим группам, и только к таким, которые могут претендовать на собственную государственность. Разве баски и курды не относятся к этническим группам? Являются ли швейцарцы или лихтенштейнцы этническими группами? Между собой швейцарцы по языку, расе и религии имеют гораздо меньше общего, чем с соответствующими группами, живущими по ту сторону границы в Германии, Франции или Италии. То же самое можно сказать о лихтенштейнцах, австрийцах и многих других. Можно объяснить предоставление государственности и права на самоопределение одним и обделение ими других просто капризами истории. Каким образом объяснить это расхождение тем, кто лишен этого права, притом что другие им пользуются?

Мы, в Княжеском Доме, убеждены, что монархия Лихтенштейна представляет собой партнерство между населением и Княжеским Домом, и это партнерство должно оставаться добровольным и основываться на взаимном уважении. До тех пор пока мы, в Княжеском Доме, верим, что монархия может сделать что-то позитивное для страны и своего народа, что люди тоже согласны с этим, что выполняются соответствующие условия, такие как независимость нашей семьи, в фор-

ме, предписанной законом о Княжеском Доме, мы с радостью будем выполнять функции главы государства. Это партнерство насчитывает уже три сотни лет, и до сих пор оно было удачным как для Княжеского Дома, так и для населения страны. Лихтенштейн, как я уже отмечал, сохранял нейтралитет в обеих мировых войнах и не участвовал в боевых действиях с начала XIX века. После Второй мировой войны в стране развилась процветающая, диверсифицированная экономика, которая позволяет населению Лихтенштейна иметь один из самых высоких показателей дохода на душу населения в стране, где природных ресурсы практически отсутствуют.

9. Недостатки традиционной демократии

Представительная демократия в том виде, в котором она закреплена в американской Конституции 1787 г., послужившей образцом для большинства демократических государств мира, при более тщательном изучении оказывается слабой формой демократии. По сравнению с государствами, использующими религиозную легитимацию, в вопросах государственной структуры и распределения властных полномочий внутри государства изменилось совсем немного. Политическая власть до сих пор находится в симбиозе монархии и олигархии. Монархи и олигархи избираются народом (непосредственно или через представителей), но непосвященному населению очень непросто узнать, где находятся реальные центры власти и ответственности. Сосредоточена ли власть в руках президента, премьер министра, лидеров политических партий, финансирующих партии кругов, судов, или, возможно, в конечном итоге, у парламента или же члены парламента – всего лишь марионетки в руках партийных лидеров? Как было сказано ранее, изменился только характер легитимации.

Сопротивление олигархии против передачи больших властных полномочий народу и развития прямой демократии в какой-то степени объясняет, почему идеологии национализма и социализма так преуспели и почему зачастую речи о демо-

кратии оказываются пустыми словами, как это когда-то было с религией. Националистические и социалистические идеи приобрели серьезное влияние в XIX и особенно в XX веке. Как и религии, они содержат в себе сильный эмоциональный элемент. Намного легче мобилизовать массы людей с помощью популистских слоганов и идеологий, чем вовлекать их в длительный, кропотливый и сложный процесс создания эффективной демократии и верховенства права. Олигархи и монархи во власти, выборные или нет, не только должны вовлекать людей в этот процесс, но они сами обязаны стремиться расстаться с властью. Демократия не может быть построена только сверху вниз, но, что более важно, должна создаваться снизу вверх, особенно в крупных государствах. Это подразумевает делегирование политической власти из центра более мелким политическим единицам так, как это происходит в США и Швейцарии. Конечно, этот процесс в указанных странах проходил значительно легче, так как начинался с низов в практически независимых государствах, которые затем объединились. Сосредоточение в политическом центре меньшей власти означает в демократическом государстве меньше возможностей для власти имущих тем или иным образом «покупать голоса» избирателей.

Многие избиратели ожидают, что государство создаст для них «рай» на земле, и правительства неоднократно делали все возможное, чтобы предоставить им его, в надежде получить наибольшее количество голосов. Так обычно создавались социальные государства, увеличивалась армия бюрократов, государство брало на себя все более разнообразный круг задач, своды законов становились все толще, были все более всеобъемлющими и сложными. Даже в небольших государствах вся бюрократическая машина, таким образом, выходила из-под контроля. Ни правительство, ни бюрократический аппарат, за исключением парламента, не имеют полного представления о деятельности всей государственной администрации и о том, как различные части администрации взаимодействуют или, к

сожалению, противостоят друг другу. В индустриальных государствах в последние десятилетия постоянно увеличиваются налоги и сборы для покрытия расходов на государственную администрацию. Попытки уменьшить налоги и сборы обычно приводили лишь к кратковременному их снижению, зачастую увеличивая при этом государственную задолженность, что в результате снова вынуждало повышать налоги и сборы.

Все это не вызывает удивления, так как в сознании большинства политиков и избирателей укоренилась идеология национализма и социализма. В большинстве демократических государств политические партии делятся на «правые» и «левые». Правые партии являются сторонниками национализма, а левые – социализма. Центристы пытаются следовать двум указанным направлениям одновременно. Даже сегодня лишь немногие люди замечают, что и национализм, и социализм являются сторонами одной и той же ничего не стоящей монеты, которая медленно исчезает прямо у них на глазах. Национализм и социализм – разные имена одного и того же политического тупика, в котором можно двигаться только слева направо и обратно, справа налево, но не вперед, в будущее. Национализм и социализм разделили людей на нации и классы, которые борются друг с другом. Если вести государство в будущее в эту эпоху глобализации невозможно, то государство будет покрываться ржавчиной и закончит свое существование на свалке истории. Глобализация, которой националисты и социалисты так упорно сопротивляются, возвращает людей в большую общую семью, которой мы всегда генетически и являлись. Глобализм лишает идеологии национализма и социализма права на существование.

Национализм и социализм породили государства с огромным бюрократическим аппаратом и олигархами, которые теперь, вследствие быстрого прогресса глобализации, ощущают угрозу своему существованию. Как и региональная эко-

номическая интеграция встречала в прошлом политическое сопротивление со стороны государств-наций, точно так же сегодня встречает сопротивление ускоряющаяся глобализация мировой экономики. Хотя глобализация приводит к существенному увеличению благосостояния всего мира, так же как и объединение экономических регионов в национальных государствах. Противники глобализации от правых и левых пытаются повернуть колесо истории вспять, не понимая, что они подвергают опасности существование собственного государства и население.

Уже в XVIII веке экономисты осознавали, что свободная торговля внутри государства или между государствами выгодна для всех ее участников. Это вызывает вопрос, почему человеческое поведение никак не согласовывается с этим фактом, имеющим фундаментальное значение. Почему концепция либерализма, которая стала следствием открытия этого закона, не стала более успешно применяться в XIX веке?

Одной из причин может быть очевидная угроза безопасности каналов поставки товаров. Торговля между государствами функционирует нормально только в мирное время. Но даже тогда ограничения экспорта, блокада торговых путей и другие обстоятельства могут представлять опасность для каналов поставки. Более того, таможенные пошлины являются для государства и олигархии легким способом получения доходов, а также, наряду с другими ограничениями импорта, могут использоваться для защиты части внутренней экономики от зарубежной конкуренции. Влиятельные политические и экономические группы охотно используют страхи и невежество больших групп населения в своих интересах и в пику интересам государства и его граждан.

Помимо экономических преимуществ для некоторых секторов экономики, ограничения свободной торговли защищают

рабочие места, которые иначе могут быть потеряны. Потеря работы наносит ущерб не только работнику, который ее лишился, но также тем, кто зависит от него. Тем не менее рабочие места, которые не имеют ценности для населения в целом, являются бременем для экономики. В экономиках, находящихся на низком уровне развития, низкооплачиваемые рабочие места все еще привлекают работников и вносят свой вклад в благополучие всего населения таких стран. Это может привести к увеличению объемов импорта из экономически более развитых стран и созданию новых, более высокооплачиваемых, рабочих мест в тех странах, где ранее рабочие места были потеряны вследствие появления более дешевой рабочей силы.

Ни безопасность каналов поставки, ни защита рабочих мест не могут оправдать ограничения свободной торговли. Что касается продуктов первой необходимости, то обеспечение безопасности каналов поставки может быть с меньшими затратами достигнуто путем использования крупных складских помещений, нежели путем принуждения потребителей и налогоплательщиков прямо или косвенно субсидировать целые отрасли экономики. В последние десятилетия опыт экономических санкций против некоторых государств показал, что снабжение населения может продолжаться до тех пор, пока экономика государства не адаптируется к санкциям. Для большинства населения, которое будет жить в условиях свободной торговли, возможно, является более важным, чтобы безработные люди, которые хотели бы трудоустроиться, получали адекватную финансовую поддержку до тех пор, пока они не найдут новую работу. Все эти меры всегда будут представлять собой балансирование между пособиями, которые необходимы с социальной точки зрения, и пособиями, которые не стимулируют к поиску работы. В отдаленной перспективе только те государства, которые помогают своему населению получить выгоду от глобализации, а не защищают его от глобализации, добьются улучшения его благосостояния.

Либерализм использовал многие из указанных аргументов в своей политической борьбе за свободную торговлю. К сожалению, на сегодняшний день сторонники свободной торговли образуют довольно небольшое политическое движение, состоящее из интеллектуальной элиты, которое с повсеместным введением избирательного права уступило свои позиции массовым партиям, основанным на идеологии национализма, социализма и на христианской религии. В Европе XIX века политическими противниками либерализма являлись консерваторы, фермеры и ремесленники, воспринимавшие свободную торговлю как угрозу. На Европейском континенте даже крупные промышленные отрасли с удовольствием вводили протекционистские тарифы в отношении своих конкурентов – промышленности Великобритании, занимавшей лидирующие позиции. Чтобы добиться хотя бы какой-то экономической либерализации на континенте, либеральные силы вступили в союз с национальными политическими движениями. Этот союз находился в оппозиции консервативным религиозным группам. В XIX и начале XX веков особенно негативно к либерализму относилась Католическая церковь, видя в нем своего главного врага. Церковь и либерализм совершенно по-разному смотрят не только на политику и экономику, но и на основные вопросы морали.

Ни в XIX, ни в XX веках либерализм не смог завоевать сердца людей. Постоянное ослабление религиозной легитимности государства приводило к потере церковью и религиозными группами своего политического влияния. Таким образом, в Европе либерализм и христианская религия уступили место основной политической силе – национализму и социализму. Результатом этого в XX веке стали две мировые войны и концентрационные лагеря, в которых были убиты миллионы людей.

Христианство и либерализм имеют много общих фундаментальных ценностей. Основной акцент в них делается

на роли индивида, с его свободами и ответственностью, а не на государстве, как в случае национализма или социализма. В либерализме индивид ответствен перед самим собой, в христианстве – перед Богом. Либерализм и христианство, а также другие религии распространяются на всех людей: они являются католическими в первоначальном смысле этого слова. Либерализм и христианство основаны на вере в то, что государство должно служить людям, а не наоборот. Не пришло ли сейчас, в начале XXI века, время, когда либерализм и христианство, особенно Католическая церковь, должны похоронить вражду XIX века и начать сотрудничать между собой во благо всего человечества в третьем тысячелетии? Не является ли их общей целью превращение государств в компании, предоставляющие услуги человечеству?

Если в эпоху глобализации идеологии, такие как национализм, утратили свое право на существование, то может возникнуть резонный вопрос: чем обосновано право на существование национального государства? Разве значение государства не было сведено к выполнению функций компании, оказывающей своим клиентам более или менее качественные услуги за определенную цену, а именно, за налоги и сборы?

Представим, что народ является акционером государства, а выборы представляют собой собрания акционеров, где люди либо выражают поддержку команде менеджеров и оставляют их на следующие четыре года, либо отказывают в ней. Разве референдумы по вопросам государственных налогов и привилегий в той или иной степени не напоминают голосование для принятия решений по вопросам дивидендной политики, изменений размера капитала или другим важным для компании вопросам, которое осуществляется акционерами в соответствии с уставом компании?

Сравнение современного демократического государства эпохи глобализации с компанией вполне понятно, но, по крайней мере, на мой взгляд, подобная аналогия не совсем точна. Акционер компании может продать свои акции, если он недоволен политикой менеджмента или его точка зрения по вопросу не совпала с мнением большинства голосовавших на собрании акционеров. За те же деньги в тот же самый день он может приобрести акции другой компании или распорядиться деньгами как-нибудь еще. Гражданин, который категорически не согласен с политикой правительства и мнением большинства по результатам голосования, будет вынужден эмигрировать и столкнуться со всеми сопутствующими этому проблемами, предположив, что другое государство примет его. Обычно проходят годы, прежде чем он получит право голоса в другой стране, а за это время политика в этом государстве может стать такой же неприемлемой для него, как и в первом государстве.

Оказывающее услуги государство имеет гораздо больше власти над своим гражданином, чем частное предприятие над акционером. Тип компании, которая больше всего подходит для сравнения с государством, — это частная монополия, не только устанавливающая правила, но сама одновременно являющаяся игроком и арбитром. Несмотря на разделение властей в представительных демократиях, олигархия контролирует законодательную и судебную власти, а также правительство. Граждане как миноритарные акционеры могут каждые четыре года голосовать на собраниях акционеров, при этом выбирая из небольшого числа синдикатов — так называемых политических партий. Затем эти синдикаты решают между собой, какими будут правила игры, кто станет арбитром и кому разрешается играть. Для того чтобы не подвергать людей произволу политической олигархии, совершенно необходимо, в дополнение к разделению властей и институтам представительной демократии, снабдить государство будущего другими мерами безопасности.

Монархия и олигархия, выборные или нет, во многих государствах образуют симбиоз, который, если он хочет осуществлять политическую власть, должен прямо или косвенно опираться на демократическую легитимацию. Понятно, что монарху необходима как можно более крупная группа олигархов на как можно более значительной территории. Монарх не может принимать все решения, исполнять их и контролировать их реализацию. Не все может быть прописано в постановлениях и законах. Таким образом, олигархические структуры, как формальные, так и неформальные, необходимы. Монархия в чистом виде, с выборным или наследственным монархом, была бы неспособна функционировать в государстве без олигархии.

Данное правило еще более применимо к чисто демократическим государствам, так как население не может все время собираться для обсуждения и голосования по всем вопросам. Эксперименты по демократии широких масс, проведенные в некоторых университетах в 60-х гг. прошлого века, были очень показательны. Несколько студенческих лидеров принимали решения при поддержке небольших групп, а все остальные были вынуждены следовать за ними.

В государстве, основанном на принципе верховенства права, монархии и демократии, требуется олигархия. Но нуждается ли олигархия в демократии и монархии? Как снова и снова показывает история, она не нуждается в демократии, пока существует надежная альтернатива демократической легитимности. Однако история также демонстрирует, что чистая олигархия без монархии и демократии несостоятельна. Управляющая государством олигархия тяготеет к медлительному и неповоротливому механизму принятия решений и ориентируется на наименьший общий знаменатель. В таких условиях государство может легко потерять свои конкурентные преимущества. Часто приводится пример Польского го-

сударства, прекратившего свое существование в 1795 г., которое управлялось олигархией аристократических семей.

При принятии решений олигархия довольно легко идет на компромисс, при этом пренебрегая интересами третьих лиц, особенно в государствах, которые в той или иной степени занимают монопольное положение. Поэтому сильная олигархия всегда будет пытаться постепенно ограничить роль монарха выполнением чисто символических функций или полностью упразднить монархию. Однако эти компромиссы могут идти в ущерб интересам не только монарха, но и народа. Ставки налогов и сборов поднимаются до предела, чтобы предоставить олигархам и их сторонникам максимум преимуществ. В экономиках со свободной конкуренцией структуры с чисто олигархическим управлением обычно представлены небольшими банками, аудиторскими фирмами и адвокатскими бюро. В других секторах экономики чистое олигархическое управление не добилося значительных успехов.

Правление олигархии с демократической легитимностью в представительных демократиях могло бы вызвать еще больше проблем, чем правление олигархии, которая совсем не стремится к демократической легитимности. Даже в древние времена Римской республики олигархия пыталась купить поддержку народа по принципу “*panem et circenses*” («хлеба и зрелищ»). Соединенные Штаты имеют самый продолжительный и богатый опыт представительной демократии, и там процесс «покупки голосов» за счет средств налогоплательщиков или с использованием налоговых льгот просто называется «прикормом». Такие подарки стоят дорого, и потому такие расходы финансируются не из собственных карманов политиков, а ложатся на плечи налогоплательщиков. Избирателей привлекают из различных групп с разными интересами. Чтобы одержать победу на выборах, отдельные политики и политические партии должны, с одной стороны, соответствовать ожиданиям ло-

яльных к ним избирателей, а с другой, завоевать доверие колеблющихся избирателей или даже сторонников других партий. Для достижения этих целей они дают обещания, которые в действительности не могут быть выполнены. Более того, существует сильное искушение увеличить долговое бремя или напечатать больше денег для финансирования обещанного вместо того, чтобы для этих целей повысить налоговые ставки. Так как государство может печатать деньги и увеличивать долг довольно продолжительное время, прежде чем избиратель ощутит на себе последствия, то, возможно, политики и партии к моменту возникновения проблем уже уйдут с занимаемых ими постов и позиций. С проблемой придется разбираться другим политикам, партиям и правительствам, которые либо станут непопулярными из-за своей жесткой бюджетной политики, либо будут обвинены в допущении хаоса и инфляции. Так как лишь немногие избиратели и политики понимают сложные взаимосвязи национальной экономики, особенно проявляющиеся значительное время спустя, то их нельзя обвинить в этом. Проблема заключается в системе и не зависит от политиков.

Система сама вынуждает политиков преследовать частные интересы, а не общие; в противном случае они рискуют нарушить предвыборные обещания и потерять поддержку избирателей. В дополнение к этому, государственному деятелю в условиях представительной демократии очень сложно следовать долгосрочной политике, учитывающей общественные интересы, так как его судьба и судьба его партии будут зависеть от следующих выборов.

Если предположить, что, во-первых, олигархия является наиболее сильным из трех элементов: монархии, олигархии и демократии; во-вторых, правление олигархии рано или поздно создает определенные проблемы; и, в-третьих, что олигархия склонна расширять свои властные полномочия, отнимая их у монархии и демократии, то можно заключить,

что государство в третьем тысячелетии должно укреплять эти два других элемента, то есть монархию и демократию. В наш демократический век монархия может быть укреплена только путем демократической легитимации, либо активной, в виде избрания президента в республике, либо пассивной, посредством наследственной монархии, как это сделано в Лихтенштейне, где население всегда может проголосовать за отстранение князя и упразднение монархии.

Наследственная монархия с демократической легитимностью и четким разграничением властных полномочий в конституции менее зависима от олигархии, чем президент, который в той или иной степени зависим от поддержки олигархии в связи со своим избранием и переизбранием. Более того, наследственная монархия может придерживаться долгосрочного политического курса иногда на протяжении нескольких поколений, в отличие от типичных для демократий краткосрочных целей, связанных с частыми выборами. Возможно, более важным, чем решение вопроса о типе монархии, является установление сильной прямой демократии и права на самоопределение на уровне общин. Только сильная прямая демократия и прекращение монополии государства на своей территории превратят государство третьего тысячелетия в компанию, оказывающую услуги своему населению. Представляется, что это единственное решение, которое гарантирует, что государство в руках монархов и олигархов не станет инструментом ограбления своего собственного населения. Если представительная монархия является демократией неграмотных, то прямая демократия и право на самоопределение на местном уровне образуют демократию образованных людей.

10. Государство будущего

Современное государство – это сложная конструкция, состоящая из множества систем, которые должны быть настроены в унисон друг с другом. Можно сравнить государство с крупной коммерческой авиакомпанией. Коммерческий авиаперевозчик перевозит пассажиров через расстояния, тогда как государство переносит своих пассажиров – народ – через время. Если воздушное судно плохо спроектировано и имеет тенденцию время от времени терпеть крушение, специалисты пытаются исправить недостатки конструкции, а не обвиняют пилота и пассажиров. В случае с государствами часто обвиняют политиков или тех, кто их выбирал, вместо того, чтобы спроектировать государственную систему, которая была бы как можно более безопасной и в случае катастрофы предоставляла бы своим пассажирам больше шансов выжить.

Каким должно быть государство, чтобы в полной мере соответствовать потребностям человечества в третьем тысячелетии? Долгая история человечества и процесс отбора сформировали человеческую генетику и общественное поведение в том виде, в котором они существуют сейчас. Для того чтобы спроектировать модель государства будущего, необходимо обратиться к фактам прошлого, независимо от того, нравятся они нам или нет. Слишком много утопий в истории человечества оглушительно провалились из-за того, что их создатели отталкивались от идеалистического представления

о человечестве, которое было далеко от реальности. Коммунизм является всего лишь одной из таких утопий, которая причинила людям множество страданий, еще раз подтверждая верность поговорки о том, что благими намерениями вымощена дорога в ад.

Изначально в процессе земледельческих и более поздних промышленных революций государства или государствовподобные образования, небольшие по размеру территории и количеству населения, превратились в крупные государства с очень значительным населением. По сравнению с долгой историей человечества эти революции происходили очень быстро, и потому человечество было к ним не готово как социально, так и генетически. В крупных государствах монархи и олигархи, выборные или нет, обеспечивали привилегированное положение для себя и своих потомков сначала посредством религиозной легитимации, а затем при помощи легитимации представительной демократии в сочетании с идеологической легитимацией, основанной на национализме и социализме.

Глобализированный мир, сформированный всеобщей сетью коммуникаций и высокоэффективными транспортными технологиями, сегодня переживает следующий этап человеческой истории. Государства объединяются в международные организации для того, чтобы сотрудничать друг с другом в областях, представляющих важность для всего человечества. Мы живем в период коренных изменений, сравнимых с переходом обществ охотников-собирателей к земледельческим цивилизациям. Переход в земледельческую эпоху продолжался несколько тысяч лет. Переход из земледельческой эпохи в глобализированное общество промышленности и услуг и космическую эру происходит даже не за столетия, а за десятилетия. Эта тенденция стала главным испытанием для человечества, и мы можем только надеяться, что оно не закончится катастрофой и будет успешно пройдено.

Две мировые войны и невероятное увеличение объема знаний, предоставляющих даже небольшим группам возможность производить оружие массового поражения, должны заставить нас заботливо относиться к нашему будущему. За последние пятьдесят лет были получены новые знания о ядерном, бактериологическом и химическом оружии и вместе с тем снизилась стоимость их производства. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) не смог предотвратить появление новых ядерных держав. Даже небольшие государства, такие как Израиль, в соответствии с достоверной разведывательной информацией, уже много лет владеют ядерным оружием. Северная Корея, очень бедное государство, очевидно, находится на пути превращения в ядерную державу. Через 50–100 лет станет возможным производство таких видов оружия массового поражения, которые мы сегодня не можем себе представить. В 1930 г. ведущие физики своего времени не могли вообразить возможность создания ядерной бомбы, но всего через пятнадцать лет она уже была применена. Человечество должно постепенно отвыкнуть решать свои вопросы на поле боя с оружием в руках. Возможно, осталось всего несколько десятилетий для того, чтобы направить международную политику таким курсом, который позволит в третьем тысячелетии избежать наступления катастрофы, по сравнению с которой две мировые войны покажутся небольшими конфликтами.

Главной задачей третьего тысячелетия будет являться создание модели государства, которая соответствует следующим условиям:

1. предотвращать войны между государствами, а также гражданские войны;
2. служить не только привилегированной части населения, но и всему населению;

3. предоставлять людям максимум демократии и верховенство закона;
4. соответствовать требованиям конкуренции в эпоху глобализации.

Эти цели могут быть достигнуты только в том случае, если мы рассматриваем государство в качестве организации, которая служит людям, а не наоборот. Государство должно стать обслуживающей компанией, которая допускает конкуренцию, а не является монополией, предоставляющей «клиенту» альтернативу: принимай некачественные услуги по самой высокой цене или эмигрируй. При этом необходимо помнить, что в недавнем прошлом в так называемых народных республиках эмиграция в той или иной форме была запрещена, а бегство из государства считалось преступлением, за которое грозит наказание в виде длительного тюремного заключения. Много людей погибло при попытке бежать из таких государств, а в Корейской Народно-Демократической Республике такое положение, к сожалению, сохраняется и сейчас. Но даже там, где людям позволено покидать свою страну, для большинства населения эмиграция не является выходом, так как возможности для нее сегодня существенно уменьшились. В дополнение к этому, для большинства людей эмиграция не является привлекательной альтернативой. Прежде чем рассмотреть возможность эмиграции, им приходится мириться со многими недостатками, включая некачественные услуги государства, предоставляемые по завышенной цене. Альтернативой для многих отчаявшихся людей становится не эмиграция, а насилие, терроризм, революция и гражданская война.

Даже в демократических, правовых государствах существуют меньшинства, которые справедливо или ошибочно считают себя дискриминированными. Достаточно просто вспомнить Северную Ирландию, Страну Басков, Южный

Тироль, Квебек или аборигенов Австралии, Северной и Южной Америк. В демократических странах политические деятели ориентируются на пожелания большинства для победы на выборах, исход которых зависит от решения этого большинства. При этом мнение большинства не всегда может быть справедливым и правильным. Относительно однородное национальное, религиозное, языковое, культурное или политическое большинство при определенных обстоятельствах может быть причиной проведения на территории государства этнических чисток, когда меньшинство ставится в неблагоприятные экономические, культурные, религиозные или политические условия в течение настолько продолжительного времени, что меньшинство либо эмигрирует, либо принудительно ассимилируется. В Соединенных Штатах XIX века, демократическом, правовом государстве, дело доходило до вырезания коренного индейского населения, в ходе которого не было пощады ни женщинам, ни детям.

Государство, берущее на себя обязательства обеспечить мир, верховенство права, демократию и благоденствие населения, должно отказаться от претензий на монополию на своей территории. Эмиграция населения является в нашем мире единственной реальной альтернативой только в том случае, если соответствующее население сможет «эмигрировать» вместе со своей территорией. Чтобы государство могло отказаться от своей монополии, территория должна быть поделена на небольшие единицы так, чтобы даже небольшая группа людей обладала возможностью «эмигрировать». Чем менее крупной оказывается такая часть территории, тем меньше вероятность того, что соответствующее население с легкостью решится на «эмиграцию». Самым маленьким политическим единицам сложно создать стабильное демократическое государство, в котором реализовывалось бы верховенство права и которое предоставило бы своему населению лучшие условия, чем старое государство, при условии, что последнее

функционировало достаточно хорошо. Тем не менее в государствах с плохим управлением давление, направленное на проведение политических реформ, колоссально возрастает, в противном случае государство распадается.

Чем больше размер политических единиц, как бы они ни именовались – провинции, федеральные штаты, кантоны, – тем выше опасность, что они воспользуются правом на самоопределение и выйдут из состава государства. Также существует еще большая опасность того, что внутри новых государств появятся меньшинства, против которых будет осуществляться дискриминация и которые однажды решат защищать свои права с помощью оружия. Раскол Югославии, Советского Союза, колониальных империй и Австро-Венгрии четко демонстрирует опасность такого развития событий. Однако чем меньше размер политических единиц, которым разрешено осуществлять свое право на самоопределение, тем меньше вероятность того, что государство распадется и появятся меньшинства, которые будут подвергаться дискриминации.

Самыми маленькими политическими единицами, которые в большей или меньшей степени обозначены политически и территориально, в большинстве государств являются местные общины, такие как города и деревни. В прошлом некоторые местные общины, такие как город Берлин, были разделены, но вопрос о целесообразности этого является спорным. Имеется много аргументов в пользу рассмотрения местных общин в качестве политических единиц, территории которых не должны делиться на более мелкие части. Община может состоять из деревни с населением в несколько сотен человек и площадью в несколько квадратных километров или из большого города с населением в несколько миллионов человек и площадью в несколько тысяч квадратных километров. В случае если в местных общинах большинство голосует

за выход из существующего государства, в них также может появиться ущемленное меньшинство. Тем не менее обычно такие меньшинства либо лучше интегрированы в свою общину, либо их эмиграция в соседнее государство проходит легче. В маленьких общинах убедить население в том, что выход из существующего государства является правильным решением, всегда будет очень затруднительно.

Для успешного мини-государства, такого как Лихтенштейн, с населением около 35 000 человек и одиннадцатью общинами, исторические и географические условия всегда складывались чрезвычайно благоприятно. В прошлом даже в Лихтенштейне существовали некоторые сомнения в том, что государственный суверенитет и ассоциированное право на самоопределение имели какой-то смысл. Тем не менее всегда сохранялось явное большинство, которое хотело сохранить суверенитет государства, например, в критический период с 1938 по 1945 гг., когда нашим соседом был Третий рейх. Однако главной причиной, по которой суверенитет Лихтенштейна удавалось сохранять на протяжении веков, были наши хорошие и близкие отношения с двумя соседними государствами, а также политическая и финансовая поддержка Княжеского Дома. Другие независимые политические образования, существовавшие по соседству с Лихтенштейном в средние века, теперь вошли в состав Швейцарии и Австрии.

Право на самоопределение, и, следовательно, на суверенитет на уровне местных общин, несомненно, является наиболее противоречивым положением в новой модели государства третьего тысячелетия. Большинство сегодняшних олигархов, которые занимают привилегированное положение в существующих государствах, будет до последней капли крови бороться против него. Хотя те представители олигархии, которые смотрят дальше следующих выборов, возможно, осознают, что у них тоже есть некоторые шансы в но-

вом государстве, и они даже могут причислить себя к кругу победителей. Политически децентрализованное государство, отличающееся в эпоху глобализации более высокой конкурентоспособностью, может соответствовать и их интересам. Даже если старое государство мирно распадется на части из-за того, что оно в глазах своего населения потеряло свое конкурентное преимущество, старая олигархия тем не менее все еще имеет неплохую стартовую позицию, при условии что вовремя присоединится к процессу обретения независимости.

Давайте заглянем в далекое будущее, в то время, когда государства по всему миру в условиях мирной конкуренции уже превратились в компании, оказывающие услуги своим потенциальным клиентам. Клиент для них — король, и он может выбирать точно так же, как он выбирает сегодня, покупать ему гамбургер в «Макдональдсе» или в «Бургер Кинге» или приготовить его самостоятельно; или так же, как он сегодня выбирает, какими авиакомпаниями лететь, путешествовать на машине или на поезде. Нам нужно задать вопрос, какие функции, которые не могут дешевле и эффективнее выполняться самими частными организациями или общинами, сохраняются за государством в третьем тысячелетии?

10.1 Правовое государство

Единственная сфера, за исключением международных отношений, в которой государство, на мой взгляд, все еще имеет конкурентное преимущество перед частными компаниями, местными общинами или союзами общин, — это верховенство права. Для подавляющего большинства населения самой важной задачей государства является обеспечение правовой защиты, закона и порядка. Большинство людей готово платить за это высокую цену, как финансово, так и путем отказа от части своих свобод и политических прав. Когда нависает угроза анархии, раздается призыв о необходимости присутствия во власти сильной личности, или диктатора, который затем будет править железной рукой. Кто бы ни стремился к демократии и верховенству права, обнаружит, что поддержание законности и порядка являлось самой важной функцией государства задолго до того, как оно взяло на себя другие задачи.

Создание правового государства и поддержание верховенства закона является постоянным вызовом в условиях глобализированного мира, высокой мобильности людей, товаров и информации. Если посмотреть на лавинообразный рост количества законов и правил в высокоразвитых демократиях за последние пятьдесят лет, можно заметить, что все эти законы и правила постепенно заполняют целые библиотеки. Тем не менее предполагается, что гражданин должен знать все эти законы и правила, и если он непреднамеренно нарушит один или одно из

них, он может быть наказан — незнание закона не освобождает от ответственности. Другой проблемой является то, что эти законы и правила часто противоречат друг другу. Если гражданин или компания соблюдают один закон, то он или она может нарушить другие. Даже судьи, юристы и государственная администрация теряются в них, не говоря уже о законодателях. Кроме того, законы и правила довольно часто изменяются и иногда пишутся техническим языком, который обычный гражданин с трудом может понять. Еще больше усугубляет положение то, что даже в высокоразвитых демократических правовых государствах наблюдается вызывающий опасения недостаток хороших специалистов в правоохранительных органах, прокуратуре и судах. Это во многом объясняет, почему так трудно быстро и эффективно бороться с преступлениями «белых воротничков» на трансграничном уровне. В результате судебные процессы по делам такого рода могут затягиваться на годы.

В итоге в большинстве демократических государств увеличение объема правовых норм уменьшает степень правовой защищенности граждан. Государству становится все труднее защищать своих граждан как от более мелких, так и от более серьезных преступлений. В конечном счете, правовое демократическое государство может стать всего лишь фасадом, который однажды может обрушиться. Действительно, то, что верховенство права до сих пор существует во многих демократических государствах, можно назвать маленьким чудом. В большинстве случаев мы обязаны отдать должное тем немногим идеалистам, которые с большой преданностью исполняют свои обязанности в правоохранительных органах, прокуратуре и судах, несмотря на то, что они могли бы зарабатывать гораздо больше денег в частном секторе.

Какая польза от демократического правового государства, которое построило самую сложную общественную систему или проводит самую тонкую культурную политику, в то вре-

мя как главный столп конституционного государства – верховенство права – обвалился и государство не в состоянии предоставить своим гражданам достойную правовую защиту? Поэтому жизненно важно, чтобы государство делегировало все другие функции, которые могут более успешно выполняться местными общинами или частным бизнесом либо в силу того, что последние находятся ближе к народу и его проблемам, либо потому, что в отличие от государства они должны конкурировать на свободном рынке.

Политики и бюрократы любят утверждать, что рынку не удалось добиться успеха в той или иной области. Эти предполагаемые неудачи рынка служат поводом для издания постоянного потока новых законов и правил, регулирующих множество вопросов – от пенсионных выплат до охраны окружающей среды. Хотя если исследовать конкретную неудачу рынка немного более подробно, то обычно оказывается, что причина заключается в ошибочных действиях самого государства. Рынок может возникать только в тех условиях, когда соблюдаются имущественные права; в случаях, когда государство не может защитить их при помощи законов или правил, рынок функционировать не может. Имущественные права чаще всего устанавливаются государственными законами.

В данном случае также полезно было бы обратиться к истории человечества. Охотники-собиратели каменного века, например, не имели в собственности земель, которые могли бы покупаться и продаваться индивидами, существовали только территории для охоты, которые использовались и охранялись всем племенем. Государство или племя вмешивались и издавали правила в отношении их использования только в тех случаях, когда используемого всеми имущества становилось недостаточно и оно превращалось в ценность. В сельскохозяйственных обществах и государствах индивид мог владеть землей на праве собственности, ее можно было ис-

пользовать и продавать. Устанавливались имущественные права на землю, минеральные ресурсы, на охоту и рыбную ловлю. В наше время глубоководная рыбная ловля является хорошим примером того, как возникают права на пользование имуществом. Каждый имел право ловить в море рыбу до тех пор, пока ее количества было более чем достаточно. Когда в последние десятилетия популяция рыб начала сокращаться, государства расширили территориальные воды вдоль своих побережий и ограничили лов рыбы. Одна из сложностей, связанная с глубоководной рыбной ловлей, состоит в том, что необходимо регулировать эксплуатацию запасов рыб таким образом, чтобы возникали имущественные права и создавались эффективные рынки.

Если обычный глубоководный вылов рыбы, который ранее осуществлялся свободно, просто ограничен законами и правилами, то и свобода индивида оказывается ограниченной. Такая система законов и правил вынуждает государство постоянно проверять их исполнение. Это дорогостоящий процесс и он оплачивается деньгами налогоплательщиков. Кроме того, эта система подвержена коррупции и другим злоупотреблениям. Рынок, основанный на имущественных правах, которые могут продаваться, создаст для индивида богатство и может в той или иной степени саморегулироваться. Государство должно только контролировать рынок и, если потребуется, только изменять то или иное регулирование, которое потребует больших или меньших средств налогоплательщиков. Распределение ресурсов посредством рынка гораздо более справедливо и эффективно, чем через громоздкую, медленную, а зачастую и коррумпированную государственную бюрократию, где личные связи могут иметь большее значение, чем экономическая компетентность. К счастью, в ряде государств, по-видимому, наблюдается медленное изменение направления в сторону системы рыночного регулирования даже в вопросах, связанных с окружающей средой.

Для того чтобы создать демократическое правовое государство третьего тысячелетия, необходимо начать с тех органов государственной власти, которые издают законы и правила. Они включают в себя, в частности, парламенты, государственную администрацию, правительство, а также, в случаях прямой демократии, население. В этом контексте я вспоминаю замечание одного из экспертов в области законодательного процесса: «Производство законов напоминает производство сосисок. Лучше не смотреть на процесс с близкого расстояния, так как он выглядит неаппетитно, а смотреть на конечный результат». Как главе государства мне представлялись случаи посмотреть на этот процесс с близкого расстояния как на национальном, так и международном уровнях, и я должен добавить, что, к сожалению, «сосиски» тоже зачастую выглядят неаппетитно.

За исключением Великобритании и Новой Зеландии, все демократические государства имеют писаную конституцию как основу их системы законодательства. В такой конституции установлены структура государства и основополагающие права граждан. Если круг задач государства существенно сужен до контроля над верховенством права и внешней политикой, то возникает возможность написания короткой и понятной конституции. Преимущество такой конституции будет в том, что гражданам станет гораздо легче изучать и применять ее. К сожалению, большинство известных мне конституций довольно длинны и трудны для понимания. Есть даже отдельные ответственные за издание законов должностные лица, которые не знают конституции своей собственной страны.

Требование о том, что законодатель должен использовать простой и понятный язык, необходимо предъявлять не только к конституции, но также ко всем законам и правилам, которые должны соблюдаться обычными гражданами. Если государство ожидает от своих граждан соблюдения законов

и конституции, то оно обязано предоставить им информацию о конституции и других действующих законах. В этой связи не будет лишним еще раз подчеркнуть, что государство должно стать предоставляющей услуги компанией, которая служит своим гражданам, и никак не наоборот. Детям в школе приходится изучать множество предметов, некоторые из которых имеют сомнительную полезность. Не является ли обязанностью государства обеспечить, чтобы в школах также преподавалось право? Не обязано ли оно предоставить каждому гражданину собрание законов, которое содержит конституцию и наиболее важные законодательные акты вместе с комментариями, для того, чтобы граждане могли самостоятельно ориентироваться в правовом государстве и знать свои права и обязанности?

Конечно, существует большое количество законов и правил, которые не нужны гражданам в их повседневной жизни, но тем не менее являются необходимыми, например, законодательство о защите потребителей и окружающей среды от опасных продуктов. Эти правила установлены для компаний промышленного, сельскохозяйственного сектора, а также сектора услуг. Большое количество правил становится бременем, особенно для небольших компаний. В то же самое время эти небольшие компании являются чрезвычайно важными, так как они несут с собой рабочие места и инновации в экономику. Помимо высоких ставок налогов, сложного налогового и социального законодательства, правила, которые все время изменяются, являются основной причиной того, что небольшие компании неохотно учреждаются и часто разоряются. Так как компании платят прямые и косвенные налоги, сборы, взносы в социальные фонды и т.д., на соответствующие государственные и местные органы должна быть возложена обязанность в той или иной степени бесплатно консультировать компании по налоговым вопросам. Если правила противоречат друг другу, должно применяться такое

правило, которое ставит налогоплательщика в более благоприятное положение. Только в этом случае можно говорить о том, что государство и местные общины служат людям, а не грабят их. Если государство издает неясные и противоречивые налоговые законы, то ответственность должно нести оно, а не налогоплательщик.

Возросло не только количество издаваемых национальных законов и правил, но также количество норм, создаваемых в результате заключения двусторонних межгосударственных договоров, членства в региональных организациях, таких как Европейский союз, а также участия в международных организациях, таких как Организация Объединенных Наций. В теории национальное законодательство также должно взаимодействовать с этим важным правовым полем и определять, какие международно-правовые нормы должны применяться на национальном уровне и каким образом. Однако любой, кто сталкивался с данной отраслью права, знает, что обычно национальная законодательная власть не обладает достаточной компетенцией для выполнения этой задачи, а международное право внедряется так неумело, что зачастую противоречит действующему праву.

Если правовое государство, независимо от того, демократическое оно или нет, окажется неспособным справиться с этими проблемами, однажды оно может прекратить свое существование в том виде, в котором оно существует сейчас. Я имел возможность вблизи наблюдать за таким неприятным изменением в течение десятилетий. Будучи молодым человеком, мне выпал шанс поработать в Вашингтоне, округ Колумбия, в офисе американского сенатора Клэйборна Пелла из Род-Айленда. Несмотря на то, что сенатор работал на постоянной основе и имел в своем подчинении высококвалифицированных сотрудников, даже при всем этом он едва ли мог иметь представление обо всех законах, международных

договорах, правилах и других решениях, принимаемых Сенатом. Проблема, которая была характерна для работающего на постоянной основе сенатора и его сотрудников в 60-е гг. прошлого века, стала еще более актуальна сегодня для всех парламентов. Особенно для тех, которые не функционируют на постоянной основе и которые не располагают высококвалифицированным персоналом. В законодательном процессе конституционная реальность отклоняется от положений писаной конституции, что подвергает риску доверие к самому правовому государству.

Какой должна быть реформа законодательной власти, способная вернуть этот важнейший в правовом государстве процесс назад, к принципам демократической конституции? Крайне важно, чтобы государство концентрировалось на своей главной задаче – поддержании верховенства права, а также постепенно сложило с себя все те функции, которые были переданы ему за последние двести лет идеологиями национализма и социализма. Передача всех этих функций частному бизнесу или местным общинам создаст условия для уменьшения количества законов и правил и концентрирования на более общих правовых указаниях. Местные общины обычно намного ближе стоят к таким проблемам, как социальная поддержка и благосостояние, кроме того, они в большинстве случаев могут распознать проблему на раннем этапе и решить ее быстрее, без соблюдения многочисленных правил и бюрократизма. Сложные и подробные законы и правила обычно необходимы на государственном уровне потому, что они должны учитывать все виды особых случаев, к которым большинство общин не имеет никакого отношения. Если они и понадобятся, то вопрос может быть решен быстрым способом, без бюрократизма и без создания прецедента для других общин.

Строгое самоограничение государства в конституции затруднит процесс предвыборной «покупки голосов» политика-

ми и партиями с помощью всевозможных обещаний, а в некоторых случаях делает ее невозможной. Помимо большого количества новых законов, создаваемых при этом, такие обещания влекут за собой высокие расходы. Обещано потратить миллиарды на консервацию старых промышленных производств и миллиарды сверх того на создание новых отраслей промышленности. Изъятие этих миллиардов у бедных налогоплательщиков и их распределение между группами привилегированных людей представляет собой бюрократический процесс, на который уже расходуется определенный процент от этой суммы.

Даже предпринимателю в его собственной отрасли промышленности трудно прогнозировать, будет ли его инвестиция удачной. Политики и бюрократы предпринимателями не являются и не могут оценивать, выживет ли то или иное предприятие, в которое вкладываются миллиарды, полученные от налогоплательщиков. В результате большая часть этих миллиардов бывает потеряна. Так как эти деньги сначала должны были быть заработаны успешными компаниями и трудолюбивыми гражданами, весь этот процесс превращается в выбрасывание на ветер денег, изъятых из успешных отраслей национальной экономики. Таким образом, наиболее здоровая часть национальной экономики ослабляется, еще меньшая часть инвестируется, а более успешные компании и люди эмигрируют. В конце концов, в государстве остаются только политики, бюрократы и безработные, а затем государство погибает.

Только одна часть проблем разрешается, если конституция ограничивает деятельность парламента только основными государственными функциями, такими как внешняя политика и поддержание верховенства права. Можно возразить, что даже в небольших государствах члены парламента должны работать на постоянной основе и пользоваться помощью

высококвалифицированного персонала. Это будет требовать дополнительных вложений, но расходы на парламент незначительны по сравнению с теми убытками, которые могут возникнуть из-за плохих законов, или по сравнению с общим размером государственных расходов. Важно, чтобы члены парламента сами могли подбирать свой персонал, который закрепляется за каждым из них, причем не из числа гражданских служащих, которых нельзя просто отстранить от должности.

Другой важной мерой было бы снижение заработной платы депутатам парламента до максимально возможного уровня. Ожидания того, что члены парламента будут представлять собой срез общества и представлять население, с самого начала оказались иллюзией. Члены парламента представляют интересы своих партий; и даже если они не всегда голосуют в соответствии с линией партии, они не представляют собой срез населения. С увеличением размеров парламента увеличивается и продолжительность дебатов, но не их качество. Большой размер парламента тоже является недостатком, так как члены парламента не очень хорошо знают друг друга и взаимодействие между ними усложняется. Чем больше парламента, тем выше опасность того, что его основная задача — законотворчество — будет поглощена администрацией, политическими партиями, государственной бюрократией или какой-либо иной группой.

Трудно сказать, каким должен быть оптимальный размер парламента. Он, возможно, должен варьироваться в каждом конкретном случае. Но в любом случае, чем меньше, тем лучше. Парламент Лихтенштейна долгое время состоял только из пятнадцати членов и нескольких заместителей, причем никто из них не работал на постоянной основе. По сравнению с большими по размеру парламентами, миниатюрный парламента Лихтенштейна успешно выполнял свои функции.

Из-за увеличения внешнеполитических задач парламентариев и возрастания членства в международных организациях в 1988 г. на основании референдума, в результате которого голоса разделились практически поровну, было увеличено число заместителей членов парламента Лихтенштейна с 15 до 25. Депутаты с удовлетворением восприняли такое увеличение, поскольку это облегчило выполнение ими внешнеполитических задач, но при этом оно сделало их обычную законодательную деятельность сложнее.

Более важную роль, по сравнению с большим и не очень представительным парламентом, играет интеграция населения в законодательный процесс посредством прямой демократии. Как было указано в главе 8, модель прямой демократии, применяемая в Лихтенштейне, представляется более развитой, чем аналогичная швейцарская модель. Опасения по поводу сильной прямой демократии могут быть разрешены путем наделения главы государства правом вето в отношении положений, принимаемых на референдумах. Если Правящий Князь Лихтенштейна обладает правом вето, нет никаких оснований отказывать президенту республики в этом праве. Они оба нуждаются в доверии населения, когда применяют право вето для того, чтобы отвергнуть ошибочно принятое на референдуме решение. Однако существует одно различие. Монарх, получивший свою должность от рождения, более независим, чем монарх, которому предстоит бороться за переизбрание.

Может возникнуть вопрос: необходим ли в государстве двухпалатный парламент в тех случаях, когда функции государства постепенно сужаются до поддержания верховенства права и деятельности во внешней политике, а местные общины пользуются высокой степенью автономии с правом на выход из состава государства? Двухпалатный парламент требует больших расходов, а процесс принятия решений в нем более слож-

ный. Практически во всех государствах с двухпалатной системой одна из палат отражает историческое развитие, которое зачастую уже утратило свое значение. Депутаты второй палаты обычно представляют федеральные штаты, кантоны или провинции вне зависимости от величины их населения. Вторая палата не нужна, если местные общины обладают большей автономностью, чем федеральные штаты, кантоны и провинции имеют сейчас. В рамках возросшей автономии общины всегда смогут свободно сотрудничать внутри этих традиционных регионов. Исходя из этого, можно предположить, что регионы, которые возникли исторически, такие как федеральная земля Бавария или швейцарские кантоны, продолжают существовать и взаимодействовать во множестве различных сфер, в которых государство уже не будет проявлять активности.

В государстве, которое видит свое будущее в качестве компании, оказывающей услуги населению, могут быть сделаны некоторые усовершенствования в области правоохранительных органов, таких как полиция, которые должны обеспечивать соблюдение государственных законов и правил. Как уже было упомянуто, противоречивое и сложное законодательство может вызвать проблемы у полиции. Полицейским сложно приводить в исполнение непопулярные законы, так как люди склонны винить в этих законах полицию, а не законодателей. Этот недостаток сглаживается в условиях прямой демократии потому, что проект закона может быть отклонен на референдуме в тех случаях, когда он совсем не понят народом и не пользуется популярностью.

В ряде государств полиция жалуется не только на недостаток финансирования и кадров, но также на недостаточную поддержку со стороны политических деятелей. Это не должно быть проблемой в тех государствах, которые концентрируются только на внешней политике и верховенстве закона. Политики и партии, которые не справляются с этими двумя

названными задачами, не могут компенсировать это своими достижениями в других областях и потому подвергают себя угрозе проиграть следующие выборы. Для избирателей будет гораздо проще принять взвешенное решение, если вся система станет более прозрачной.

То, что в условиях глобализированного мира характерно для товаров, услуг и туризма, применимо также в отношении преступников, которые отличаются мобильностью и могут взаимодействовать по всему миру. Для того чтобы эффективно бороться с международной преступностью, необходимо международное сотрудничество в нескольких областях. Государствам необходимы высококвалифицированные полицейские, которые владеют несколькими языками и знакомы с различными культурами. Преступники из разряда «белых воротничков» действуют на международном уровне через различные компании в разных государствах. Полицейские, борющиеся с экономическими преступлениями, также должны обладать хорошими познаниями в международной экономике. Это стоит дорого, но было бы ошибкой экономить на этом направлении, потому что на международном уровне потери от преступлений «белых воротничков» намного превышают расходы на борьбу с ними.

В этой связи необходимо упомянуть также о проблеме, которая является одной из главных причин того, что международная преступность на протяжении последних сорока лет была способна финансировать собственный быстрый рост, а именно о проблеме наркотиков. По оценкам международных организаций, ежегодно на незаконном производстве, торговле и распространении наркотиков зарабатываются десятки миллиардов долларов. Доходы международных наркокартелей гораздо выше, чем суммы, которые государства могут потратить на борьбу с этой проблемой. Косвенный ущерб, наносимый этой проблемой, также огромен. Потребление наркотиков прямо

или косвенно ведет к появлению проблем со здоровьем. Наркозависимые обычно не могут работать, а их лечение и проживание, особенно в тех случаях, когда они заражены СПИДом, гепатитом или другими заболеваниями, зачастую оплачиваются за счет налогоплательщиков. Правовые государства и полиция особое внимание должны уделять преступлениям, совершаемым с целью получения средств на приобретение наркотических средств. Проблема наркотиков, по-видимому, стала причиной всплеска преступности во многих промышленных городах в последние десятилетия, и конца ей пока не видно.

В принципе, у государства есть три пути борьбы с проблемой наркотиков:

1. *Продолжать следовать сегодняшней политике строгого запрета.* Эта политика не только полностью провалилась, но она также позволила наркокартелям за счет прибыли, которая во много раз превышает прибыль любого легального бизнеса, создать сеть сбыта наркотиков, более эффективную, чем у «Кока-Колы». Сети сбыта наркотиков, контролируемые наркокартелями, проникают даже в самые маленькие деревни не вопреки проводимой в отношении наркотиков международной политике, а благодаря ей. После Первой мировой войны политика строгого запрещения алкогольной продукции в США провалилась через несколько лет. Тем не менее применение этой неудачной политики запрета продолжается по отношению к наркотикам.
2. *Легализовать наркотики и отменить все виды контроля над оборотом наркотиков.* Сомнительно, чтобы эта политика в сегодняшних условиях была разумной и пользовалась поддержкой. Ряд научных исследований показал, что запрещенные наркотики намного более опасны, чем алкоголь, по крайней мере, для большинства людей.

3. *Бороться с незаконным оборотом наркотиков, прежде всего, учитывая законы рыночной экономики и предоставляя лечение наркозависимым.* Успех данной стратегии зависит от желания государств выплачивать производителям наркотиков, коими обычно являются бедные фермеры из развивающихся стран, за используемое для производства наркотиков сырье более высокую цену, чем наркокартели. Наркозависимые могли бы приобретать наркотики по гораздо более низкой цене, чем у наркокартелей. Так как наркокартели вынуждены работать нелегально, то стоимость их продукции, транспортировки и распространения существенно выше, чем у законной и эффективной организации. Борьбу с наркобизнесом необходимо вести до тех пор, пока он окончательно не потеряет своей доходности. Наркозависимым должно быть разрешено употреблять наркотики в специальных местах под наблюдением квалифицированного персонала, который сообщал бы им о вреде употребления наркотиков и консультировал по возможным способам лечения. Общая стоимость такой программы была бы значительно ниже, чем те расходы, которые сегодня несет полиция, следуя политике строго запрета. Возможно, было бы реально покрыть часть расходов, если бы отпускные цены для наркозависимых включали в себя коэффициент прибыльности. Потребитель наркотиков не должен ожидать, что все расходы, связанные с его пристрастием, должны покрываться за счет налогоплательщиков. Преступления, связанные с оборотом наркотиков, благодаря такой стратегии рано или поздно исчезли бы, города стали бы безопаснее, а полиция могла бы сосредоточить свои усилия на других задачах. Те политики из Соединенных Штатов, что справедливо проповедают всему миру о преимуществах рыночной экономики, в конце концов, признают, что в политике в отношении наркотиков нельзя просто так игнорировать законы рыночной экономики.

Государство никогда не сможет полностью предотвратить злоупотребление наркотиками. Тем не менее очевидно, что в функции государства и его органов не входит принятие правил, игнорирующих законы рыночной экономики и тем самым поощряющих злоупотребления наркотиками. Современная политика строгого запрета подрывает не только верховенство права в промышленных странах, но также, что более опасно, верховенство права в менее развитых государствах. Биллиарды долларов ежегодного дохода, зарабатываемые путем производства, продажи и распространения незаконных наркотических средств, финансируют не только организованную преступность, но и террористические организации и партизанские войны в странах третьего мира. Высокие идеалы и лучшие намерения привели к той политике в отношении наркотиков, которую мы имеем сейчас, но если взглянуть на результат, то можно обнаружить, что это направление было выбрано неверно. Если бы Нобелевская премия выдавалась за глупость, то инициатор указанной политики имел бы хорошие шансы стать ее лауреатом.

Государство, делегирующее большинство своих задач местным общинам, должно также предоставить им полномочия для принятия своих собственных правил, основанных на местных особенностях, и предоставить им возможность надзора за ними. Правила в отношении дорожного движения, окружающей среды, муниципального планирования, социального обеспечения, строительных кодексов и многих других областей могут приниматься местными общинами в рамках расширенного правового поля. Возможно, что законы и правила, изданные общинами или местными ассоциациями, будут подвергаться более качественному мониторингу со стороны чиновников и полиции, которые отчитываются перед общинами или региональными властями и финансируются ими. В отдельных случаях было бы выгодно передать выполнение таких полномочий частной компании, как это

уже делается в некоторых государствах, где частные компании действуют под надзором государственных органов.

Чиновники государства, считающего себя компанией, оказывающей услуги населению, должны вести себя по отношению к населению и местным общинам так же, как ведут себя хорошо организованные сервисные компании. В государстве, основной задачей внутренней политики которого является верховенство права, для большинства граждан полицейский будет являться наиболее важным представителем власти. В этом отношении во многих демократических государствах был достигнут значительный прогресс. Лозунг «Полиция — ваш друг, защитник и помощник» во многом стал реальностью. Помимо выполнения многих других обязанностей, полицейский обучает школьников правилам дорожного движения и консультирует домовладельцев о том, как им защититься от грабителей. Если сравнить оказывающее услуги государство с бизнесом, таким как ресторан, то полицейский в нем — официант, тогда как законодательная власть — это кухня. Посетители только в том случае будут довольны и придут снова, если обслуживать их будут дружелюбно и умело, еда окажется вкусной, а цены низкими.

Государство, основанное на верховенстве права, нуждается не только в законодательной власти и правоохранительных органах, не менее важным элементом является независимая судебная система. Система судов будущего государства может основываться на хорошо проверенной в правовых государствах модели:

1. *обычные суды* первой, второй и третьей инстанции;
2. *конституционный суд*, который должен определять, находятся ли принятые государством законы, правила и решения в соответствии с конституцией;

3. *административный суд*, в который могут обращаться отдельные лица и компании, чьи интересы были затронуты решениями государства или администрации общины.

С принятием конституции 1921 г. Княжество Лихтенштейн стало одним из первых правовых государств мира, которое на практике применило эту эффективную концепцию судебной системы. Лихтенштейну удалось достаточно точно повторить модель, которая была разработана и применена в молодой Австрийской республике. Правовые реформы в Австрии всегда оказывали и до сих пор оказывают сильное влияние на Княжество Лихтенштейн. Конституционная реформа 2003 г. учитывала не только опыт Лихтенштейна, приобретенный за последние 80 лет, но также и опыт Австрии и других государств. Будущее государство третьего тысячелетия, пусть и гораздо более крупных размеров, чем Лихтенштейн, должно суметь реализовать ту же самую основную концепцию и структуру своей судебной системы.

Для большинства государств задача состоит не в том, чтобы определить, как должна строиться эффективная судебная система, а, скорее, в обеспечении независимости отдельных судей от партийных политиков и других групп давления. Прямое вмешательство политиков при вынесении судебного решения происходит редко, но сложно доказуемо. Тем не менее многие судебные решения не могут быть объяснены чем-то иным, нежели просто стремлением угодить политикам, что может характеризоваться как демонстрация готовности подчиняться. Одна из причин этого заключается в том, что политические партии и отдельные заинтересованные группы могут иметь существенное влияние на назначение судей.

Любой, кто когда-либо изучал судебные решения по делам, имеющим политический резонанс, где на карту поставлен государственный интерес, замечал, что даже в демокра-

тических правовых государствах суды принимают решения, которые противоречат букве и смыслу законов. Подобные решения пишутся таким образом, что только эксперты могут заметить их противоречие интересам обычных людей и что суд намеренно принял решение вопреки закону для того, чтобы защитить определенные классы, а риторика о государственных интересах используется лишь для прикрытия. Такое поведение рано или поздно ставит под сомнение доверие к правовому государству и верховенству правам – и не только со стороны экспертов.

Основная проблема состоит в том, что верхушка политических партий занимает все ключевые посты в государстве, проникая от законодательной власти через исполнительную ветвь к судебной системе. Когда в дополнение к этому государство, по сравнению с предыдущими веками, берет на себя множество функций и становится доминирующей силой в экономике, свобода отдельного гражданина постепенно исчезает, пока не остается один только фасад. Решение Лихтенштейна в отношении выбора судей, описанное в главе 8, в сочетании с радикальным сужением круга государственных функций до внешней политики и поддержания верховенства права, является единственным средством, которое позволит избежать этой угрозы.

Назначение судей и их освобождение от должности – это трудный вопрос. Даже при самом тщательном отборе всегда найдутся судьи, которые больше не соответствуют возлагаемым на них задачам. Человек со временем меняется. Интеллектуальные и физические силы ослабевают, могут появиться определенные черты характера, которые сделают человека непригодным для должности судьи.

Даже в правовых государствах назначение судей осуществляется по политическим мотивам, когда довольно ясно видно, что человек не подходит для этой роли. Я был свидетелем

подобной ситуации, произошедшей в Лихтенштейне. Судья был не в состоянии принимать решения, и неразрешенные дела годами скапливались на его столе. Сначала население обратилось с жалобой к политикам, но безуспешно, так как судья был в политическом отношении очень близок партии большинства того времени. В итоге люди обратились ко мне как к главе государства. После многолетних попыток и еще большего числа проблем, которые возникли у государства в сфере международного сотрудничества и в сфере правоохранительной деятельности по вине этого судьи, стало, наконец, возможным отправить его в досрочную отставку. В небольших государствах, таких как Лихтенштейн, подобные проблемы обычно распознаются раньше, чем в больших государствах, и при наличии политической воли могут решаться быстрее. Тем не менее даже небольшие государства должны держать ситуацию под контролем для того, чтобы увидеть такие проблемы на раннем этапе. Для того чтобы устранить от должности неспособного исполнять свои обязанности судью, необходимы понятные и прозрачные процедуры, которые в то же время гарантируют конфиденциальность информации о задействованных лицах. Любой, кто сталкивался с международным сотрудничеством по вопросам правоохранительной деятельности, знает, что даже в европейских демократических правовых государствах существуют серьезные различия в степени эффективности правовых систем.

Другой проблемой, с которой сталкивается большинство правовых государств, — недостаточное число судей, в результате чего некоторые судебные дела рассматриваются годами. Недостаток квалифицированных кадров в правоохранительных органах, прокуратуре и судебном аппарате фактически приводит к правовому нигилизму населения. Производство по некоторым делам прекращается даже при наличии серьезных доказательств того, что под следствием находится серийный убийца, как это не так давно произошло в Бельгии.

В Европе функции по защите принципов демократического правового государства на высшем уровне возложена на Совет Европы, но даже там складывается неудовлетворительная ситуация. Совет Европы предпочитает давать ненужные советы по вопросам прав человека и принципов демократического правового государства как в Европе, так и за ее пределами. При этом же Совете Европы был организован Европейский суд по правам человека, где за годы его существования, по данным отчета Совета Европы за 2006 г., без рассмотрения остались около 90 000 заявлений, часто относящихся к серьезным нарушениям прав человека. Само по себе это обстоятельство еще не повод для беспокойства, но этот суд по правам человека, который, очевидно, перегружен работой, находит время заниматься делами, которые являются более важными для отдельных влиятельных политиков, хотя и не входят в его компетенцию. У меня была возможность на примере нескольких дел, касающихся Княжества Лихтенштейн, убедиться в том, что Совет Европы сам нарушал им же установленные принципы демократического правового государства. Австрийский профессор Гюнтер Винклер, один из ведущих немецкоязычных специалистов в области конституционного и европейского права, недавно опубликовал книгу, в которой тщательно проанализировал решение по одному из таких дел (*Совет Европы: надзорные процедуры и конституционная автономия государств-членов*. Шпрингер, Вена, Нью-Йорк, 2005 г.).

Будучи зажатым между Европейским союзом, ОБСЕ (Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе) и ООН, Совет Европы утратил большую часть своего значения для своих членов. В принципе, перед Советом Европы стоят три альтернативы: фундаментальная реформа, которая позволила бы вернуть доверие к его роли по защите основных принципов демократического правового государства; ликвидация, которая обоснована тем, что Совет Европы, призванный защищать основные принципы демократического

правового государства, в настоящее время сам и их нарушает и тем самым приносит больше вреда, чем пользы; или третий вариант – поддержание status quo. Реалистически рассматривая данную проблему, можно предположить, что ни фундаментальная реформа, ни роспуск Совета не произойдут. Как уже было в прошлом, он продолжит служить государствам-членам в качестве источника рабочих мест и доходов для политиков, государственных служащих, экспертов, которые должны оплачиваться европейскими налогоплательщиками.

В XIX и XX веках европейские государства вместе с США были первопроходцами в деле развития демократического правового государства. Сегодня, однако, признаки ослабления правового государства видны с обеих сторон Атлантики. Если оно теряет свое значение в этих государствах, то что же тогда говорить о тех регионах мира, в которых правовое государство еще до сих пор очень слабо? Политики и население стран, где зародилась идея демократического конституционного государства, должны понимать, что несут ответственность перед всем миром. Они должны освободить государство от всех ненужных задач и обязанностей, которые были на него возложены в последние сто лет и которые отвлекали его от двух главных задач: забота о верховенстве права и внешняя политика. В демократическом правовом государстве население вправе решать: может ли роль государства сводиться к этим двум функциям. Они должны проголосовать против всех тех политиков и партий, которые пытаются «купить» голоса избирателей на их же средства. Если люди позволяют подкупать себя таким образом, они не должны удивляться, что в среде политиков и политических партий процветает коррупция.

В государстве третьего тысячелетия должны действовать не только органы законодательной власти, полиция, органы, контролирующие соблюдение законов, и суды, которые определяют, был ли нарушен закон, но также институт, кото-

рый обычно именуется исполнительной ветвью власти. Если круг функций государства существенно сужается, то правительство также может сильно сократиться в размерах. Глава правительства обычно является премьер-министром, или советником, который выступает председателем на заседаниях правительства и задает направление работы. Он также несет основную ответственность за отношения правительства с населением, парламентом и главой государства, в случае его наличия. Министр иностранных дел ответственен за международные отношения и дипломатические представительства. Министр внутренних дел занимается вопросами полиции и всеми другими институтами, которые следят за соблюдением законов и правил. Министр юстиции несет ответственность за управление системой правосудия, для того чтобы суды могли эффективно функционировать, а также прокурорами и адвокатами. Министерство юстиции также должно содействовать правительству и парламенту в подготовке и внесении изменений в законы. Наконец, министр финансов занимается вопросами сферы финансов и налогов.

При демократии существуют различные способы формирования и роспуска правительства. Существуют модели, в которых парламент не может влиять на формирование правительства. Это происходит в том случае, когда члены правительства напрямую избираются народом, как, например, в кантонах Швейцарии, где глава правительства избирается населением и затем получает полномочия по формированию своего собственного правительства; в Соединенных Штатах, где президент одновременно является главой исполнительной власти и главой правительства. Тем не менее в Соединенных Штатах члены правительства, номинированные президентом, должны быть утверждены Сенатом. В других государствах кандидатуры правительства либо предлагаются главой государства, с последующим утверждением парламентом, либо парламент избирает членов правительства, которые затем на-

значаются главой государства, если такой имеется. Глава государства в большинстве случаев наделен правом отправлять правительство в отставку, распускать парламент и назначать новые выборы.

Различные модели имеют свои преимущества и недостатки. Обычно правительству без поддержки парламента сложно реализовать свою программу. Тем не менее в Соединенных Штатах и многих кантонах Швейцарии правительство может выполнять свои функции и без опоры на большинство в парламенте, при этом противостоящее парламентское большинство обычно не слишком сильно мешает его работе. Возможно, это происходит потому, что в обоих указанных государствах партии не представляют такой значительной силы, как в других странах, и, следовательно, члены парламента более свободны в принятии своих решений. Кроме того, в Швейцарии и ряде федеральных штатов США действует модель прямой демократии, и поэтому блокировка законопроекта в парламенте может быть преодолена голосованием на референдуме.

Более важным, чем модель правительства, является вопрос о целесообразности внедрения в политическую систему такого долговременного, независимого от политики партий, компонента, как наследственная монархия, обладающая сильным политическим влиянием, по примеру Княжества Лихтенштейн. Наследственный монарх не несет никаких обязательств перед разнообразными партиями, и он не должен думать о выборах. Вместо этого он может сосредоточиться на благополучии государства и его населения в долгосрочной перспективе. В Княжестве Лихтенштейн возможно на протяжении поколений следовать долговременным политическим целям во благо государства и его народа. Тесное и успешное взаимодействие различных поколений правящей семьи всегда имело большое значение для достижения этого.

Часто возникает вопрос, может ли государственный служащий быть уволен точно так же, как работник частного сектора? Для судей и прокуроров важна независимость от политиков и политических партий, так как последние обычно контролируют законодательный процесс через парламент, а исполнительную власть – через правительство. Прокурор и судья должны начинать расследование и выносить решение, даже если политики или общественное мнение не согласны с этим. Отстранение от должности судьи или прокурора, таким образом, возможно только в исключительных случаях, в соответствии с урегулированной процедурой.

В ряде государств существует традиция, согласно которой государственные служащие, как и судьи, фактически занимают свою должность пожизненно и отстранить их невозможно. В государствах, где административное правосудие развито слабо или совсем отсутствует, это обычно мотивируется тем, что государственные служащие, наряду с судьями, должны оставаться независимыми. Там, где действует отлаженная и независимая система административных судов, гражданин может обратиться по своему делу в суд, если, по его мнению, администрация приняла произвольное решение или нарушила закон. В такой ситуации нет оснований наделять государственных служащих статусом, аналогичным статусу судей.

Если государственные служащие в процессе принятия решений обладали бы такой же независимостью, как и судьи, то они получили бы такие дискреционные полномочия, которые в демократических правовых государствах находятся в руках правительства. Это может быть хорошим аргументом в пользу того, что государственные служащие в своем статусе должны быть уравнены с наемными работниками частного сектора и не должны иметь особую защиту от увольнения. Разумеется, если государственные функции будут сокращены до самых основных, то потребуются крупная реорганизация

всей административной системы. Многие государственные служащие получают возможность перейти в администрацию местных общин или регионов или в частный сектор, если последний примет на себя выполнение некоторых функций, ранее осуществлявшихся государством. К сожалению, в ряде случаев государственные служащие будут сокращены, и некоторым из них придется искать новое место работы. В Соединенных Штатах новое правительство, как правило, заменяет государственных служащих, занимавших руководящие посты в предыдущей администрации. Новое правительство нуждается в людях, которым оно может доверять и с кем может выстраивать деловые отношения с тем, чтобы реализовать хотя бы часть своей программы в той степени, в какой она соответствует конституции и законам. Даже в Соединенных Штатах с их традиционной ротацией между частным сектором и государственной службой лишь небольшой процент государственных служащих заменяется новыми при смене правительств.

10.2 Социальное государство

Как было отмечено в главе 3, социальное поведение является основополагающей составной частью человеческой природы. Однако должно ли государство будущего обеспечивать реализацию идеи социального государства в том виде, в котором она существует сегодня, или, возможно, оно должно развивать ее дальше?

Наше генетически обусловленное социальное поведение до сих пор в значительной степени соответствует политическим и экономическим структурам обществ охотников-собирателей. Тогда для выживания индивида и группы были необходимы взаимная поддержка и разделение ресурсов. Эта система является довольно эффективной, так как общественный контроль над индивидом со стороны группы осуществляется гораздо легче, чем контроль в большом государстве. В обществе охотников-собирателей источником богатства была общая территория, которую иногда приходилось защищать от других групп. Охотники-собиратели пожинали плоды, но не сеяли. Личное имущество было ограничено одеждой, оружием, несколькими предметами быта, а также палашом или простой хижинной.

В земледельческую эпоху личная собственность на землю и связанные с ней средства производства уже приобрела центральное значение. Теперь фермеру приходилось пахать,

сеять и собирать урожай на своей земле из года в год. Природа все еще имела большое значение, но она больше не являлась основным источником богатства. В обмен на уплату налогов и сборов монарх и олигархи, или само государство, брали на себя задачи, которые до этого решались небольшими группами или племенами, такие как защита от внешней агрессии, обеспечение законности и правопорядка внутри государства. Разделение ресурсов и взаимная поддержка сохранились в рамках традиционных групп, таких как семья, деревенская община или регион.

Генетически обусловленное социальное поведение человечества и государственных структур постепенно начало изменяться. В деревнях и небольших городах общественный контроль, разделение ресурсов и взаимная поддержка были все еще возможны, так как все знали друг друга. В больших городах и государствах это уже стало невозможно. Индустриализация, миграция из сельских районов в города и утрата расширенной семьи, а также социальной структуры деревни ускорили эту дивергентную эволюцию генетически обусловленного социального поведения и общественных структур. В промышленно развитых странах большая часть населения перестала быть интегрированной с традиционными социальными группами. Позднее практика разделения ресурсов и взаимной поддержки была забыта так же, как прекратился социальный контроль, осуществляемый небольшими традиционными общественными группами. Государство с большим населением не может осуществлять подобный вид контроля. Попытки сделать это неизбежно вели к возникновению полицейского государства, коррупции и утрате свобод.

Попытки коммунизма возвратиться в модель разделения и равного распределения имущества, характерную для обществ охотников-собирателей, обернулись экономической и политической катастрофой. Индивид больше не был мотивирован

к постоянному увеличению богатства, так как государственная олигархия распределяла его между другими людьми. Больше не существовало конкуренции лучших способов достижения богатства, а только конкуренция способов его распределения. Общественное поведение каменного века не может применяться в социальной, экономической и политической обстановке земледельческих или индустриальных государств.

Социально-ориентированная рыночная экономика, с другой стороны, путем сохранения частной собственности и рыночной экономики пытается применить общественное поведение деревень и маленьких городов земледельческой эпохи к индустриальному обществу. Эта модель оказалась более успешной, чем коммунизм, но в настоящее время она также переживает кризис и в итоге прекратит свое существование. Социальное государство пытается с помощью правового регулирования применить социальное поведение небольших традиционных групп к населению в целом. Для контролирования этого процесса необходим значительный бюрократический аппарат. В дополнение к высоким расходам на свое содержание такая система угрожает свободе индивида и в условиях демократии предоставляет политическим партиям возможность «покупки» голосов за счет средств налогоплательщиков. Социальное государство в эпоху глобализации столкнулось с кризисом, вызванным повышающейся мобильностью людей, услуг и товаров.

В дополнение к этому социальное государство испытывает в нашем всемирном информационном обществе нравственную проблему. Человек – существо общественное, которое должно сочувственно относиться к своим ближним, как того требуют христианство и другие религии. Однако Христос указал своим еврейским согражданам, что таким ближним может оказаться и незнакомый человек и что нужно любить своих врагов. В современных условиях должен

ли отец семейства из Мюнхена, который много работает и хорошо зарабатывает, считать государственного служащего из Берлина своим ближним? Должен ли он вносить пенсионные отчисления с тем, чтобы его ближний мог выйти на пенсию в шестьдесят лет и двадцать пять лет наслаждаться отдыхом, будь то в Берлине или в зимнее время во Флориде? Не будет ли этот отец семейства более близок к какому-нибудь другому отцу в стране третьего мира, чья семья не имеет достаточно еды, лишена медицинского обслуживания и подвергается угрозе заболеваний и травм, которые в нормальных условиях могут быть легко излечены? Или социальное государство является продуктом идеологии, которая благоприятно относится только к немногим, вместо того, чтобы руководствоваться принципом «любви к своему ближнему»? Разве людей не ввели в заблуждение, заставив верить в то, что социальное государство и принудительная солидарность создадут на земле рай для избранных людей, тогда как истинными получателями благ является только небольшое, избранное меньшинство?

По мере того как глобализация еще сильнее сближает расширенную семью человечества, становится ли социально оправданным для государства принуждать свое население финансировать праздную жизнь небольшого привилегированного класса? Не будет ли более справедливым предоставить отдельным гражданам и местным общинам возможность помогать самым бедным посредством индивидуальных пожертвований или поддерживать хорошо управляемые сообщества в развивающихся странах? Средства, выплачиваемые в качестве ежемесячных пенсий одному государственному служащему в Берлине, могут не только спасти десятки детей в странах третьего мира, но также обеспечить их образование. Не была ли иностранная государственная помощь в большинстве случаев бесполезной тратой денег налогоплательщиков, приносящей больше вреда, чем пользы?

Социальное государство также способствовало получению государственной олигархией доступа к частной жизни граждан для того, чтобы требовать от них все больших налоговых поступлений, необходимых для финансирования государственной бюрократии; в то же самое время накапливаются горы государственного долга, который ляжет бременем на будущие поколения. Эксперты какое-то время предупреждали, что социальное государство является непозволительной роскошью, но перед выборами политики, «покупая голоса» избирателей, обещают и дальше продлить его существование. До настоящего времени политики, которые делали такие обещания, могли рассчитывать на щедрые пенсионные выплаты. Однако горе тем политикам, которые выиграют выборы в тот момент, когда серьезное снижение благосостояния станет уже неизбежным.

Проблема началась в конце XIX века, когда канцлер Бисмарк пообещал гражданам вновь созданной Германской империи пенсионное обеспечение начиная с шестидесяти пяти лет. На самом деле, шестьдесят пять лет как раз соответствовали продолжительности жизни для того времени, и так как сама пенсия была достаточно скромной, финансирование данного плана за счет налогов не вызывало никаких опасений. С тех пор, однако, продолжительность жизни существенно возросла, так же как и пенсионные выплаты, в то время как пенсионный возраст во многих странах был снижен. Тем временем большинство промышленно развитых стран приняли германскую систему и теперь сталкиваются с аналогичными финансовыми проблемами.

Только несколько государств смогли обеспечить, чтобы хотя бы часть пенсионного фонда накапливалась заранее. Но даже в этом случае вследствие недостаточного контроля или регулирования допускались ошибки. События, произошедшие в промышленно развитых странах за последние сто

лет, показывают, что управление пенсионными фондами не должно входить в обязанности государства. Опасность злоупотреблений, угрожающих будущим поколениям, слишком велика.

Кроме того, государственные пенсии, финансируемые за счет политики вычета налогов при уплате заработной платы, возможно, являются причиной падения рождаемости в большинстве индустриальных стран. В прошлом для большинства людей дети являлись поддержкой в старости. Дети не только радость для своих родителей, они также могут быть финансовым бременем и отнимать много времени. Почему люди должны брать на себя ответственность по содержанию детей, когда государство требует от них оплачивать пенсии людей, которых они не знают, но при этом гарантирует выплату их пенсий? Однако постепенно возникает понимание того, что государство не может взять на себя эту ответственность потому, что материалистическое «общество праздника» оставляет после себя очень мало потомков.

Для наших западных цивилизаций работа на протяжении всей жизни означала бы коренное изменение в мировоззрении, даже несмотря на то, что государственная пенсионная система является сравнительно новым достижением. Поэтому, с политической точки зрения, нереально представить себе неожиданное прекращение пенсионных выплат, разве что в случае серьезного кризиса. Люди, которые уже вышли на пенсию или собираются это сделать, нуждаются в своей пенсии для того, чтобы выжить, так как найти работу им будет очень сложно. Однако в этих обстоятельствах повышение пенсионных выплат до уровня, превышающего ставку инфляции, неоправданно, так как будущие поколения вынуждены будут сами обеспечивать себе пенсии, чтобы пользоваться теми благами, которыми пользуются нынешние пенсионеры.

Для того чтобы предотвратить более серьезные кризисы, пенсионный возраст должен быть увеличен, пенсионная система должна быть основательно изменена таким образом, чтобы перейти от сегодняшней системы отчислений из заработной платы к накопительной системе. Как только произойдет это изменение, каждый человек сам будет решать, когда ему выходить на пенсию. Правила, которые делают непривлекательным наем пожилых работников, должны быть отменены. Обществу придется свыкнуться с тем фактом, что увеличившаяся продолжительность жизни позволит людям работать дольше. На самом деле, продолжение работы после достижения пенсионного возраста, похоже, позитивно сказывается на психическом и физическом здоровье, если сама по себе работа не требует слишком больших физических усилий. Это является преимуществом для человека и его окружения. Накопительная пенсионная система даже предоставляет людям право передать накопления своим детям в случае, если они частично или полностью откажутся от своей пенсии.

Противники накопительной пенсионной системы часто утверждают, что она социально неприемлема, так как выгодна только для тех, кто может позволить себе отдавать часть своего заработка. Это неверно, так как общая обязанность вносить вклады может быть прописана в законе так же, как и система обязательных отчислений из заработной платы, и может использоваться для перераспределения средств в пользу людей с низкими доходами или не имеющих доходов. В системе отчислений из заработной платы люди с высокими доходами уже сегодня должны вносить на покрытие расходов системы больше, чем люди с низким доходом. Люди, совсем не имеющие доходов, не делают взносов и тем не менее получают пенсию. Вопрос, является ли система накопительной или нет, должен рассматриваться полностью отдельно от вопроса о том, за счет кого она финансируется.

Противники накопительной системы также приводят аргументы, что частные пенсионные системы, особенно те из них, которые управляются компаниями, инвестирующими свои фонды в свой собственный бизнес, особенно подвержены риску злоупотреблений и потери капитала. К сожалению, ошибки управления и убытки возникают также и в управляемых государством пенсионных системах. Надлежащее регулирование и достаточный надзор могут существенно уменьшить эти проблемы.

Так же как и в частной пенсионной системе, было бы возможно организовать минимальное социальное страхование, которое покрывало бы риски несчастных случаев и болезней. Было бы разумным ввести скользящую шкалу страховых взносов в соответствии с факторами риска. Большинство страховых планов сегодня включают в себя увеличенные взносы для определенных видов спорта, в которых риск получения травмы относительно велик. Аналогично несправедливо распределять между всеми плательщиками повышенные расходы на страхование тех, кто ведет нездоровый образ жизни, например, чрезмерно много курит, ест, пьет или не занимается физическими упражнениями. С другой стороны, расходы на страхование тех, кто подвержен неконтролируемым факторам риска, таким как возраст, пол или наследственность, должны равным образом распределяться между всеми.

Страхование от несчастных случаев и страхование здоровья всегда были связаны с возможным несением чрезмерных расходов и злоупотреблений. Пациенты и врачи заинтересованы в улучшении медицинского лечения, так как на карту поставлены здоровье пациента и доход врача. Врачи также должны защитить себя от исков по поводу некачественных услуг, которые могут быть связаны с неправильной постановкой диагноза и некачественным лечением. В результате пациенты и врачи склоняются к тому, чтобы медицинские

услуги по своему стоимостному уровню сравнивались бы с «Роллс-Ройсом». Это не должно вызывать удивления, потому что стоимость услуг покрывается за счет третьих лиц, а именно за счет страховой компании. В таких обстоятельствах вызывает удивление тот факт, что в индустриальных странах стоимость медицинских услуг несущественно выше, чем в остальных странах

Однако возможно уменьшить излишние расходы и злоупотребления в отношении страхования от несчастных случаев и страхования здоровья. Например, некоторым пациентам может требоваться страхование дополнительных рисков, и это действует точно так же, как и в других формах страхования, например, страховании автомобиля. Для людей, доход которых достаточен только для обеспечения прожиточного минимума, государственные органы будут оплачивать минимальную страховку и страхование дополнительных рисков. Собственника автомобиля можно убедить оплатить минимальную страховку и страхование дополнительных рисков, так как, если понадобится, он может расстаться со своим автомобилем. Однако, несомненно, в государстве третьего тысячелетия было бы с социальной, этической и религиозной точек зрения недопустимо принуждать необеспеченные слои населения отказаться от заботы о своем здоровье.

Во многих индустриальных государствах с щедрой системой социальной поддержки безработица долгое время не являлась значимой проблемой. Сегодня она стала проблемой и останется таковой в обозримом будущем из-за быстрых структурных изменений в мировой экономике. Структурные изменения, которые привели к переходу от земледельческого общества к индустриальному и от индустриального общества к обществу услуг, оказали влияние не только на индивида, но в некоторых случаях и на целые сектора экономики отдельных регионов. Частное страхова-

ние на случай увольнения становится, таким образом, фундаментальной проблемой в сравнении с личным страхованием от несчастных случаев или страхованием здоровья. Какая частная страховая компания согласится или сможет предоставить фермерам из стран третьего мира страховку на случай увольнения?

Лучшей страховкой от увольнения остается государственная экономическая политика, которая делает создание новых рабочих мест привлекательным для компаний, конкурентоспособных в условиях глобализации. В прошлом это было возможным только в условиях либеральной экономической политики с низкими налоговыми ставками, незначительным бюрократизмом, поддержанием верховенства права и высоким уровнем образования населения. Похоже, что немного в названных требованиях изменится в третьем тысячелетии.

Может ли государство третьего тысячелетия делегировать функции по оказанию помощи безработным на уровень местных общин? В принципе, ответ положительный, если речь идет о Княжестве Лихтенштейн с населением в 35 000 человек. Необходимо иметь в виду, однако, что Лихтенштейн применял описанную выше либеральную экономическую политику на протяжении десятилетий и сегодня пользуется преимуществами сильно диверсифицированной экономики с большим количеством компаний, которые могут конкурировать на мировых рынках без предоставления им субвенций. Тем не менее можно назвать много преимуществ передачи ответственности за безработных местным общинам даже в тех государствах, которые по экономическим показателям еще не достигли уровня Лихтенштейна. Однако до того как произойдет такое делегирование полномочий местным общинам, государство должно будет реформировать рынок труда и систему поддержки безработных.

Во многих государствах минимальные зарплаты и взносы на социальную поддержку слишком высоки, что затрудняет создание новых рабочих мест. Важной целью реформы было бы как можно более быстрое реинтегрирование безработных в рабочую среду, так как по опыту известно, что, чем дольше человек находится без работы, тем сложнее для него становится ее найти. Высокие расходы на содержание социального государства с течением времени становятся все более высокими. С одной стороны, молодые и способные люди стараются избежать налогового бремени путем эмиграции – либо физической, либо финансовой. С другой стороны, щедрое социальное государство привлекает тех людей, которые едва ли способны или готовы его финансировать, но которые желают пользоваться его преимуществами. Очевидное расхождение между существенными финансовыми выгодами социального государства и до смешного небольшими денежными средствами, которые необходимы для спасения жизней в государствах третьего мира, приводит не только к нелегальной иммиграции, но с течением времени вызывает политическое напряжение, которые повышает опасность возникновения конфликтов по всему миру.

Можно много говорить о государстве третьего тысячелетия, постепенно уходящем от системы социальной поддержки. Первым шагом был бы постепенный переход к накопительной пенсионной системе и повышению пенсионного возраста. Вторым шагом являлась бы реформа рынка труда. Третий шаг состоял бы в том, что управление всей системой социальной поддержки должно быть передано на уровень местных общин.

На местном уровне чувство солидарности ощущается сильнее, проблемы, как и их решения, распознаются раньше. Решения могут приниматься оперативно и быстро реализовываться, в то время как обнаруживать злоупотребления

и противостоять им становится проще. Местные общины сами для себя должны определить, в какой степени они должны объединяться в региональные ассоциации для выполнения этих задач и в каком размере они готовы субсидировать систему социальной поддержки. Если государство передаст всю систему социальной поддержки местным общинам и частному сектору, оно должно будет разработать соответствующее правовое регулирование для того, чтобы отслеживать этот процесс с целью предотвращения злоупотреблений. Однако в рамках этого правового регулирования местные общины должны получить возможность конкурировать и выдвигать инновационные предложения. Княжество Лихтенштейн с населением в 35 000 человек по размеру не превышает небольшой город и имеет эффективную систему социальной поддержки, при этом большая часть пенсий финансируется за счет накопительной пенсионной системы. Делегирование системы социальной поддержки местным общинам, конечно, потребует полной реорганизации налоговой и финансовой систем, что будет рассматриваться в главе 10.5.

Глобализация мировой экономики в долгосрочной перспективе приведет к гармонизации цен на товары и услуги. При этом в результате всемирной конкуренции в наиболее выгодном положении оказывается потребитель, что с социальной точки зрения является преимуществом. Практически во всех сферах до настоящего времени это приводило к снижению цен, повышению качества и расширению выбора. Хорошим примером тому служит автомобилестроение, в котором в значительной степени преобладают мировые рыночные цены. С момента открытия рынков в Восточной Европе и Индии цены на автомобили снизились, в то время как качество и ассортимент выросли. Схожие примеры можно привести из сектора услуг, например, индустрии телекоммуникационных или финансовых услуг.

Формирование мировых рыночных цен на товары и услуги означает, что в длительной перспективе цены на них должны измениться таким образом, чтобы местное производство и, соответственно, рабочие места были защищены. Мировые рыночные цены на товары и услуги должны привести к формированию мировой рыночной стоимости издержек, включая стоимость оплаты труда. Тот факт, что работодатели и работники, которых затронул этот процесс, пытаются остановить его посредством протекционистских мер, можно по-человечески понять, но такая политика только откладывает решение социальных проблем и обостряет их.

Индийский экономист Ягдиш Бхагвати часто упоминался как потенциальный кандидат на получение Нобелевской премии. Он изучал влияние глобализации на бедность в Индии и Китае и пришел к выводу, что глобализация является важным фактором, приводящим к снижению бедности в этом регионе. Он делит своих критиков на реалистов и идеалистов. К реалистам относятся те, кто получает экономические преимущества за счет протекционизма в ущерб потребителю. Как уже отмечалось, к реалистам можно отнести работодателей и работников. Идеалисты – это те, кто, особенно в индустриальных странах, воспринимает экономическую глобализацию как причину практически всех проблем третьего мира: от бедности до экологических бедствий. Реалисты и идеалисты сформировали мировую коалицию против экономической глобализации, вследствие чего идеалистов можно рассматривать в качестве полезного инструмента в руках реалистов, которые обогащаются ценой общего блага. Таким образом, движение против экономической глобализации отличается крайней несправедливостью: оно усиливает бедность в странах третьего мира и одновременно не может в долгосрочной перспективе сохранить рабочие места в индустриальных странах.

Конечно, за последние десятилетия в индустриальных странах происходило уменьшение количества рабочих мест, вызванное процессом глобализации, но в этот же период гораздо большее их количество сократилось из-за внедрения автоматизации во все традиционные сектора экономики: в добывающей промышленности, сельском и лесном хозяйстве, обрабатывающей промышленности, торговле, транспортных перевозках и секторе услуг. Социальные проблемы, которые приписывают глобализации и автоматизации, невозможно разрешить посредством протекционизма и уничтожения машин и компьютеров. Напротив, такая политика привела бы назад, в «экономический каменный век», где государство без импорта и экспорта, отрезанное от глобализированной мировой экономики, трансформировалось бы в «протекционистскую резервацию».

Проблема безработицы могла бы быть разрешена за короткое время, так как не существовало бы ни машин, ни компьютеров, ни автомобилей, но первый же неурожай вызвал бы голод. Кроме того, производительность сельского хозяйства в «протекционистской резервации» врагов глобализации существенно бы снизилась, так как современное сельское хозяйство настолько же зависимо от импорта, как и промышленность.

Лучшей гарантией от безработицы является создание рабочих мест в компаниях, которые могут конкурировать в условиях глобализированной мировой экономики. Центральную роль в этом процессе должна играть система образования, что и будет рассмотрено в следующей главе.

10.3 Образовательная система

В начале XIX века, задолго до появления социального государства, ряд европейских государств, включая Княжество Лихтенштейн, ввели законодательно установленную обязанность для всех детей посещать школу. Государство и местные общины сначала построили начальные школы, затем средние школы и, в конце концов, университеты. В течение XIX и XX веков государственные органы постепенно установили контроль над всей образовательной системой. Существующие церкви и частные школы, которые еще не были национализированы, были в основном интегрированы в государственную систему школ. Если принять во внимание, что ни современная экономика, ни современное государство не могут управляться необразованными людьми, государственные органы должны озаботиться вопросом образования своего населения. В современном мире неграмотный человек сильно ограничен в возможностях. Для такого человека найти хорошо оплачиваемую работу практически невозможно.

Тем не менее может возникнуть вопрос, должно ли государство будущего взять на себя ответственность по управлению образовательной системой. Так же как в случае с системой социальной поддержки, существуют хорошие предпосылки либо для приватизации всей образовательной системы, либо для делегирования управления ею местным общинам. Если образовательная система финансируется государством, то это

должно осуществляться посредством введения системы сертификатов, в которых дети и их родители обозначены в качестве выгодополучателей. В политическом отношении эта система была бы не очень популярна, но она предоставляла бы детям равные возможности, независимо от того, происходят ли они из бедных или богатых семей.

Идея финансирования образования посредством системы сертификатов основывается на том, что сегодня центральные и местные органы государственной власти финансируют образовательную систему от детского сада до университета посредством прямых субсидий. Эта система показала себя неэффективной и зачастую несправедливой. Семьи, которым не повезло и которые живут в районе с плохими школами, должны признать, что их дети не получают хорошее образование, если только семья не может себе позволить платить за обучение в дорогой частной школе. Такая ситуация крайне несправедлива, но она вписывается в националистическую и социалистическую идеологию, которая поддерживает все виды государственных институтов за деньги налогоплательщиков, но препятствует или затрудняет развитие частных институтов.

Вместо того чтобы расходовать деньги налогоплательщиков на финансирование образовательной системы, было бы намного лучше субсидировать родителей или студентов с тем, чтобы они сами выбирали школу, которая, по их мнению, больше всего им подходит. Школы с хорошим управлением, которые смогут удовлетворить требованиям родителей и студентов, будут успешными. Остальным придется адаптироваться, или они исчезнут с рынка. Для того чтобы предотвратить злоупотребления со стороны родителей и школ, субсидии должны выдаваться не в форме наличных денег, а в виде сертификатов, которые принимаются в школах, соответствующих определенным минимальным стандартам. Родителям

должно быть разрешено обналичивать сертификаты только в том случае, если они возьмут на себя обязательство перед государством, что они сами дадут своим детям образование или отдадут детей в частные школы. Ряд государств уже освободил детей от обязательного посещения школы, если есть подтверждение того, что дети получают образование, равное тому, которое предоставляется в государственных школах.

Школы, как и другие образовательные учреждения, находящиеся под управлением государственных органов, склонны к бюрократизму и рано или поздно становятся неэффективными. Политики неохотно увольняют директоров или преподавателей, которые перестают выполнять свои обязанности. Во многих случаях увольнение представляет собой очень сложный и длительный процесс, который в некоторых государствах возможен только после длительных судебных разбирательств. Обладающие политическим влиянием профсоюзы учителей также являются препятствием на пути к созданию эффективной школьной системы. По их мнению, благополучие учителей, конечно же, более важно, чем развитие учеников. Политическое сопротивление введению системы сертификатов обычно организуется и поддерживается влиятельными союзами.

То обстоятельство, что все большее число родителей и студентов готово платить значительные денежные суммы за образование в частных школах и университетах, показывает, что во многих случаях государственная образовательная система не соответствует их ожиданиям. Тем не менее несмотря на их финансовые жертвы, государство вынуждает их платить налоги на поддержание неэффективной системы образовательных учреждений, которыми они пользоваться не желают. Даже после введения всеобщей системы сертификатов для того, чтобы все родители и студенты имели возможность совершенно свободно выбирать школы и университеты, по-

требуется определенное время, так как на создание всеобщей образовательной системы, действующей исключительно на частной основе, потребуется несколько лет.

Государство будущего должно и будет продолжать играть важную роль в управлении системой сертификатов, но эта роль, которая поддерживает социальную справедливость, а не препятствует ей, в отличие от сегодняшней системы образования. Правовое регулирование, установленное государством посредством издания закона или указа, должно будет четко зафиксировать ряд моментов, таких как минимальная стоимость сертификата, срок, в течение которого права родителей в отношении сертификата будут действительными, а также какими должны быть минимальные стандарты для школ.

У местных общин должно быть право решать для самих себя, желают ли они использовать свои доходы от налогов для создания более щедрой образовательной системы и повысить номинал сертификата или же использовать их на содержание системы социальной поддержки, культуры или других областей. Некоторые местные общины могут предпочесть более низкое налогообложение, так как они захотят сохранить количество рабочих мест или создать новые. Эти решения прямо влияют на жизнь граждан, и потому процесс принятия таких решений должен как можно лучше учитывать их интересы. Этого можно достичь посредством прямой демократии на уровне общин, но не за счет удаленного государственного органа, основанного на ограниченной представительной демократии.

Небольшое население Княжества Лихтенштейн долгое время принимало такие решения на государственном и местном уровнях как напрямую, посредством референдума, так и косвенно через представителей в государственном парла-

менте и местных парламентах одиннадцати общин. Можно ли сказать, что население Лихтенштейна гораздо более интеллектуально развитое, чем население других стран? Несмотря на всю свою гордость, которую я испытываю за народ Лихтенштейна, я убежден, что население других стран настолько же интеллектуально, как и мы. Тех политиков, которые сомневаются и думают, что их население неспособно осуществлять функции, возлагаемые на него прямой демократией и местной автономией, мы от всего сердца приглашаем провести научное исследование, чтобы проверить, действительно ли их население в интеллектуальном плане уступает лихтенштейнцам. Однако даже если бы это и было так, нет никаких оснований лишать свой народ права решать, каким образом должны использоваться уплачиваемые ими в виде налогов деньги в тех сферах, которые напрямую касаются их и их семей.

10.4 Транспортная система

Должно ли управление транспортной системой входить в обязанности государства? Националисты прошлых столетий воспринимали как должное то, что государству необходимы национальные магистрали, водные пути, железные дороги, авиалинии, а также национальная автомобильная промышленность, самолетостроение и т.д. На политику создания национальной транспортной системы были израсходованы и до сих пор продолжают расходоваться сотни миллиардов различных денежных единиц по всему миру. Все эти расходы делаются за счет налогоплательщиков. Очень маленькие государства, такие как Княжество Лихтенштейн, к счастью, никогда не могли себе позволить строить за счет средств налогоплательщиков такие бесполезные и дорогостоящие объекты транспортной инфраструктуры, за исключением дорог.

Можно было бы провести интересный интеллектуальный эксперимент. Представим, каким бы выглядел сегодняшний мир, если бы в Европе или каких-либо других регионах мира государство не вмешивалось бы так агрессивно в развитие транспортной системы в последние двести лет. Фундаментальные изменения произошли почти 200 лет назад, с развитием железных дорог. XIX век был ознаменован созданием ряда железнодорожных компаний, которые построили экономически успешные сети железных дорог. Политики осознали их важность и тоже приняли в этом участие – естественно, из

соображений пользы для народа. Правительства либо устанавливали полный контроль над железнодорожными компаниями, либо создавали такое чрезмерное регулирование, что компании уже не могли соперничать с автомобильной промышленностью, возникшей в начале XX века. Кроме того, железнодорожные компании самостоятельно должны были финансировать строительство и поддержание железных дорог, в то время как автомобильные дороги строились и содержались за счет налогоплательщиков. Это всего лишь один из множества примеров того, как политики устраняют конкуренцию с помощью государственного регулирования и денег налогоплательщиков, не задумываясь об отдаленных последствиях.

Если бы государство не вмешалось, железнодорожные компании со своей сетью железных дорог прогрессировали бы намного быстрее, а не испытывали бы техническую стагнацию на протяжении почти сотни лет, в то время как авто- и самолетостроение стремительно развивалось. Не было бы такого вмешательства, возможно, по железным дорогам осуществлялась бы более значительная, чем сейчас, часть перевозок, что было бы лучше для населения и окружающей среды. В результате весь мир стал опутан густой сетью дорог, по которым не только движутся потоки автомобилей, которые могут стать причиной гибели или травмы людей, – они также загрязняют окружающую среду своими выхлопными газами и шумом.

Транспортная система является одним из факторов, влияющих на место жительства человека. Транспортная система, основанная на хорошо развитой сети железных дорог, а не на автомобильных дорогах, будет способствовать появлению других типов поселений, которые состоят из крупных и малых городов, соединенных высокоскоростными поездами. Электромобили не были бы вытеснены автомобилями на

бензине или дизельном топливе, а могли бы удовлетворить потребность передвижения внутри города, так как поездки там совершаются на небольшие расстояния и с маленькой скоростью. Железнодорожная сеть для высокоскоростных поездов требует меньшую площадь территории для своего размещения, а также позволяет справляться с большим объемом перевозок с гораздо более высокой скоростью. Поезда могут ездить на электрической энергии, не производя выхлопных газов, контроль над уровнем шума может осуществляться намного проще и дешевле, чем в случае с автодорогами. Высокоскоростные поезда могут заменить авиаперевозки на средние расстояния, тем самым еще больше уменьшая уровень воздушного и шумового загрязнения вблизи современных аэропортов, что является проблемой как для населения, так и для окружающей среды.

Густая сеть автодорог, которая содержится за счет налогоплательщиков, способствует сохранению такого характерного для земледельческой эпохи вида поселений, как маленькие деревни, до сегодняшних дней. Такой тип поселений является причиной очень высоких инфраструктурных издержек, таких как транспортные расходы, расходы на образование и систему здравоохранения, электроснабжение, воду и телекоммуникации. Люди в сельской местности обладают меньшими возможностями трудоустройства, что приводит к сильному политическому давлению, направленному на сохранение рабочих мест в сельском хозяйстве, бремя по финансированию которого ложится на налогоплательщиков и потребителей. Согласно разнообразным отчетам, в странах ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) такая аграрная политика приводит к потере налогоплательщиками и потребителями одного миллиарда долларов в год.

Помимо указанных расходов вмешательство государства в сельское хозяйство имеет дополнительные негативные по-

следствия для потребителей и налогоплательщиков. Высокие цены и субсидии приводят к чрезмерному использованию земель, особенно в регионах, не пригодных для фермерства, что наносит серьезный вред окружающей среде. В целях увеличения объема производимой продукции выпрямлялись русла рек, осушались болота, прерии превращались в пахоту. Следствием этого стало перепроизводство сельскохозяйственной продукции, которую государство вынуждено либо реализовывать по демпинговым ценам на мировом рынке (за счет предоставления субсидий), либо уничтожать; в обоих случаях — за счет налогоплательщика.

Изменение в мышлении людей начинается только сейчас. Защитники окружающей среды критикуют чрезмерное использование земель, особенно в Европе. Страны третьего мира начинают осознавать, что дешевые сельскохозяйственные продукты из промышленно развитых государств, которые иногда раздаются бесплатно, разрушающе воздействуют на их местное сельское хозяйство. Фермеры в странах третьего мира не могут конкурировать с субсидированным государством сельским хозяйством развитых стран, как на мировом, так и на внутреннем рынке, что в итоге приводит к еще большему обеднению населения. Ущерб, приносимый странам третьего мира такой аграрной политикой трудно измерить. Он может по размеру равняться указанным выше расходам, которые несут налогоплательщики и потребители в странах ОЭСР.

Наиболее разумным решением, несомненно, было бы установление свободы торговли сельскохозяйственными продуктами по всему миру, как это уже произошло в отношении большинства товаров промышленного производства. Это было бы благоприятным для налогоплательщиков, потребителей и окружающей среды в индустриальных странах, а также для мировой экономики в целом. На фермерах из

индустриальных стран такая политика изначально скажется негативно. Но в индустриальных странах серьезное уменьшение числа фермеров уже произошло, и, несмотря на значительные субсидии, лишь небольшая часть населения все еще зарабатывает на жизнь сельским хозяйством. В следующие несколько лет это число еще более снизится, независимо от предоставления субсидий, так как большинство фермеров уже находятся в преклонном возрасте и многие из их потомков не хотят продолжать семейный бизнес.

Настоящее открытие рынков государств ОЭСР для сельскохозяйственной продукции из стран третьего мира и применение принципов рыночной экономики для сельскохозяйственной продукции по всему миру встретило бы серьезное политическое сопротивление. Потребовалась бы определенная временная помощь тем фермерам из стран ОЭСР, которые не смогут выжить в условиях мирового рынка. Некоторые могут возразить, что несправедливо отдавать аграриям предпочтение перед другими профессиями, которые за последние сто лет утратили свою ценность. Сапожники, портные, кузнецы или каретники, за небольшим исключением, потеряли свою профессию, не заставляя потребителей и налогоплательщиков расходовать на них миллиарды долларов ежегодно. Тем не менее гораздо дешевле было бы переучить фермеров или досрочно отправить их на пенсию, чем поддерживать существующую сейчас систему, которая требует от всего мира таких огромных затрат.

К сожалению, политика чаще основывается на эмоциях, чем на интеллекте. Похоже, что в душе человечество все еще живет в земледельческой эпохе и только сегодня становятся видны незначительные изменения. Утрата пейзажа, сформированного в аграрную эру, может стать проблемой даже для городских жителей, которые знают о фермах с их полями, лугами и коровами только из книг и телевизора.

Для общин, которые хотят сохранить свой сельский ландшафт для туризма или по другим причинам, было бы намного дешевле нанять фермеров в качестве садовников. В таких местах все еще можно будет посетить деревенский дом, увиденный в книжках с картинками и сентиментальных фильмах. Другие земли сельскохозяйственного назначения могут быть превращены в парки для отдыха.

Те сельскохозяйственные земли в индустриальных странах, которые могут успешно конкурировать в глобальном масштабе, будут продолжать возделываться. Интенсивная сельскохозяйственная деятельность будет продолжаться для того, чтобы обеспечить потребителей всеми необходимыми им продуктами. Если потребители хотели бы получать продукты, выращенные без искусственных удобрений или других химикатов, современное сельское хозяйство обеспечит их выращивание. В индустриальных странах сельское хозяйство сможет выживать без государственного вмешательства, но только до тех пор, пока оно сможет снабжать потребителей требуемыми продуктами.

Такое обсуждение аграрной политики в странах ОЭСР может создать впечатление, что сегодняшняя неудачная политика явилась следствием проводимой вчера неразумной транспортной политики, которая благоприятствовала автомобилям, а не железным дорогам. Однако, скорее всего, верно обратное: наше мышление, сформированное в земледельческую эпоху, стало причиной транспортной политики, которая была нацелена на земледельческое, а не на индустриальное общество или сегодняшнее общество услуг. Помимо этого, дороги с древних времен были важны с военной точки зрения. Государство третьего тысячелетия должно будет решить не только проблему того, как остановить неразумную аграрную политику, из-за которой потребители и налогоплательщики несут миллиардные расходы, но также и вопрос, каким

образом можно уйти от транспортной политики, на которую также расходуются миллиарды, которая вредит окружающей среде шумом и загрязнением воздуха, требует отведения больших земельных участков и способствует росту городов.

К счастью, современные технологии могут предложить решение. Электронные системы взимания оплаты могут использоваться не только на магистралях, но и на обычных дорогах. Вся дорожная сеть может быть приватизирована и ответственность по уплате прямых и косвенных платежей могла бы быть возложена непосредственно на водителей, которые в первую очередь несут расходы. Для тех дорог, где особенно остро стоит проблема шумового загрязнения, мог бы быть установлен повышающий коэффициент платежей для того, чтобы возместить ущерб владельцам затронутого имущества. Приватизированные железные дороги могли бы вновь конкурировать с приватизированной дорожной системой, которая должна нести все прямые и косвенные издержки. Постепенно транспортная система и типы поселений стали бы развиваться в том направлении, в каком они начали бы развиваться еще сто или двести лет назад, если бы не активное вмешательство государства.

Маленькие города, которые человек может легко пройти пешком и которые располагаются в парковой местности, создавали бы высокое качество жизни. Инфраструктурные расходы были бы ниже, чем у сегодняшних мегаполисов и сельскохозяйственных поселений, которые охватывают большие районы с низкой плотностью населения. Если бы эти маленькие города соединялись друг с другом высокоскоростными поездами, то можно было бы создать сеть маленьких городов, которые совместно могли бы предложить своим жителям большой выбор рабочих мест, образования, возможностей изучения культуры и занятий спортом, сравнимый с тем, что предлагает крупный город, но дешевле и с более высоким качеством жизни.

10.5 Государственные финансы

Вопрос о том, каким образом будет финансироваться государство будущего, является одним из наиболее важных. Если обязанности государства будут ограничены, прежде всего, поддержанием законности и правопорядка, осуществлением внешней политики и финансированием образовательной системы, то государственные финансы должны быть основательно реформированы. Государство должно будет передать большую часть своих налоговых поступлений и часть своего налогового суверенитета местным сообществам в случае, если на них будут возложены дополнительные задачи. Необходимо подчеркнуть, что косвенные налоги, такие как налог на добавленную стоимость или налог с продаж, должны остаться за государством, в сферу компетенции местных сообществ должны входить все прямые налоги, как то: налог на недвижимое имущество, налоги с юридических и физических лиц.

Правовое государство со своей собственной внешней политикой является отдельным экономическим субъектом, даже если оно полностью интегрировано в мировую экономику посредством членства во Всемирной торговой организации (ВТО) и европейскую экономику благодаря членству в ЕС. Что касается таможенных пошлин, то они должны взиматься государством или такими организациями, как ЕС, которые получили бы соответствующие полномочия от государств-членов. Передавать эти полномочия отдельным местным общинам

не имеет большого смысла. Косвенные налоги на товары и услуги, такие как налог на добавленную стоимость или налог с продаж, также более эффективно взимаются государством, потому что иначе могут возникнуть нарушения конкуренции, которые нанесут вред всей экономике. В этом случае товары и услуги будут производиться и оказываться не в тех местах, где существуют наилучшие условия для производства и есть спрос, а там, где действуют самые низкие налоговые ставки.

В Соединенных Штатах контроль над косвенным налогообложением, так называемый «налог с продаж», входит в компетенцию федеральных штатов и местных общин. Это затрудняет налогообложение многих товаров и услуг. Например, несмотря на то, что в 1970-х гг. Техасе не было налога с продаж, продажи алкоголя в восточной части штата облагались высоким налогом и подвергались иным ограничениям. Восточный Техас граничит с Арканзасом, в котором действуют высокие налоги с продаж, но нет отдельного налога на продажу алкоголя. Много лет назад я был в служебной командировке в городе Тексаркана, который расположен на границе между Техасом и Арканзасом. Главная улица Тексарканы проходит как раз по границе двух штатов, и последствия различий в налоговой политике было очень легко проследить. Все торговцы автомобилями размещали свои автосалоны на техасской стороне улицы, тогда как на другой стороне, в Арканзасе, располагались все рестораны, бары и магазины, в которых продавался алкоголь. Покупателям из отдаленных районов города Тексарканы приходилось проехать довольно значительное расстояние для того, чтобы приобрести машину или купить выпивку. Нарушения свободы рынка очевидны.

По сравнению с прямыми налогами взимать косвенные налоги на определенной территории намного проще. Много в этом процессе может быть автоматизировано, и государству для выполнения этой задачи необходим относительно

небольшой бюрократический аппарат. Наилучшим решением для организации косвенного налогообложения является централизованное управление, даже если налоговый орган действует на уровне местных общин. По этой причине орган, обеспечивающий взимание косвенных налогов, должен оставаться на уровне государства, в то время как взимание прямых налогов можно делегировать местным общинам.

По поводу косвенного налогообложения, в частности налога на добавленную стоимость, был издан ряд публикаций. Единая ставка налога представляется более важным показателем, чем действительная ставка. Тем не менее политики часто стремятся применить различные налоговые ставки с вызывающим удивление обоснованием, что этот подход более соответствует принципу социальной справедливости. Самые высокие ставки применяются в отношении товаров, которые, по мнению политиков, относятся к предметам роскоши, тогда как к другим товарам и услугам применяются более низкие налоговые ставки, некоторые из которых даже изъяты из-под косвенного налогообложения. Все это превращает довольно простую систему косвенного налогообложения в сложный механизм, который требует участия дополнительного количества государственных служащих. Это, естественно, предоставляет политикам возможность устроить на работу своих друзей и товарищей по партии. Кроме того, политики и партии получают неограниченные возможности по «покупке голосов» не за счет раздачи денег налогоплательщиков, а посредством предоставления налоговых льгот. Влияние государства на экономику, а вместе с этим и влияние политиков возросло, так как политики теперь могут наложить на тот или иной продукт или услуги соответствующие налоговые ограничения.

Различные ставки косвенных налогов имеют к социальной справедливости такое же отношение, какое дьявол может иметь к святой воде. Богатые слои населения получают

больше выгод от низких налоговых ставок на отдельные продукты и услуги, потому что они потребляют больше, чем малообеспеченные слои. Последние также время от времени потребляют продукцию и услуги, которые политики только по одним им известным причинам отнесли к разряду предметов роскоши. Социальная политика, проводимая посредством введения различных ставок косвенных налогов, обходится государству и налогоплательщикам в значительные суммы денег. Прямая помощь малообеспеченным была бы намного более эффективна.

Если полномочия в сфере прямого налогообложения принадлежат местным общинам, а в сфере косвенного налогообложения — государству, то существуют хорошие социальные, политические и экономические предпосылки для введения не только единых, но и довольно высоких налоговых ставок. В этом случае косвенное налогообложение будет единственным инструментом для ограниченного перераспределения дохода между более богатыми и менее обеспеченными регионами государства.

Государству, функции которого прежде всего ограничены внешней политикой, финансированием образовательной системы и поддержанием верховенства права, требуется меньше налоговых поступлений. С высокими доходами от косвенного налогообложения государство должно получить существенную прибавку для бюджета. Часть этого дополнительного дохода потребуется для обслуживания государственного долга и его постепенного погашения. Государство также должно реализовать все государственное имущество, которое более не требуется для выполнения его основных функций, чтобы как можно быстрее выплатить государственный долг. Доход от продажи государственного имущества также можно направить в пенсионные фонды для того, чтобы в кратчайшие сроки перейти к накопительной пенсионной

системе, которая подробно рассматривается в главе 10.2. Все это упростит реформирование пенсионной системы и реализацию государственного имущества. Тем не менее главной целью должно быть освобождение государства от долгов с тем, чтобы дополнительные поступления от косвенных налогов могли полностью распределяться между местными общинами в соответствии с численностью их населения. Такое пропорциональное распределение дополнительных средств от косвенного налогообложения должно предоставить местным общинам возможность покрыть по крайней мере часть их расходов. Оставшаяся часть расходов должна финансироваться за счет прямого налогообложения или иных доходов.

Такое распределение налоговых полномочий принесет другое важное преимущество: местные сообщества и все население страны будут прямо заинтересованы в том, чтобы государство действовало наиболее экономно и не увеличивало свою задолженность. Только при этих условиях местные общины и их население будут получать выгоды от дополнительного притока налоговых средств. Население на уровне местных общин может гораздо успешнее, чем на государственном уровне, контролировать расходование денег налогоплательщиков, особенно в условиях прямой демократии.

Указанное разделение налоговых полномочий может приостановить тенденцию к постоянному усилению центральной власти в ущерб местным общинам и регионам, которое снова и снова можно наблюдать на всем протяжении истории человечества. Как только государство пытается усилить свое политическое влияние посредством возложения на себя все большего количества дополнительных функций, оно одновременно уменьшает доход местных общин и их населения.

Для того чтобы предотвратить практику государства по финансированию собственной деятельности за счет заем-

ных средств, необходимо внести в конституцию соответствующую статью, которая существенно уменьшит возможности государства по предоставлению долгового обеспечения. Государство будущего также не должно предоставлять никаких финансовых гарантий местным общинам или их союзам. За исключением случаев, когда возникнет опасность банкротства общины, если она посчитает, что ее существование находится под угрозой, и подавляющее большинство населения одобрит посредством голосования долгосрочную финансовую политику на уровне общины. Опасность банкротства также вынудит кредиторов вести осмотрительную и ответственную политику в отношении общин. До недавнего времени в ряде государств компании и банки навязывали затратные проекты и займы уважаемым, но неопытным советникам, зная, что в случае крайней необходимости государству придется заплатить.

Только таким способом можно превратить государство в хорошо управляемую, надежную компанию по предоставлению услуг, действующую на благо людей. То, что было достигнуто государством Лихтенштейн – изначально очень бедной страной без природных ресурсов, а сегодня страной, не имеющей долгов, – может быть доступно другим развитым государствам благодаря надежной фискальной политике.

Государство, не обремененное долгами, которое управляет своей внешней политикой, финансирует систему образования и поддерживает верховенство права в качестве своих основных функций, станет эффективным и прозрачным государством, для финансирования которого будет достаточно небольшого процента валового внутреннего продукта. Дополнительные средства от косвенного налогообложения могут быть направлены непосредственно в местные общины, которые будут обладать полномочиями по введению прямых налогов – с юридических и физических лиц, недвижимого

имущества, собак, кошек или других объектов по выбору местных политиков. В принципе община могла бы также уравнивать налоги с определенных товаров и услуг в дополнение к государственным косвенным налогам. Например, для того, чтобы сократить расходы на здравоохранение, община может обложить дополнительным налогом алкоголь и табак. Рыночная экономика всегда будет обеспечивать положение, при котором указанные налоговые ставки не будут превышать определенных пределов.

Благодаря государственным финансовым субсидиям, предоставляемым за счет косвенного налогообложения, и полномочиям в сфере прямых налогов, общины должны получить возможность в пределах их ресурсов поддерживать минимальную систему социального обеспечения и систему учебных заведений, в особенности если большая часть системы образования будет финансироваться государственной системой сертификатов. Финансовая нагрузка в виде пенсионной системы может быть уменьшена за счет повышения пенсионного возраста и создания условий для развития частных пенсионных систем. Тем не менее все это зависит от уровня занятости населения и экономического развития. Подобные коренные изменения государства должны уменьшить финансовую нагрузку на частный бизнес, придать новый импульс индивидуальному потреблению, ускорить рост экономики и, таким образом, повысить спрос на рынке труда. Это будет особенно актуально для местных общин, которые смогут структурировать прямое налогообложение и социальные программы таким образом, чтобы люди были заинтересованы в работе на компании, а компании – в найме дополнительной рабочей силы.

Опасения по поводу того, что общины начнут соперничать друг с другом за установление самых низких налоговых ставок, необоснованны. Пример Швейцарии и Лихтенштейна демонстрирует, что различие в налоговых ставках от об-

щины к общине приводит лишь к незначительной миграции компаний и населения из общин с более высокими налоговыми ставками в общины с более низкими. Налоговые ставки — лишь одна из многих причин, по которым люди и компании выбирают место своей деятельности. Для компаний более важными являются другие причины, как то: доступность рабочей силы, развитие инфраструктуры или близость расположения рынков. Для большинства людей при выборе места жительства близость места работы или качество образования в школах для их детей обычно являются более важными факторами, чем величина налоговых ставок. Община с высокими ставками налогов и плохим качеством услуг в долгосрочной перспективе лишится и своего населения, и компаний. В условиях прямой демократии граждане сами будут определять, насколько привлекательной для людей и компаний должна быть их община.

Государство будущего предоставит людям большую свободу выбора относительно того, каким должно быть их будущее и будущее их детей. Некоторые общины введут высокие налоги, но будут предоставлять более качественные услуги. Другие будут формировать круг предоставляемых услуг, исходя из потребностей пожилых людей, молодых семей. Благодаря налогообложению, социальным программам, транспортной системе и системе школ, культурным программам, строительному регулированию, а также доступности участков для строительства, общины в государстве будущего будут обладать существенной свободой в выборе наилучших решений, в соответствии с пожеланиями их граждан и региональными особенностями.

Если полномочия в сфере прямого налогообложения будут делегированы государством местным сообществам, то государство должно разработать правовое регулирование, в рамках которого общины смогут увеличивать налоговые став-

ки. Без такого регулирования различные общины, по аналогии с государствами, должны будут заключать между собой соглашения. В итоге это создаст для общин чрезмерную нагрузку и приведет к ненужным затруднениям. В рамках такого регулирования каждое сообщество должно иметь право определять тип налогообложения и ставки налогов. Крупные общины, такие как города, скорее всего, предпочтут иметь свою собственную налоговую администрацию, тогда как небольшие общины будут объединять свои налоговые органы или передавать соответствующие полномочия третьим лицам.

Создание благоприятной налоговой системы зависит от налоговой конкуренции между местными общинами и государствами. Чем сильнее конкуренция, тем лучше для граждан и налогоплательщиков. Налоговая конкуренция не разрушает государство и общество; она противодействует политикам, которые пытаются «купить» голоса избирателей за деньги налогоплательщиков.

Одним из вопросов, относящихся к государственным финансам, который стал причиной многих войн в истории человечества, является контроль над минеральными ресурсами. Должны ли минеральные ресурсы принадлежать государству, местным общинам или отдельным землевладельцам? Государственная собственность на минеральные ресурсы в государстве будущего может привести к тому, что общины, владеющие минеральными ресурсами, обладающими коммерческой ценностью, выйдут из состава государства. При этом местные сообщества в государстве будущего также не должны быть наделены правами собственности на минеральные ресурсы и управления ими; на них и так возложено достаточное количество обязанностей, и нет необходимости загружать их задачами, которые с большим успехом могут быть решены частным бизнесом. Минеральные ресурсы должны принадлежать отдельным землевладельцам.

Соединенные Штаты – один из примеров государства, где, в принципе, землевладелец обладает правами в отношении минеральных ресурсов. Там, однако, землевладелец может разграничить права собственности на минеральные ресурсы от собственности на земельный участок и отдельно продать часть или все ресурсы. Данное регулирование не стало серьезным препятствием для развития добычи минеральных ресурсов в Соединенных Штатах. Впрочем, это не самое лучшее решение. Зачастую оказывалось, что минеральные ресурсы были проданы десятилетия назад или были перепроданы и разделены на части, что вызывало трудности. Земля также может продаваться, перепродаваться, делиться или передаваться по наследству. Если через много лет компания в итоге решится разрабатывать минеральные ресурсы, она столкнется со сложными вопросами установления права собственности, землевладелец тоже может быть неприятно удивлен.

Представляется, что право собственности на землю и минеральные ресурсы должны быть неотделимы одно от другого. Государство тем не менее может ввести законодательное регулирование, которое будет учитывать интересы общин и соседних землевладельцев, например, в сферах водопользования, окружающей среды или защиты природных ландшафтов. Общины с полномочиями в сфере прямого налогообложения также получают преимущества от взимания налогов как с землевладельца, так и с добывающей компании, когда минеральные ресурсы начнут добываться. Местная община и ее граждане должны будут определить, ценят ли они дополнительные рабочие места и налоговые поступления выше, чем возможный ущерб окружающей среде.

Строгий сторонник частной собственности может возразить, что указанное предложение предоставляет государству и местным общинам слишком много полномочий. Однако в государстве будущего будет невозможно добывать природные

ресурсы при сильном сопротивлении местной общины, ведь община может выйти из состава государства и получить право собственности на минеральные ресурсы. Все-таки даже в этом случае такая система представляется более удачной, чем распространенная сегодня в большинстве стран, при которой собственником всех минеральных ресурсов является государство.

Государства, которые в настоящее время получают большую часть своих доходов от добычи минералов или нефти и газа, возможно, будут сопротивляться приватизации минеральных ресурсов. Тем не менее такие государства должны понимать, что рано или поздно им придется, как и другим странам, финансировать свои расходы за счет налоговых поступлений. Однажды минеральные ресурсы закончатся или непредвиденная технологическая революция сделает дальнейшую их добычу невыгодной. Чем раньше такие государства подготовятся к этому, тем лучше. Иначе указанные государства могут однажды исчезнуть одновременно с исчерпанием минеральных ресурсов, как уже произошло с другими странами, чье благосостояние полностью зависело от добычи полезных ископаемых.

Государство может продолжать оставаться главным собственником минеральных ресурсов под водой в пределах его территориальных вод или прилежащего к нему района континентального шельфа. Но даже в этом случае государство должно принимать во внимание интересы местных общин, которые иначе могут выйти из состава государства и приобрести непосредственное право собственности на минеральные ресурсы.

10.6 Национальная валюта

Одним из источников финансирования государственных расходов, которым государства пользуются постоянно, является монопольное право на выпуск денег. С появлением денег торговать стало намного проще. Владелец стада коров, который хотел обменять трех коров на двух лошадей, больше не должен был искать собственника табуна лошадей, чтобы произвести обмен. Вместо этого он мог продать своих трех коров торговцу скотом, а на полученные деньги приобрести лошадей у их владельца или у торговца лошадьми. Для того чтобы деньги могли приниматься повсеместно, за ними должна признаваться определенная ценность; более того, их должно быть удобно перевозить и продолжительное время хранить, при этом их ценность не должна уменьшаться. Первоначально использовались драгоценные металлы, такие как золото, серебро или медь. Металлы были более удобны, чем драгоценные камни, так как их можно было поделить на небольшие части или снова сплавить в большие куски без какой-либо потери ценности.

Более 2000 лет назад правители на территории своих государств начали чеканить монеты с указанием на самой монете ее достоинства. Правитель государства всегда был подвержен соблазну уменьшить количество драгоценного металла в монете, но при этом оставить на ней указание ее номинальной стоимости, обманывая, таким образом, свое население. Пу-

тем приложения небольших усилий можно было проверить стоимость металла, из которого была изготовлена монета, и если разница между этой стоимостью и указанным на монете номиналом становилась слишком большой, то люди переставали доверять таким деньгам. Когда подобное происходило, они либо возвращались к бартерным сделкам, либо принимали только монеты с большей ценностью. Сегодня аналогичная ситуация сложилась бы при замене слабой валюты более сильной, например, когда доллар или немецкая марка заменили собой не имеющую никакой ценности валюту бывших социалистических стран Восточной Европы.

Пока контроль государства над населением оставался достаточно слабым и сохранялась сильная конкуренция со стороны соседних государств с твердой валютой, отдельным государствам было сложно финансировать свои расходы за счет чеканки не обладающих ценностью монет. Рост количества денег в государстве был тесно связан с реальным ростом экономики. Периоды девальвации и инфляции валюты были относительно недолгими и часто были причиной войн или притока больших количеств ценных металлов. Хорошо известным из истории валютного обращения примером был значительный приток золота и серебра, следовавший за открытием Америк, который стал причиной инфляции, особенно проявившейся в Испании, но затронувшей также и остальную Европу. Обычно в условиях свободного рынка вскоре после этого устанавливалось новое равновесие.

Китайская империя рано добилась успеха в замене металлических денег бумажными, в которых материал сам по себе не имел никакой действительной ценности. Вероятно, Китай осуществил такой переход гораздо раньше, чем Европа, так как у него не было поблизости серьезных соперников; слабая китайская бумажная валюта не могла быть заменена сильной металлической валютой. В Европе XVII и XVIII веков было

несколько попыток замены металлических денег бумажными, но все они закончились неудачей. Тем не менее бумажные деньги пришли на замену металлической валюте, но только в результате введения обязательного золотого эквивалента бумажных денег. Усилившееся влияние национального государства на своих граждан в XIX веке, появление национальных банков, объединение национальных экономических регионов, а также их защита с помощью тарифов и другого разнообразного регулирования привели к тому, что европейские государства финансировали ведение Первой мировой войны в основном бумажными деньгами. Происходило массовое повышение налоговых ставок, которое зачастую сопровождалось введением всеобщего подоходного налога. Результатом стали высокая инфляция и утрата доверия населения к своей валюте. Для того, чтобы восстановить доверие и понизить темпы инфляции, некоторые государства решили формально привязать национальную валюту к золотому стандарту, но в действительности граждане не могли обменять свои деньги на равное количество золота. Более того, жесткое валютное регулирование устраняло конкуренцию между отдельными валютами государств Европы. К концу XX века все валюты расстались со своим металлическим эквивалентом.

Может возникнуть вопрос, нуждается ли государство в условиях глобализации мировой экономики в национальной валюте и национальном центральном банке. Теоретически, единая мировая валюта, ценность которой гарантируется запасами металлов, была бы лучшим решением для мировой экономики, если эта валюта будет выпускаться независимым валютным банком, поддерживающим стабильную стоимость этой валюты. Колебания курсов валют и другие риски, связанные с не обладающей реальной ценностью бумажной валютой, не оказывали бы больше своего негативного влияния на мировую торговлю. В реальности, однако, государству еще долгое время придется сталкиваться с рисками, связанными с

обращением бумажных денег, и смириться с тем фактом, что объем денежной массы в отдельных государствах будет подвержен сильным колебаниям.

В принципе у государства есть три возможности защиты от подобных колебаний, если предположить, что национальная валюта будет только повышать расходы и риски национальной экономики.

Одной из возможностей для государства было бы введение валюты другого государства, чьи риски низки из-за его крупных размеров, репутации национального банка и государственных органов, отсутствия ограничительного валютного регулирования и других факторов. Для небольшого государства Лихтенштейн в XIX веке было выгодно ввести на своей территории валюту Австро-Венгрии. Однако эта валюта перестала существовать во время Первой мировой войны. После войны имперская валюта была заменена валютой Швейцарии. Преимуществами швейцарского франка являются его стабильность и полная конвертируемость; это означает, что швейцарский франк может без каких-либо ограничений быть конвертированным в другие валюты. Кроме того, исторически сложилось, что швейцарский франк является своего рода резервной валютой. Таким образом, для этой сравнительно небольшой валютной зоны процентные ставки оказываются ниже, чем по другим валютам. Обычно процентные ставки выше для валют небольших государств, чем для крупных, из-за значительных колебаний курсов валют. Когда общий объем валюты в обращении небольшой, спекулянтам легче вызвать переоценку или недооценку ее стоимости. По этой причине другие небольшие государства ввели на своей территории американский доллар. В ЕС большинство государств-членов перешли на евро, который наряду с американским долларом стал наиболее важной мировой валютой.

Другой возможностью для государства было бы признание всех полностью конвертируемых валют и наделение своих граждан правом выбирать, какую валюту они хотели бы использовать. В этом случае государство, скорее всего, укажет, в какой валюте должны платиться налоги и пошлины и в какой валюте оно будет производить свои платежи. При этом местные общины также должны будут сделать подобные указания. Эта мера была бы возвратом к свободной конкуренции между валютами. В этом случае, весьма вероятно, что рано или поздно будут снова введены металлические деньги.

Третья возможность, которую я бы хотел рассмотреть более подробно из-за того, что она в какой-то степени более сложна, представляет собой возврат к металлическим деньгам. Такое решение могло бы предоставить возможность выпуска собственной валюты даже маленьким государствам, не подвергая себя риску, связанному с бумажной валютой. Небольшие государства стремятся иметь собственную валюту либо для того, чтобы быть независимыми от снабжения деньгами из других государств, либо из соображений национальной гордости.

Я работал над разработкой этого решения в то время, когда Княжество Лихтенштейн уже использовало швейцарский франк, но еще не имело валютного договора со Швейцарией, и когда Швейцария объявила Лихтенштейн внешней валютной территорией во время валютного кризиса в начале 1970-х гг. Швейцария ограничила использование швейцарского франка иностранцами, включая граждан Лихтенштейна. В 1980 г. Лихтенштейн смог заключить со Швейцарией валютный договор, и я отказался от плана по введению металлических денег в Лихтенштейне.

Для государственной экономики очень важно, чтобы обменные курсы с валютами его важнейших торговых партне-

ров оставались стабильными. Чем сильнее колебания в обменном курсе, тем выше риски импортеров и экспортеров товаров и услуг. Такие риски могут в определенной степени быть уменьшены путем заключения сделок на срочном рынке, но это сопряжено с несением расходов. В любом случае импортеры и экспортеры должны предусматривать возможное изменение стоимости товаров. Экономика небольшого государства намного сильнее зависит от внешней торговли, чем экономика крупного, и колебания обменного курса, таким образом, влияют на стоимость товара намного сильнее.

Старые металлические деньги имели преимущество, так как национальный банк мог зафиксировать обменный курс в отношении других валют. Однако их недостатком являлась зависимость от колебаний мировых цен на металлы, обычно золота и серебра. Вес монеты, как и доля содержащихся в ней золота и серебра, были фиксированными. Когда стоимость золота или серебра превышала стоимость монет, спекулянтам было выгодно расплавлять монеты, а затем продавать золото или серебро. Такая спекулятивная игра была возможна до тех пор, пока национальный банк не полностью расходовал свои запасы серебра и золота.

Именно это и произошло с американским долларом, выпускаемым Федеральной резервной системой (ФРС) США, который, в определенной степени являлся единственной значимой металлической валютой до 1971 г. Соединенные Штаты приняли на себя обязательство перед другими банками обменивать доллары США на золото по цене 35 долларов за унцию. Для американских граждан с 1933 г. доллар являлся обычной бумажной валютой. Федеральная резервная система допустила выпуск гораздо большего количества денежной массы, чем мог гарантировать их золотой запас, что привело к утрате доверия к доллару США. Кроме того, цена золота на свободном рынке намного превысила отметку в 35 долла-

ров США за унцию. Иностранные национальные банки начали обменивать доллары на золото по цене 35 долларов за унцию, и ФРС в итоге была вынуждена отменить привязку доллара к его золотому эквиваленту.

В мире бумажных денег маленькое государство в еще меньшей степени, чем США, способно позволить себе выпускать металлическую валюту с гарантированным, фиксированным металлическим эквивалентом, будь то золото, серебро или медь. Таким образом, необходимо другое решение, которое я бы хотел проиллюстрировать на вымышленном примере.

В определенный момент в XIX веке, еще до принятия решения о введении в обращение имперской валюты Австро-Венгрии, княжество Лихтенштейн выпускало свою собственную валюту – талер. Что может произойти, если сегодня мы примем решение продолжить эту традицию выпуска собственной валюты? В зависимости от своей ценности монеты будут содержать золото, серебро или медь. Стоимость лихтенштейнского талера по отношению к другим валютам будет регулярно устанавливаться Национальным банком Лихтенштейна в соответствии с корзиной валют, которая будет отражать полностью конвертируемые валюты наиболее важных торговых партнеров. Самые значимые торговые партнеры Лихтенштейна находятся в зоне евро, а также используют доллары США и швейцарские франки. Национальный банк Лихтенштейна, например, мог бы установить курс обмена лихтенштейнского талера к евро равным один к десяти. Если обменный курс между лихтенштейнским талером и евро был бы зафиксирован, то стоимость металла в талере изменялась бы в соответствии с колебаниями цен на золото, медь и серебро.

Конечно, связать стоимость металла во всех выпущенных монетах с ежедневными колебаниями цен на металлы на мировых рынках невозможно. Однако стоимость денежного

металла может быть установлена в соответствии с мировыми ценами на металлы в день чеканки. Для того чтобы покрыть расходы и получить прибыль, Национальный банк Лихтенштейна должен был бы установить фиксированную разницу между стоимостью металла в монетах и их номиналом. Если разница между стоимостью металла монеты и номиналом составляла бы 10%, то покупатель лихтенштейнского талера должен был бы заплатить 10 евро. В день чеканки монеты металлическая стоимость составляла бы 9 евро. Количество отчеканенных в определенный день монет и их соответствующая металлическая стоимость должны были бы постоянно проверяться и опубликовываться для того, чтобы предотвратить всяческие злоупотребления и создать уверенность в новой металлической валюте. Размер монеты оставался бы неизменным, но металлическая стоимость менялась бы за счет изменения сочетания металлов в сплаве, например, золота и серебра. Помимо обычной информации, на монете также должна быть нанесена дата ее чеканки и, возможно, порядковый номер, по которому можно определить, какой по счету была отчеканена данная монета в определенный день.

Если 100-талеровая золотая монета (предположим, что обменный курс талера к евро равнялся бы 1 к 10) имела бы металлическую стоимость, равную 900 евро в тот день, когда она была отчеканена и выпущена в обращение, и если металлическая стоимость монеты возросла бы до 1100 евро из-за повышения цен на золото, то владелец монеты мог бы продать ее торговцу за стоимость содержащегося в ней металла и заработать таким образом 100 евро. Если бы цены на золото снизились на 200 евро и металлическая стоимость 100 золотых талеров равнялась бы лишь 700 евро, то владелец монеты все еще мог бы продать ее по фиксированной стоимости в Национальном банке Лихтенштейна за 1000 евро. Конечно, в результате он получит только бумажные деньги, не обладающие стоимостью содержащегося металла, которые, в случае

понижения стоимости евро до стоимости бумаги, на которой он напечатан, вызовут проблему утилизации макулатуры.

Как можно заметить, в этих обстоятельствах валютный риск для покупателя металлической валюты Лихтенштейна будет очень низким. Он всегда может попросить произвести оплату в лихтенштейнских талерах, которые будут иметь более высокую металлическую стоимость по сравнению с бумажными денежными знаками других валют. Конечно, возникает вопрос, столкнется ли Национальный банк Лихтенштейна с проблемой несостоятельности, как это произошло с Федеральной резервной системой США в 1971 г.

За счет продажи монет Национальный банк Лихтенштейна мог бы получать прибыль в 9%, если мы предположим, что стоимость производства таких монет будет составлять около 1%. Продав 100 золотых талеровых монет, Национальный банк Лихтенштейна получил бы 1000 евро, и чистая прибыль составила бы 90 евро. Национальный банк Лихтенштейна мог бы вложить полученные 1000 евро под проценты и, таким образом, получать дополнительную прибыль до тех пор, пока собственник монеты достоинством в 100 талеров не решит снова обменять ее на 1000 евро в Национальном банке Лихтенштейна. Если к тому времени стоимость металла в 100-талеровой монете упадет до 700 евро, Национальный банк Лихтенштейна будет вынужден зафиксировать чистый убыток в 210 евро, за вычетом заработанных процентов. Однако если Национальный банк Лихтенштейна обладает достаточным количеством евро, он не будет расплавлять 100-талеровую золотую монету и продавать золото с убытком, а будет хранить монету до тех пор, пока он не сможет снова продать ее за 1000 евро или за другую конвертируемую валюту, в случае если спрос на лихтенштейнские талеры снова поднимется. В результате в обращении будет находиться огромное количество монет с разной металличе-

ской стоимостью. Большинство владельцев монет не станет тратить свое время на то, чтобы сортировать монеты по дате их выпуска и номинальной стоимости для того, чтобы проверить содержание в них металла, а затем либо расплавить монеты с более высокой стоимостью металла, либо обменять монеты с более низкой металлической стоимостью на другую валюту. Более того, общее количество монет и банкнот является обычно довольно стабильным показателем и в большинстве развитых стран образует незначительную часть общей денежной массы, так как последняя в основном состоит из электронных денег, с помощью которых осуществляются практически все платежные сделки.

Если бы Национальный банк Лихтенштейна выпускал талеры в форме электронных денег, он бы принимал, как и другие национальные банки, электронные валюты или иностранную валюту, будь то евро, доллары США или швейцарские франки, которые он мог бы инвестировать на рынке для получения процентов прибыли. В этом отношении Национальный банк Лихтенштейна не сильно бы отличался от других национальных банков.

Тем не менее Национальный банк Лихтенштейна по закону был бы обязан обеспечивать 100% своей валюты либо посредством другой полностью конвертируемой иностранной валюты, либо металлической стоимостью своих собственных монет. Национальный банк Лихтенштейна будет иметь право инвестировать свою иностранную валюту только в самые надежные банки и ему будет запрещено предлагать займы государственным органам в Лихтенштейне.

Для того чтобы гарантировать политическую независимость Национального банка Лихтенштейна, ни государство, ни местные общины не будут иметь права владеть его акциями. Государство установит общие правила деятельности и

будет контролировать национальный банк, но не управлять им. Только частные лица или частные компании будут иметь право приобретать акции национального банка. Доходы будут выплачиваться только за счет процентов после того, как капитал и резервы достигнут определенной доли от общей денежной массы. Банк не сможет выплачивать балансовую прибыль за счет продажи монет, потому что на нем будет лежать, по меньшей мере, теоретическая обязанность выкупить монеты по номинальной цене.

При таких условиях маленькое государство может без особых проблем ввести собственную стабильную валюту, которая будет пользоваться доверием в мире. С течением времени такая валюта могла бы стать международной резервной валютой так же, как и швейцарский франк, обладая при этом преимуществом низких процентных ставок.

Как уже отмечалось, в глобализированной мировой экономике единая валюта, основанная на металлическом эквиваленте, была бы, наверное, наилучшим решением. Однако подобное решение находится в отдаленном будущем, а сегодня «международный валютный банк», вероятно, был бы зависим от правительств различных государств со всеми вытекающими отсюда рисками. Конкуренция между различными валютами и валютными союзами в обозримом будущем предложит человечеству более высокую степень свободы и защищенности от возможных злоупотреблений со стороны политиков, чем лучшая в теоретическом отношении система с более низкими расходами для мировой экономики. К сожалению, в истории есть множество примеров новых систем, которые, на первый взгляд, казались более экономичными, но оказывались дорогостоящими в долгосрочной перспективе, так как они налагали ограничения на свободу рынка. Слияние политических единиц, будь то общины, кантоны, федеральные штаты или государства, часто выступало в качестве меры по снижению

затрат. Однако на практике это приводило к тому, что появлялось во много раз большее количество государственных служащих, на содержание которых расходовались еще более значительные средства. Слияние прекращало конкуренцию между политическими единицами, а также ослабляло контроль граждан над политиками и государственной службой.

Проблемы, связанные с обращением валюты, обычно влияют на сферу финансовых услуг и наоборот. В 2008 г. сектор финансовых услуг потряс один из ее время от времени возникающих финансовых кризисов. В мировой экономике эпохи глобализации финансовый кризис в одном государстве может принести вред не только национальной, но и мировой экономике. Так как национальные банки и государства играют в подобном кризисе самую важную роль, в данном контексте могут быть уместны несколько ремарок.

Когда я начал реформировать и перестраивать семейный бизнес, который на протяжении многих лет был убыточным, ключевым элементом была реорганизация небольшого местного банка в Лихтенштейне. Банк был основан группой частных инвесторов после Первой мировой войны, и в 1929 г. Правящему Князю пришлось спасти его от банкротства. После Второй мировой войны банк финансировал оставшуюся часть семейного бизнеса и потому его состояние было не самым лучшим. С помощью хорошей команды за последние сорок лет мне удалось стабилизировать положение банка и расширить его. Теперь он представляет собой надежный и высокорентабельный частный банк, ведущий бизнес не только в Европе, но и за ее пределами.

Кроме того, я работал над либерализацией законов, регулирующих сферу банковских и финансовых услуг. До либерализации в Лихтенштейне разрешалось вести деятельность только трем банкам: государственному банку Лихтенштей-

нише Ландесбанк (ЛЛБ), частному банку Фервальтунгс-унд Приватбанк (ФПБ), а также нашему частному банку «Лихтенштейн Глобал Траст» (ЛГТ). После либерализации были основаны двенадцать дополнительных банков. Ни один из этих пятнадцати банков не испытывал проблем и не нуждался в помощи ни в кризис 2008 г., ни в предыдущие кризисы, которые сказались на секторе финансовых услуг.

Может возникнуть вопрос, почему небольшой финансовый сектор пережил все эти финансовые кризисы гораздо легче и без государственной поддержки, чем гораздо более крупные финансовые центры. Одна из причин этого заключается, конечно, в том, что банки Лихтенштейна были в меньшей степени вовлечены в инвестиционный банковскую деятельность и высокорисковые проекты с недвижимостью. Возможно, большее значение имели законы Лихтенштейна, регулирующие сферу банковских и финансовых услуг и качество их предоставления.

Финансовый кризис 2008 г. еще раз показал, что качество и эффективность законов, правил и банковского надзора в ряде важных финансовых центров были недостаточными. То, что в главе 10.1 было сказано по поводу правового государства, относится также и к ответственности государственных органов по отношению к сектору финансовых услуг. Законы и правила должны быть простыми и легкими для понимания; в противном случае они могут толковаться совершенно различными способами. Возникают законодательные пробелы, которыми в условиях конкуренции рано или поздно кто-нибудь воспользуется. Это обстоятельство предоставляет возможности для нечестных или некомпетентных игроков финансовой сферы, а также затрудняет надзор за этим жизненно важным сектором современной экономики. Финансовые услуги представляют собой сектор, который по своей природе абстрактен и сложен.

Один из законодательных пробелов всегда состоял в том, что некоторые активы и обязательства не отражаются в бухгалтерском балансе. Такой недостаток прозрачности существенно увеличивает незащищенность в ситуации финансового кризиса. Активы должны указываться по их стоимости или ниже стоимости, если рыночные цены понизились. Если рыночная цена возросла, то это должно указываться в сноске бухгалтерского баланса, но это не должно увеличивать выплачиваемый доход. Завышенные оценки, основанные на неактивных и малопрозрачных рынках, вызывали финансовые кризисы в прошлом и продолжают вызвать в будущем, если эта проблема не будет решаться. Даже пассивы сегодня могут быть скорректированы в соответствии с рыночной ценой. Если рейтинговое агентство понижает стоимость компании, то уменьшается размер отражаемых в балансе пассивов.

Серьезный финансовый кризис на рынке финансовых услуг, который затем проникает в остальные сферы экономики, обычно начинается с проблем ликвидности и состоятельности одного из крупных рыночных игроков. Это может быть крупный банк или другой влиятельный финансовый институт. Таким образом, законы, правила и надзор в основном должны сосредотачиваться на ликвидности и состоятельности крупных финансовых институтов.

Проблему ликвидности разрешить проще. Государство или организация, такая как национальный банк, самостоятельно могут открыть кредитную линию, обеспеченную активами самого финансового института. Условия, в соответствии с которыми предоставляется кредитная линия, должны соответствовать честным условиям банковского или коммерческого оборота. Государства или государственные институты должны выступать в качестве доверительного собственника населения и налогоплательщиков, а не частными инвесторами, которые распоряжаться деньгами по

собственному усмотрению. Проблемы возникают в связи с покупкой активов, которые утратили свою стоимость, или предоставлением кредитов несостоятельным финансовым институтам. Зачастую государство или государственные институты пытаются скрыть свои прошлые ошибки, связанные с регулированием и надзором за сектором финансовых услуг, с помощью применяемого на скорую руку пакета спасательных мер. Финансовый кризис вызывается не несостоятельностью рынка, а ошибками государства, его законами, правилами и надзором.

Каким образом должна регулироваться и контролироваться сфера финансовых услуг? Как уже было упомянуто, бухгалтерский баланс компании, предоставляющей финансовые услуги, должен быть прозрачным; он должен включать обязательства, раскрывать активы по их стоимости или по рыночной цене, смотря по тому, какое из этих значений меньше, и — в зависимости от ликвидности активов и пассивов — иметь в своем распоряжении достаточный объем ликвидности. Недавний финансовый кризис продемонстрировал, что некоторые сферы сектора банковских услуг и страхования, а также другие финансовые услуги являются достаточно рискованными. Компания из другого сектора экономики, не относящегося к финансовым услугам с аналогичными рисками, для получения финансирования от банка должна была бы иметь очень хорошие показатели бухгалтерского баланса с большой долей собственных средств. Для компании с долей собственных средств ниже 10% было бы чрезвычайно сложно получить кредит от банка, по крайней мере от надежного. С другой стороны, практически каждый готов ссужать деньги банкам, у которых, за некоторыми исключениями, с учетом всех пассивов показатель собственных средств составляет менее 10%. Следовательно, не должно вызывать удивления, что в финансовом мире периодически происходят кризисы. Удивительно то, что они не случаются чаще.

Банк, у которого проблемы с ликвидностью и доля собственных средств которого составляет менее 10%, может вскоре столкнуться с проблемой состоятельности, так как ему придется с убытком продавать активы, чтобы решить проблему ликвидности. В условиях финансового кризиса большинство банковских активов потеряют свою стоимость и, таким образом, уменьшатся собственные средства банка. В зависимости от ликвидности и рисков, связанных с активами и пассивами, собственные средства в бухгалтерском балансе должны значительно превышать минимум в 10%.

Создается впечатление, что государства, которым пришлось испытать кризис 2008 г., недостаточно хорошо были к нему готовы. Этот факт усугублял нестабильность на национальном и международном финансовых рынках. Законы, правила и надзор оказались недостаточно эффективными, и не существовало ясного понимания о том, какие меры необходимы в дальнейшем. Преодоление кризиса связано с высокими расходами для экономики и налогоплательщиков. К сожалению, эта политика продолжается и по сей день, и никакой фундаментальной реформы пока не ожидается.

Фундаментальная реформа финансового сектора в глобальной экономике требует сотрудничества основных международных игроков: государствам необходимы четкие и простые законы и соответствующий надзор, а крупным банкам необходима большая ликвидность и большая доля собственных средств. Часто кажется, что рынки, клиенты и надзорные органы находятся под большим впечатлением от показанных в бухгалтерской отчетности собственных средств, чем от процентного соотношения собственных средств к сумме активов и пассивов. Допускать понижение этого соотношения ниже 10% с учетом недавних финансовых кризисов было бы безответственно, но требовать поддержания этого соотношения выше 20% было бы трудным с политической точки

зрения, так как это уменьшило бы активность кредитования и повысило процентные ставки в долгосрочной перспективе.

Крупные международные банки в высокорисковых секторах будут, соответственно, представлять собой системный риск и моральную угрозу для национальной и мировой экономики. Ликвидность, возможно, не будет являться основной проблемой, пока эти банки обладают достаточным количеством активов, которые могут быть либо проданы, либо использованы в качестве обеспечения займа. Фундаментальной проблемой будет оставаться платежеспособность.

Предположим, что в будущем основные игроки, такие как Соединенные Штаты, ЕС, Япония и другие, смогут согласовать новый свод правил, схожий с тем, который был описан в этой главе. Давайте далее предположим, что крупный международный банк, слишком большой для того, чтобы обанкротиться, с соотношением собственных средств, равным 18%, столкнулся не только с проблемой ликвидности, но и с проблемой платежеспособности. Он может потерять половину своих собственных средств и в то же время, согласно действующим правилам, иметь достаточную капитализацию. Тем не менее частные инвесторы могут отказаться рефинансировать такой банк. В этом случае государства, в которых действует данный банк и которые осуществляют над ним контроль, должны будут объединить усилия для того, чтобы оказать банку помощь в соответствии со сводом правил, который был ранее согласован и опубликован. Государства перекредитуют банк на условиях, выгодных им и их налогоплательщикам, возможно, они сменяют руководство банка таким образом, чтобы инвестированный капитал был в обозримом будущем возвращен за счет продажи акций либо посредством другого механизма.

Если в 2008 г. финансовый кризис смог убедить основных игроков, что для предотвращения следующего кризиса,

или, по крайней мере, уменьшения его ущерба, необходима фундаментальная реформа, то в этом случае можно говорить хотя бы о каких-то положительных сторонах этого кризиса. Для того чтобы крупные банки и некоторые другие крупные компании в сфере финансовых услуг смогли повысить собственные средства до необходимого уровня, потребуется несколько лет. Чем раньше начнется этот процесс, тем лучше мы будем подготовлены к следующему финансовому кризису, который, несомненно, наступит.

10.7 Другие государственные функции

В течение последних двухсот лет государства брали на себя большое количество прочих функций, помимо поддержания верховенства права и ведения внешней политики. Эти прочие функции финансируются за счет денег налогоплательщиков. Возникает закономерный вопрос, могут ли следующие задачи выполняться в будущем с большей эффективностью частными предприятиями, местными общинами или региональными объединениями местных общин, как то: эксплуатация теле- и радиостанций, почтовая связь, обслуживание телекоммуникаций, а также поддержание национальных учреждений культуры, таких как музеи, оперы или театры? Пример Соединенных Штатов показал, что эти функции не должны обязательно осуществляться государством и государственными учреждениями и при этом возможно иметь действующие радио, телевидение, телекоммуникации, музеи и так далее, управляемые и финансируемые частными предприятиями, причем последние зачастую предоставляют услуги более высокого качества, чем их бюджетные конкуренты. Для сравнения, государственная Почтовая служба США всегда являлась ярким примером несостоятельности государства в этой сфере. В Соединенных Штатах и Европе частные почтовые службы успешно конкурируют с государственной почтовой связью, и не вполне понятно, почему государствен-

ные почтовые службы не могут быть полностью приватизированы.

Оборона, как часть внешних сношений, традиционно является одной из основных функций государства. Как упомянуто в первой части этой книги, войны не были изобретением аграрной эпохи, но возникли на заре человечества. Ведение войн не только вызывает огромные человеческие страдания, но также стоит намного дороже, чем даже самая бестолковая аграрная политика. Даже в мирное время военные расходы стран – членов ОЭСР многократно превышают их расходы на сельское хозяйство. Возможно, однажды государства станут мирными обслуживающими компаниями, которые больше не будут требовать от граждан, чтобы те жертвовали своими жизнями за «Веру и Отечество». Чтобы достигнуть этой цели, государства, политические деятели и население должны принять тот факт, что государства не являются богами и что люди не должны им служить и тем более жертвовать своими жизнями во славу своей страны или создавать для избранных рай на земле. В будущем государства должны сражаться за своих клиентов – местные общины и их население, – посредством мирной конкуренции на основе эффективного оказания качественных услуг за приемлемую цену. В главе 12 я опишу возможные стратегии, которые могли бы помочь человечеству достичь этой цели.

Войны будут существовать до тех пор, пока не будет создан новый мировой порядок, отрицающий войны. К счастью, после окончания холодной войны опасность третьей мировой войны или крупных продолжительных войн между государствами выглядит существенно сниженной. Агрессор рискует тем, что ведущие военные силы, с согласия Организации Объединенных Наций, окажут помощь государству, подвергнутому нападению, и нанесут агрессору поражение,

как это произошло в случае с освобождением Кувейта после агрессии со стороны Ирака.

Тем не менее в прошлом мы наблюдали войны, в которые великие державы предпочли не вмешиваться, например, между Индией и Пакистаном или между Китаем и Вьетнамом. Они были сравнительно непродолжительны, территориально ограничены и не привели к важным территориальным завоеваниям или решающим для агрессора победам, за исключением победы Израиля над его арабскими соседями в 1967 г. С тех пор, однако, Израиль покинул ряд оккупированных территорий, не достигнув при этом самой важной цели: мирного договора со всеми его соседями и признанной на международном уровне границы.

Сегодня опасность исходит не столько от обычных или ядерных вооруженных конфликтов между государствами, сколько от терроризма, партизанской войны или гражданских войн, в ходе которых потенциально может быть использовано оружие массового поражения. Традиционная оборонная политика, равно как традиционная армия, едва ли способна противостоять этим угрозам. Напротив, они, кажется, усугубляют эти опасности и связанные с ними проблемы. Необходимым условием, чтобы справиться с этими угрозами, является преобладание в государстве верховенства права и способность государства решать политические, экономические, и социальные проблемы.

Внешняя политика останется одной из функций государства в его отношениях с другими государствами и в отношении его членства в международных организациях регионального и универсального характера. В глобализованном мире внешняя политика приобретет еще большее значение, поскольку отношения между государствами, а также между их народами в таких областях, как экономика, общество, туризм,

культура, становятся все теснее. Наравне с Министерством иностранных дел и посольствами, все большее значение для международных отношений приобретают такие международные организации, как ООН, ВТО, Всемирная организация здравоохранения, ЕС, Организация американских государств, Организация африканского единства, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, а также НАТО. В рамках этих организаций происходят регулярные встречи на разных уровнях: от заседаний с участием глав государств до собраний государственных служащих и экспертов из различных стран. На государственном уровне, где, так или иначе, задействованы представители исполнительной власти, эти организации являются лишь частью обширной сети международных контактов, которая соединяет государства. Существуют также международные организации регионального и универсального характера, занимающиеся вопросами законодательной и судебной деятельности, в которых задействованы депутаты законодательных собраний и судьи. Следом за организациями государственного уровня аналогичные сети были также созданы для местных общин, городов и регионов, причем эти сети не только преодолевают государственные границы, но и связывают между собой различные континенты.

В современном мире глобализации сети международных контактов для представителей публичной власти дополняются сетями, в которых международное общение осуществляется в рамках частного сектора. В качестве примера таких сетей контактов выступают экономика, неправительственные организации (НПО), культура и туризм. Конечно, государство может попытаться изолировать все эти частные и публичные сети контактов. Мы можем наблюдать результаты проведения такой политики на населении Восточной Европы во времена коммунизма, а в настоящее время – в Северной Корее или Мьянме (бывшая Бирма). В конечном итоге, такая политика просто обязана потерпеть неудачу. Традиционная внешняя

политика в том виде, в каком она развивалась в течение столетий, под влиянием глобализации ощущает на себе фундаментальные преобразования. Затраты на транспортировку и связь стремительно падают, что уже привело к быстрому росту частных и публичных сетей, причем данная тенденция будет продолжаться и в будущем. Все еще трудно судить, каким образом эти события скажутся на традиционном государстве и его внешней политике. Но в любом случае, большое количество мировых проблем может быть решено только в тесном сотрудничестве между государствами.

Оказание экономической помощи иностранным государствам стало частью внешней политики наиболее развитых стран. Но насколько я убежден, что это одна из наших обязанностей – помогать бедным людям в странах третьего мира, – настолько же я убежден, что экономическая помощь, оказываемая богатыми индустриальными государствами странам третьего мира, в существующей форме обычно не только бесполезна, но зачастую имеет обратный эффект.

Давняя критика оказания государственной помощи развивающимся странам состоит в том, что из-за нее бедные налогоплательщики, проживающие в индустриально развитых государствах, вынуждены финансировать богатых правителей в государствах третьего мира, которые затем либо переводят полученные деньги на собственные счета, либо вкладывают их в бесполезные проекты, которые принесут огромную прибыль лишь нескольким крупным компаниям из индустриально развитых государств. Любопытный следивший за историей оказания иностранной помощи с самого ее начала, со времен деколонизации около пятидесяти лет назад, знает, что государственная иностранная помощь также использовалась для того, чтобы сохранять власть коррумпированных и жестоких диктаторов и олигархий. Иностранная экономическая помощь, действительно, должна существовать, но только не

в форме помощи государства государству. Скорее, это должна быть помощь от частных лиц частным лицам, от неправительственных организаций людям или от местных общин другим местным общинам. И, прежде всего, такая помощь должна предлагаться только тем государствам, которые действительно пытаются построить демократические правовые государства с верховенством права и рыночной экономикой, интегрированной в глобальную мировую экономику.

Оказывая государственную иностранную помощь, необходимо, главным образом, сконцентрироваться на помощи странам третьего мира в создании режима верховенства права и рыночной экономики. И для выполнения этой задачи требуются, скорее, не крупные суммы денег, а опытные судьи, юристы и полицейские, которые бы хотели провести несколько лет в одной из развивающихся стран. Кроме того, государственная экономическая помощь иностранным государствам может быть использована для финансирования системы образовательных сертификатов, как это описано в главе 10.3.

11. Конституция государства будущего

В главе 10 я описал, как могло бы выглядеть государство будущего. В настоящей главе я опишу гипотетический проект конституции такого государства. По причинам, упомянутым в главе 8, в качестве базовой модели была взята конституция Лихтенштейна. Это конституция, которая развивалась в течение нескольких десятилетий, имеет ряд дополнительных преимуществ, таких как опыт практического применения отдельных ее статей и наличие решений Конституционного суда, которые могут быть использованы для толкования конституции. Поэтому там, где это имело смысл, была сохранена структура конституции Лихтенштейна, включая содержащиеся в ней главы и формулировки отдельных статей. Несмотря на это, большое количество статей и некоторые главы были исключены или объединены, так как они потеряли свое значение, поскольку были приняты в далеких 1862 и 1921 гг., или же просто не имеют значения для государства будущего, описанного в главе 10. Полный проект конституции включен в качестве приложения к этой книге. Настоящая глава служит комментарием к проекту.

Проект конституции составлен таким образом, чтобы он мог использоваться как наследственной монархией, так и республикой во главе с выборным монархом. Конституция,

полагающаяся на право самоопределения, верховенство закона и прямую и представительную демократию, не содержит положений, существенно отличающихся для наследственной монархии или республики. Как монарх, и будучи убежденным в том, что у наследственной монархии больше шансов на выживание в длительной перспективе, в своем проекте я отдал предпочтение монархии, а соответствующие положения для республиканской формы правления поместил в скобках. Чтобы у читателя не возникло впечатление, будто проект был написан для определенной монархии или республики, монархия была названа Королевством X, а республика – Республикой Y.

Большинство конституций и многие международные соглашения содержат обширное введение, или преамбулу, содержащее общую декларацию принципов и целей конституции или соглашения. Юристы расходятся во мнении, наделяет ли преамбула граждан правами, за защитой которых они могут обратиться в суд. Если заявления, содержащиеся в преамбуле, не влекут никаких юридических последствий, их лучше опустить. Если же они подразумевают юридические последствия, вносят свою лепту в понимание конституции и повышают доверие к ней, эти заявления должны быть введены в текст конституции. Конституция Лихтенштейна никогда не содержала преамбулы, и это, вероятно, избавило граждан Лихтенштейна от многих ненужных судебных разбирательств. Основываясь на этом опыте, а также учитывая цель – составление конституции, которая была бы короткой, простой и несложной для понимания, – данный проект конституции не имеет преамбулы.

Определение государства, включая перечисление его основных принципов, целей и задач, дано в Главе I (ст. 1–4). Для того чтобы избежать принятия государством на себя большого количества задач, ст. 2, посвященная функциям государства,

отдельно подчеркивает, что государство должно делегировать все прочие функции местным общинам или частным организациям. Понятное разделение обязанностей и политической ответственности между государством и местными общинами требует разделения налогового органа (ст. 3), которое также должно быть одинаково понятным, чтобы избежать медленного ослабления автономии и права на самоопределение на местном уровне. Право местных общин выйти из состава государства, закрепленное в ст. 4, обеспечит превращение государства из неэффективной монополии в эффективную обслуживающую компанию, предлагающую своим клиентам оптимальные услуги на определенном ценовом уровне.

Глава II (ст. 5–12) регулирует правовое положение главы государства, его права, обязанности, порядок наследования поста или назначения на пост, а также возможное прекращение полномочий. Полномочия главы государства могут быть прекращены (ст. 12) в республике только по решению конституционного суда, а в монархии (такой как в Лихтенштейне) – по решению Правящего Дома на основании закона о королевском доме. Для выборов президента республики (ст. 5) была избрана процедура, которая должна в максимально возможной степени избежать поляризации населения: такая процедура уже предусмотрена конституцией Лихтенштейна применительно к избранию судей и регламентирована ст. 47.

Глава III (ст. 13–21) определяет права и обязанности граждан. По сравнению с конституцией Лихтенштейна, число ее статей в значительной мере уменьшено: аналогичная глава конституции Лихтенштейна содержит большое количество положений, которые не представляют интереса для конституции государства третьего тысячелетия.

Глава IV (ст. 22–32), посвященная парламенту, предусматривает избрание двадцати пяти представителей. С учетом

опыта Лихтенштейна, это количество является, по-видимому, минимально допустимым. При пропорциональной избирательной системе с двадцатью пятью представителями партиям и избирательным блокам устанавливается минимальный, четырехпроцентный барьер. Для государства будущего, предоставляющего местным общинам высокий уровень автономии, пропорциональная избирательная система представляется лучшим решением, чем мажоритарная система, требующая разделения государства на отдельные избирательные округа. В последнем случае избирательные округа должны вновь и вновь менять свои географические очертания, чтобы постоянно отражать изменяющуюся демографическую обстановку. Иначе отдельные голоса могут получить больший «вес», чем другие. В рамках системы пропорционального представительства различные государства применяют различные избирательные барьеры, обычно в пределах между 1 и 10%.

В Главе V (ст. 33–37), посвященной правительству, предусмотрено наличие пяти его членов, что обосновывается в главе 10.1. Этого количества должно быть достаточно даже для крупного государства, число государственных функций которого уменьшено, предполагая при этом, что государство будущего не будет нуждаться в министре обороны, а также в армии. Хорошо обученные и укомплектованные полицейские силы, а также воздушное наблюдение и береговая охрана будут находиться в компетенции министерства внутренних дел. Как поясняется в главе 12, указанные силы могут также использоваться для миротворческих операций за границей.

В отношении Главы VI (ст. 38–43), посвященной системе судов, необходимо отметить, что процедура назначения судей (ст. 39) оказалась удачной с самого момента ее введения в Лихтенштейне в 2003 г. Кандидаты в судьи оцениваются исходя из их профессиональных качеств, при этом в процессе назначения полностью игнорируются политические со-

ображения. Вопреки некоторым страхам, до сих пор между комитетом, осуществляющим отбор судей, и парламентом не произошло ни одного конфликта, и населению не пришлось выбирать судей. В крупном государстве, в котором подлежит назначению множество судей, такой комитет, вероятно, будет вынужден делегировать часть своих полномочий.

Глава VII (ст. 44, 45) касается двух областей. Статья 44 содержит основные принципы, на которых базируются организация и функции местных общин. Статья 45 устанавливает публичную ответственность перед третьими лицами как на государственном, так и на местном уровне.

Глава VIII (ст. 46 и 47) регулирует процедуру внесения поправок в конституцию. Для смены формы правления и преобразования монархии в республику или, наоборот, республики в монархию необходима другая процедура с тем, чтобы лишить монарха или президента права вето (ст. 47). Каким бы полезным инструментом ни было право вето в руках главы государства при прямой демократии (даже если возможность его применения возникает довольно редко и еще реже оно применяется на деле), монарх или президент не должны им злоупотреблять с целью предотвращения изменения формы государства, если такое изменение является общим желанием большинства населения.

Параграф 2 ст. 47 посвящен порядку голосования по различным вопросам в случае, если населению предложен выбор из более чем двух предложений. Этот порядок уже установлен в действующей конституции Лихтенштейна. Аналогичная процедура предусмотрена для выборов президента республики (ст. 5), а также для избрания судей (ст. 39, § 2), если избирателям предоставлен выбор более чем из двух кандидатов. Этот порядок разработан таким образом, чтобы предотвратить выбывание в первом туре кандидата (или, соответственно, пред-

ложения), который мог бы стать компромиссным вариантом для большинства избирателей, если наиболее популярное решение не наберет в первом туре необходимого для абсолютной победы количества голосов. При голосовании, предусматривающем выбор между более чем двумя предложениями или кандидатами, другие процедуры голосования могут привести к тому, что компромиссное решение не пройдет во второй тур, потому что в первом туре все избиратели проголосовали за то решение, которое было им более по душе. В результате крайне часто во второй тур выходят наиболее радикальные предложения, что влечет большую вероятность раскола среди населения, чем в случае возможного достижения компромисса. Та же самая проблема возникает, если предусмотрен только один тур голосования при достаточности относительного большинства голосов для принятия решения.

Заключительные положения включены в Главу IX (ст. 48). Они соответствуют положениям конституции Лихтенштейна и предоставляют конституционному суду полномочия отменить или объявить недействительными любые законы или их отдельные положения и указы, противоречащие новой конституции.

Предложенный проект конституции государства третьего тысячелетия может также послужить основой для альтернативы столь обсуждаемому проекту Конституции ЕС. Такая конституция была бы намного короче и проще для понимания, а потому имела бы больше шансов на поддержку со стороны избирателей.

Такая Конституция ЕС устранила бы необходимость в чрезвычайно сложных и неэффективных финансовых мерах, таких как субсидии сельскому хозяйству, разнообразные субсидии государствам, регионам, субсидии, выделяемые на осуществление различных проектов, а также льготы, предо-

ставяемые отдельным государствам. Финансовое перераспределение между более богатыми и бедными регионами ЕС было бы реализовано посредством налога на добавленную стоимость, как описано в главе 10.5. Такая схема была бы более простой, справедливой и прозрачной.

Конечно, проект Конституции ЕС потребовал бы внесения дополнительных изменений. Так, государства в ней должны занять место местных общин. Изменения должны коснуться и распределения государственных функций, законодательных полномочий и системы правосудия.

Введение государствами – членами ЕС права на самоопределение на уровне местных общин и прямой демократии по образцу, изложенному в проекте конституции, могло бы способствовать построению динамично развивающейся Европы. Это послужило бы примером для всех остальных стран мира.

В случае с ЕС подходящим выбором была бы модель республики, так как большинство государств – членов ЕС представляют собой республики, и даже те страны, которые являются монархиями, скорее всего, были бы не готовы к тому, чтобы один из правящих домов занимал привилегированное положение. Хотя английская монархия, в силу исторической традиции и влияния Великобритании как внутри ЕС, так и за его пределами, и занимает привилегированное положение, даже англичане вряд ли бы согласились, чтобы их королевский дом обладал в ЕС более сильным политическим статусом, чем в их собственной стране. В идеале граждане ЕС сами должны выбрать между моделью республики или монархии. Если граждане решат проголосовать за монархию, то во втором туре голосования они должны будут решить, из какой семьи должен происходить монарх. Если граждане проголосуют за создание республики, то каждые четыре года им необходимо будет решать, кто из граждан ЕС станет президентом.

12. Стратегии построения государства будущего

Критика существующих систем общественного устройства и разработка систем более совершенных — процесс увлекательный и приносящий известное интеллектуальное удовлетворение. Чтобы построить более совершенную систему, необходима стратегия, а порой несколько стратегий, руководствуясь которыми возможно совершить переход от более примитивной системы А к более совершенной системе Б. Необходимо принять во внимание и тот факт, что многие люди являются узниками существующей системы и боятся ее изменять, поскольку любое такое изменение может нести с собой непредвиденные риски.

Несмотря на мои критические замечания о политических деятелях, читатель не должен забывать, что все эти политические деятели — узники существующей политической системы даже в большей степени, чем другие граждане. Они выросли в этой системе и в этой же системе построили свои политические карьеры. Если политики восстают против политической системы, они обычно оказываются из нее исключенными. Только в отдельных случаях, обычно во время политических кризисов, отдельный политический деятель или группа таких деятелей могут осуществить коренные преобразования в системе. Моя семья также была и остается частью

этой политической системы. Мы представляем монархию в маленьком Княжестве Лихтенштейн; наша семья была частью политической олигархии Священной Римской империи, а позже мы остались, в той или иной степени, частью олигархической системы Европы.

Для построения государства будущего необходимы, по крайней мере, две стратегии. Первая стратегия может быть взята на вооружение существующими правовыми демократическими государствами, в которых население имеет некоторое влияние на будущее страны, по крайней мере, косвенно, через избрание парламента. Вторая стратегия представляется подходящей для тех государств, в которых народ не обладает влиянием на будущее страны даже посредством таких выборов.

Стратегия демократических государств проста, по крайней мере, в теории. Во-первых, необходимо убедить большинство людей в необходимости реформирования политической структуры государства, после чего избранные политические деятели должны приступить к выполнению пожеланий своего народа. В действительности, конечно же, это не настолько просто. В большинстве случаев люди не слишком интересуются политикой, равно как и готовность политических деятелей выполнять пожелания народа весьма ограничена.

Существующая система представительной демократии дает политической олигархии те преимущества, которые они могли бы полностью или частично потерять, если бы предложенные в настоящей книге новшества были реализованы. Как в случае старой аристократии, в настоящее время принадлежность к политической олигархии, как правило, гарантирует, что олигарх, потерявший источник дохода и бывшее влияние, не потеряет всех своих привилегий. Прежде это обеспечивалось отношениями между знатными семьями, но сегодня эту задачу приняла на себя сеть политических партий. В отсутст-

ние непосредственной демократии и права на самоопределение на уровне местных общин представительная демократия остается демократией управляемой. Ею управляет олигархия, которая сменила покров религиозной легитимности на покров легитимности демократической.

На выборах люди могут выбирать лишь между черным, красным, зеленым или синим покрывами. Если ни одна партия на выборах не получает абсолютное большинство, партийная олигархия самостоятельно выбирает цветовую комбинацию. Чем меньше идеологические разногласия между партиями и чем более прагматично их руководство, тем легче выбрать сочетание цветов. Как и в былые времена аристократического правления, одна из главных целей состоит в том, чтобы сохранить власть и привилегии в пределах партийной олигархии.

Тем не менее история знает примеры граждан, внезапно заинтересовавшихся политическими проблемами и вызвавших изменения в политической системе. В таком случае тот факт, что основные принципы новой конституции уже разработаны и могут быть предметом обсуждения, является несомненным преимуществом. Я надеюсь, что эта книга окажется хотя бы немного полезной, если в будущем в том или ином государстве будет иметь место подобная ситуация. Обсуждение должно сначала сосредоточиться вокруг вопроса о прямой демократии. Отказ от непосредственной демократии сразу же означает отказ от предложенной модели государства третьего тысячелетия, поскольку без непосредственной демократии едва ли возможно превратить государство старого образца в компанию, предоставляющую услуги своему населению.

Не только политические деятели, но также и некоторая часть населения отклоняет идею непосредственной демократии, исходя из совершенно искреннего убеждения, будто

большинство не обладает ни интеллектуальными, ни личными качествами, необходимыми для принятия решений о будущем государства, а потому такие решения должны приниматься олигархией или монархом – не важно, избранным или нет. Подобное мнение достойно уважения, но, с точки зрения логики, его сторонники должны также отказаться и от идеи косвенной демократии. Опыт показывает, что обычно куда легче принять фактическое решение, чем брать на себя решение кадрового вопроса, особенно если такой кадровый вопрос касается малоизвестного политического деятеля и партийной программы, которая может состоять главным образом из пустых обещаний. Если признать, что среднестатистический гражданин обладает недостаточным интеллектом для того, чтобы принять решение о повышении или понижении налогов, непосредственно затрагивающее его, то не стоит обременять того же самого гражданина и институтами представительной демократии. В итоге мы приходим к просвещенному абсолютизму, при котором монархи или президенты, а вместе с ними и олигархия, принимают решения «на благо народа». Сомнительно, чтобы в долгосрочной перспективе такая партийная программа была достаточно убедительна для того, чтобы одержать победу на выборах в государствах с представительной формой демократии.

Те же, кто убежден в преимуществах прямой демократии, должны сначала попытаться убедить государственных деятелей изменить конституцию таким образом, чтобы народ получил право на прямую демократию в тех государствах, в которых в настоящее время действует лишь представительная демократия. Подобный сценарий возможен практически во всех демократических государствах, за исключением Швейцарии и Лихтенштейна. Однако это не так просто. Ведущие политические деятели скептически относятся к идее укрепления непосредственной демократии даже в государствах, в которых такие институты уже существуют. Это понятно, потому что

непосредственная демократия ограничивает власть ведущих политических деятелей в государствах, основанных на олигархическом правлении.

Если сопротивление существующих партий будет слишком упорным, сторонники непосредственной демократии должны будут задуматься об учреждении их собственной партии. В большинстве государств учреждение новой партии является весьма сложным, длительным и дорогостоящим процессом, требующим также значительного терпения. Тем не менее не слишком вероятно, чтобы вновь учрежденная партия в течение короткого времени стала партией большинства, рано как в этом нет особой необходимости. Достаточно доказать существующим партиям, что многие избиратели хотят усиления демократии. Партии «зеленых», действующие во многих странах, – хороший пример. В течение долгого времени проблемы охраны окружающей среды мало заботили старые партии. Это продолжалось до того момента, когда относительно небольшое количество голосов, отданных за партию «зеленых», привело к переоценке проблемы. Влияние партий «зеленых», даже если они являются маленькими и не представлены в правительстве, гораздо больше их размера и простирается далеко за пределы этих партий.

Кроме работы с политическими партиями работа со СМИ также является важной составляющей. СМИ должны быть естественными союзниками непосредственной демократии. Непосредственная демократия предоставляет СМИ возможность поднимать политические вопросы, обсуждать возможные пути решения проблем и даже претворять эти решения в жизнь их посредством голосования на референдуме.

Читатель может быть удивлен тем, что до сих пор СМИ не были затронуты в этой книге, несмотря на то, что они играют такую важную роль в демократическом правовом го-

сударстве. Главная причина состоит в том, что государство в будущем не должно быть вовлечено в деятельность СМИ. Государственная радиостанция и телевидение, равно как государственные субсидии средствам массовой информации, предоставляют политическим деятелям возможности влияния на информационное пространство. Государство должно ограничить свою деятельность в этой связи установлением правовых рамок, в пределах которых могут работать СМИ. Это включает в себя защиту частной жизни, а также право потребовать опровержения ложных сведений в течение разумного времени и в разумной степени.

Критика многих СМИ за низкий интеллектуальный и нравственный уровень их содержания, конечно же, оправдана, но СМИ являются зеркалом нашего общества. СМИ общаются в основном то, что общественность хочет прочесть, услышать и увидеть: сенсации, развлечения, сплетни, секс и преступления. Мы должны смириться с тем, что большинство СМИ развлекают, а не предоставляют информацию. К сожалению, существуют СМИ, которые намеренно сообщают ложную информацию, если это соответствует их целям, часто это делается по политическим и коммерческим причинам. Обычно трудно получить от СМИ опровержение, не будучи вовлеченным в долгую череду судебных процессов. Я знаю это по личному опыту, поскольку сам оказывался жертвой публикации ложных сведений. Это несколько печальная ситуация, однако она все же лучше, чем если бы СМИ были под строгим контролем со стороны государства и политических деятелей. Непосредственная демократия и политическая децентрализация могли бы привести к более высокому разнообразию в средствах массовой информации. По крайней мере, Швейцарии и Лихтенштейну такое разнообразие присуще в большей степени, чем более крупным, политически централизованным государствам с представительной демократией.

Политическое развитие в демократических странах в течение последних нескольких десятилетий показало, что прямая демократия медленно, но верно укрепляет свои позиции. Кажется, что люди желают больше демократии, а политики не в состоянии полностью избежать этой тенденции, даже если они обычно успешно ограничивают прямую демократию. Укрепление тенденции развития прямой демократии будет являться задачей всех демократов в тесном сотрудничестве с политическими деятелями, партиями и средствами массовой информации.

Предпринимать следующий шаг к строительству государства будущего имеет смысл лишь тогда, когда первая битва за прямую демократию будет выиграна. Эта книга может лишь в общих чертах обрисовать, как должно выглядеть государство будущего. Государства, желающие предпринять такой шаг, должны будут собрать команду экспертов с опытом в различных сферах, которые разработают конституцию, уважающую пожелания общин и традиции. Государства и народы отличаются друг от друга. То, что хорошо работало в одном государстве, может быть не лучшим решением для другого государства. Народ Княжества Лихтенштейн желает, чтобы формой правления оставалась наследственная монархия, тогда как народ соседней Швейцарии склоняется к республике. Когда в 2000 г. я учредил Лихтенштейнский институт по изучению самоопределения при Принстонском университете, я лелеял надежду, что когда-нибудь в будущем этот институт будет в состоянии оказывать консультационную поддержку всякий раз, когда будут разрабатываться подобные концепции. Уже сегодня институт под руководством профессора Вольфганга Даншпектрубера имеет отличный преподавательский состав и научных сотрудников, а также международную сеть признанных экспертов, имеющих различное географическое и культурное происхождение, которые могут оказать значительную помощь при разработке таких проектов.

Для построения государства третьего тысячелетия недостаточно только разработать конституцию, необходимо также, чтобы законы были приспособлены под различные юридические и административные «измерения». Многие законы, действенность которых подтверждена опытом многих государств, могут быть приняты с незначительными изменениями, тогда как другие законы должны быть полностью переписаны. Лихтенштейнский институт по изучению самоопределения может разработать подобные проекты с помощью преподавательского состава, студентов и экспертов. Институт также приветствует мысли и замечания относительно концепции государства будущего, проекта конституции, а также проектов отдельных законов, обсуждаемых в этой книге (просьба направлять их по адресу: Liechtenstein Institute on Self-Determination, Bendheim Hall, Princeton, New Jersey 08544, USA; e-mail: lisd@princeton.edu).

В распоряжении демократического государства находится большинство механизмов, посредством которых оно может быть мирным образом и без революций преобразовано в обслуживающую компанию, которая оказывает услуги населению, а не политикам. Сложнее дела обстоят с теми государствами, в которых отсутствуют указанные демократические механизмы, а также с государствами, в которых такие механизмы лишь прописаны на бумаге, а сами такие государства называют себя демократическими и конституционными, лишь поскольку это целесообразно. Германская Демократическая Республика, например, называлась демократией, будучи, фактически, тюрьмой. Когда двери этой тюрьмы распахнулись, население стало убегать из самопровозглашенного рая рабочих и крестьян.

В прошлом, определяя линию поведения по отношению к диктатурам, демократические государства часто руководствовались политическим реализмом или оппортунизмом.

Во многих случаях самые серьезные нарушения прав человека никоим образом не нарушали тесного взаимодействия между этими государствами. Наоборот, такие нарушения зачастую отрицали или закрывали на них глаза. Политики левого толка и подконтрольные им СМИ замалчивали нарушения, совершенные лояльными им диктаторами, тогда как их коллеги правого толка замалчивали аналогичные преступления, совершенные диктаторами правого лагеря. Демократические государства осуществляли военные операции против диктатур только после того, как последние нападали на другие государства, как, например, в случае войны против Третьего рейха Гитлера или против Ирака, руководимого Саддамом Хусейном. Также имел место ряд военных операций против диктаторских государств в случае серьезного нарушения прав человека, таких, как убийство или депортация больших групп населения, имевшее место, например, в бывшей Югославии. Во многих других случаях, когда военное вмешательство было возможным, демократические правовые государства занимали выжидательное положение и наблюдали, особенно в случае с Африкой, или ожидали настолько долго, что спасение тысяч невинных жизней уже не представлялось возможным.

Необходимо также помнить, что Соединенные Штаты многократно применяли военную силу в Латинской Америке как до, так и после Второй мировой войны, обычно преследуя цель свержения диктатуры и насаждения представительной демократии по американскому образцу. Практически все эти попытки оканчивались сокрушительными неудачами, и некоторые коррумпированные олигархии и диктаторы возвращали себе власть.

В случаях серьезного нарушения прав человека или геноцида конституционные демократии должны определиться, когда необходимо не вмешиваться, выжидать, а когда — осуществлять вмешательство. В мире глобализации и информа-

ционных технологий, характерной чертой которого является множество личных связей, возникших в результате развития туризма, международной торговли, вовлеченности в сферу обслуживания и т.д., политическим деятелям демократических правовых государств становится все сложнее занимать выжидательную позицию и ничего не делать. Семьдесят лет назад еще было возможно отправить еврейских беженцев обратно на родину, где их жизням угрожала опасность. Сегодня беженцы также могут быть отправлены обратно в Африку или Азию. Но надолго ли? С одной стороны, давление общественного мнения в пользу спасения этих людей становится все более настойчивым в результате глобальной интеграции средств массовой информации и наличия множества личных отношений по всему миру. С другой стороны, до сих пор отсутствует хоть сколько-нибудь успешный способ превращения диктатуры в демократическое, правовое и экономически успешное государство при помощи военной интервенции.

Успешное превращение Германии и Японии в конституционные демократические государства с системой представительной демократии и развитой рыночной экономикой, происшедшее после окончания Второй мировой войны, представляет собой известное исключение, подтверждающее правило. Не трудно упустить из внимания тот факт, что до начала мирового экономического кризиса, когда национал-социализм и национализм одержали верх, Германия и Япония уже являлись правовыми государствами с системой представительной демократии и более или менее успешной рыночной экономикой. Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., спровоцировал волну национализма, который утопил свободный рынок в протекционизме. Мировая торговля пришла в упадок, а экономический кризис усилился. На фоне других крупных государств Германия и Япония особенно пострадали, поскольку они обладали относительно небольшими запасами природных ресурсов и зави-

сели от торговли в большей степени, чем остальные крупные государства. У них не было колоний, а националистическая идеология требовала ведения завоевательных войн для того, чтобы стать независимыми от внешней торговли.

После военной победы союзники восстановили политические системы Германии и Японии, более или менее, в том виде, в каком они были представлены до установления в них националистических диктатур. К сожалению, последующие военные вмешательства и процесс деколонизации были, за редким исключением, куда менее успешны. В конце концов, коррумпированные диктаторы и олигархии вновь приходили к власти и разрушали зачатки демократии, правового государства и рыночной экономики обещаниями построить «рай на земле», подкрепленными националистическими или социалистическими идеологиями. Поскольку по окончании Второй мировой войны традиционные демократические государства также были заражены идеологиями национализма и социализма, тогда, как и сейчас, всем прописывалось одно и то же «лекарство», а именно система представительной демократии, которая должна была также создать «рай на земле». Это сравнимо с тем, как если бы врач прописывал своим пациентам одно и то же лекарство на протяжении нескольких десятилетий, несмотря на то, что в 90% случаев его применение вызывает летальный исход, а шансы на выздоровление составляют менее 10%. Такой врач был бы не только давно исключен из врачебного сообщества, но и привлечен к ответственности, вплоть до уголовной.

Традиционные правовые демократические государства должны принять тот факт, что их «лекарство» на протяжении десятилетий оказывалось в большинстве случаев ядом. Но, с другой стороны, необходимо также признать, что имеются «пациенты», мимо которых просто нельзя пройти мимо. Если народ демократического государства может спокойно наблю-

дать по телевидению массовые убийства людей, происходящие в другой стране, и при этом не требовать осуществления военного вмешательства, то это повод для волнения по поводу ситуации в самом таком демократическом государстве. Возможно, те же люди останутся непричастными наблюдателями и в случае, если в их государстве будет уничтожаться непопулярное меньшинство? В мире глобализации необходимо отдавать себе отчет в том, что население демократических государств будет только усиливать давление на государственных деятелей для вмешательства в те государства, где происходит депортация, угнетение или уничтожение людей. И сострадательных речей, молитв и отдельных санкций, которые не приносят никому вреда, в долгосрочной перспективе будет явно недостаточно. Равно как не будет приемлемым решение просто принять всех беженцев.

В идеале, правовые демократические государства должны прийти к соглашению в рамках ООН относительно того, при каких условиях государство — член ООН может быть подвергнуто военному вмешательству и каким образом можно обеспечить, чтобы после такого вмешательства появилось экономически состоятельное демократическое государство, следующее принципу верховенства права. Такое государство не будет являться источником политических и экономических беженцев. Возможно, я слишком пессимистичен, но в ближайшем будущем подобная концепция вряд ли будет разработана под эгидой ООН.

В этой связи я хочу предложить альтернативу, пусть и несколько спорную, которая могла бы привести к успеху. Я делал политически спорные заявления с тех самых пор, когда был еще студентом, и продолжил эту тенденцию во время моего нахождения на посту главы государства. Поэтому теперь, после ухода из политики, я не боюсь спорных утверждений. Опыт подсказывает мне, что противоречивые дискуссии

очень часто приводят к лучшему результату, чем чрезмерная дипломатичность в споре. Если кто-то предложит лучшее решение этой проблемы, тем лучше для всех.

Если реалистично посмотреть на вещи, только Соединенные Штаты как единственная оставшаяся сверхдержава обладают военными, финансовыми и политическими возможностями, необходимыми для осуществления крупномасштабных военных операций за ограниченное время. Так, в Ираке США показали, что за ограниченное время способны успешно осуществить военное вмешательство в весьма тяжелых условиях. С военной точки зрения, США не нуждались в союзниках. В действительности, они, по-видимому, только усложнили операцию. Стремительный прогресс военных технологий может существенно затруднить координацию вооруженных сил из различных государств. В этой связи, существует множество аргументов в пользу того, чтобы оставить реализацию чисто военной части такого вмешательства Соединенным Штатам. Другие демократические государства могли бы сконцентрироваться на послевоенном преобразовании такого государства в политически и экономически успешную страну.

Это бы означало, что правительство США самостоятельно будет принимать решения о проведении крупных военных вмешательств, но в действительности это происходит уже сегодня. Практически все демократические правовые государства, обладающие возможностями по проведению военной операции, в той или иной степени зависят от США в части военных технологий, разведки, транспортировки. Демократическому правовому государству становится все труднее осуществлять военное вмешательство против другой страны помимо воли США. Не далее, чем в 1956 г., Великобритания, Франция и Израиль осознали это, когда оккупировали Синайский полуостров и Суэцкий канал. Под давлением со стороны Америки они были вынуждены отступить.

Поскольку правительство США самостоятельно определяет, когда, где и каким образом необходимо провести ту или иную вооруженную операцию, я воздержусь от лишних слов на эту тему. Тем не менее военное вмешательство, осуществляемое Соединенными Штатами, будет означать успех в долгосрочной перспективе лишь в том случае, если впоследствии возможно создать функционирующее правовое демократическое государство. В этой связи можно посоветовать Соединенным Штатам заранее достигать соглашения с другими демократическими государствами по вопросам того, в каких условиях должна проводиться операция, а также относительно того, что должно произойти непосредственно по ее окончании. Для диктатур, ни во что не ставящих права человека, такое соглашение и его публикация действовало бы в качестве средства устрашения. Указанные диктатуры были бы вынуждены считаться с возможностью автоматического (в определенной степени) проведения вооруженной операции и последующего преобразования их страны в демократическое правовое государство в том случае, если те допустят серьезные нарушения прав человека.

Имеются убедительные причины для отделения военного вмешательства в такие государства, как Ирак, от прочих задач. В значительной степени механизированные американские вооруженные силы обучены и укомплектованы таким образом, чтобы с минимальными потерями и в минимальные сроки уничтожить вооруженные силы противника, занять территорию и достичь поставленные перед ними тактические и стратегические цели. Как показывает история, даже если поначалу население встречает такую армию как освободительную, все равно иностранные вооруженные силы не обучены и не укомплектованы для поддержания закона и порядка или построения демократического правового государства и эффективной экономики, интегрированной в мировую экономику. Поэтому Соединенные Штаты должны как можно скорее

после успешного окончания боевых действий вывести свои войска из зоны операции, передав решение прочих вопросов своим более подготовленным для этого партнерам.

Таким партнером мог бы стать Европейский союз. Почти все бывшие колониальные державы являются в настоящий момент членами ЕС. Через посредство этих бывших колониальных держав Европейский союз имеет в своем распоряжении обширную и разнообразную сеть контактов на всех континентах. В мировых масштабах Евросоюз является крупнейшим торговым блоком, а евро – вторая по значимости валюта после доллара. ЕС принял законы, позволяющие не только государствам – членам ЕС, но и третьим странам интегрироваться в Европейское экономическое пространство. Содержание множества небольших контингентов вооруженных сил в отдельных членах ЕС является весьма дорогим удовольствием, имеет сомнительное военное значение и, в той или иной степени, зависит от воли США. Вместо этого более подходящим решением было бы создание нового вида сил, которые были бы в состоянии преобразовать страну, подвергшуюся военному вмешательству, в демократическое правовое государство после такого вмешательства.

Как должны выглядеть такие силы будущего? Они должны включать высокомобильные полицейские подразделения, которые бы могли начать поддержание законности и правопорядка сразу же после окончания боевых действий. Они должны быть укомплектованы вертолетами и беспилотными самолетами-разведчиками, чтобы контролировать территорию. Потребуются также люди, понимающие специфику зоны операции и владеющие языком местного населения. Одно подразделение должно заниматься подготовкой или переподготовкой местных полицейских сил. Полицейских, обученных еще при диктатуре, планируется переобучить, если предполагается их использование в правовом демо-

кратическом государстве. Если внешняя безопасность такой страны обеспечивается Соединенными Штатами и другими демократическими государствами, армия бывшей диктатуры может быть распущена. Армии являются для таких стран экономическим бременем, часто они несут в себе угрозу как внутренней политике молодой демократии, так соседям такого государства. Военнослужащие распущенной армии должны при этом сохранить возможность после достаточной переподготовки поступить на службу в полицейские силы. Это могло бы предотвратить безработицу среди бывших военнослужащих, которые обучены обращению с оружием и могут представлять собой потенциальный резерв для местных и международных террористических организаций.

Наравне с подразделениями полиции, призванными поддерживать законность и правопорядок, необходимо также иметь конституцию и законы, отвечающие демократическим и правовым стандартам. Это означает, что принятие новой конституции и план приспособления существующих законов к демократическим условиям должны разрабатываться еще до начала вооруженной операции. Выходцы из такого государства, имеющие юридическое образование, должны привлекаться в качестве советников. Во многих случаях таковыми являются лица, приближенные к оппозиции или находящиеся в изгнании. Поскольку оппозиция в изгнании изолирована и не отражает настроений народа, бывшие изгнанники не должны принимать окончательные решения по поводу принятия новой конституции или внесения изменений в существующие законы. Указанные решения должны находиться в компетенции ЕС или тех демократических государств, которые приняли на себя ответственность по поддержанию закона и правопорядка и перестраиванию существующей системы. При этом я не вижу причин скрывать новую конституцию и обновленные законы до принятия решения о военном вмешательстве. Наоборот, публикация указанных документов

могла бы увеличить политическое давление, оказываемое на диктатуру и направленное на проведение реформ.

При диктатуре государство берет на себя множество функций, которые в демократическом государстве передаются на местный или общинный уровень или вообще осуществляются частными компаниями. Конституция и законы, в этой связи, должны отвечать требованиям, предъявляемым к государству будущего, описанному в настоящей книге, поскольку одновременно поддержание правопорядка и достижение экономических успехов является весьма трудной задачей для молодой демократии. Для ее выполнения должны быть выработаны переходные положения. Собственность, изъятая государством, должна быть возвращена ее прежним владельцам. Если это невозможно, из доходов от приватизации государственного имущества должна быть выплачена компенсация.

Полиция, конституция и законодательство являются одной стороной конституционной демократии. Конституционное государство должно иметь систему независимых судов и хорошо подготовленных судей. Евросоюз, обладая известным культурным и языковым разнообразием, должен быть готов предоставить команду юристов, которые могли бы в течение нескольких лет выступать в роли судей или своего рода инструкторов для местных юристов. Для подобной команды юристов особенно важно неукоснительно следовать решениям высших судов. Даже самые лучшие конституции и законы могут быть лишены своей силы (как преднамеренно, так и по случайности) из-за неправильной судебной практики.

В дополнение к вопросам безопасности и юридического сопровождения, ЕС должен играть столь же важную роль в экономической стабилизации и развитии новой демократии. Одним из способов, посредством которых достижимы подобные стабилизация и развитие, является принятие молодого

го демократического государства в Европейскую экономическую зону (членами которой являются на настоящий момент все государства – члены ЕС, а также Исландия, Лихтенштейн и Норвегия). Такое решение позволило бы указанному государству получить свободный доступ на весь европейский рынок и гарантировало бы внедрение экономических регламентов ЕС. Эксперты из Евросоюза и Европейской экономической зоны могли бы в таком случае консультировать администрацию этого государства и осуществлять ее подготовку, необходимую для реализации этих регламентов. С экономической точки зрения, такой шаг был бы выгоден как для молодого демократического государства, так и для ЕС. Евросоюз получал бы при этом доступ на рынки данного государства без необходимости принимать его в состав ЕС, что, даже если было бы географически допустимо, вызывало бы политические затруднения и стоило бы Евросоюзу гораздо дороже из-за высоких субсидий сельскому хозяйству и другим отраслям.

ЕЭЗ предоставляет возможность нахождения разнообразных и гибких экономических решений. Княжество Лихтенштейн является членом Европейской экономической зоны, а Швейцария – нет, но Лихтенштейн находится в таможенном союзе со Швейцарией. Таким образом, продукция, соответствующая спецификациям ЕС, может свободно продаваться в Лихтенштейне, однако если она не соответствует спецификациям Швейцарии, ее нельзя экспортировать из Лихтенштейна в Швейцарию. С другой стороны, швейцарская продукция, которая не может экспортироваться в ЕС из-за несоответствия европейским спецификациям, может свободно продаваться на рынке Лихтенштейна. Возможность реализовывать на одном и том же рынке продукцию и услуги, соответствующие различным спецификациям, является более значительным фактором для государства, расположенного за пределами Европы, нежели для Лихтенштейна, поскольку ре-

гиональная торговля с государствами – не членами ЕС представляется наиболее важной.

Какова должна быть численность специализированных сил ЕС для построения демократического правового государства? Если взять для примера государство размером с Ирак, в котором проживает то же количество населения, для скорейшего восстановления правопорядка потребуется около 200 000 человек. Или 10 сотрудников на 1000 человек населения. Некоторые эксперты утверждают, что такая численность должна составлять 25 сотрудников на 1000 человек населения. Однако опыт показал, что даже оперативные силы в меньшем составе в пересчете на 1000 человек населения могут успешно применяться. Вероятно, успех зависит не столько от числа, сколько от политических целей, преследуемых операцией, от проводимой стратегии, руководства, подготовки и экипировки и, конечно же, от особенностей местности. Тем не менее поначалу лучше ошибиться и привлечь больше личного состава, чем это необходимо, как это было в Ираке, чем, наоборот, ошибиться в меньшую сторону.

При этом полиция должна быть наибольшей частью контингента. Однако ее численность может быть быстро снижена за счет формирования местных полицейских подразделений. Продолжительность пребывания других экспертов зависит от того, сколько времени потребуется на построение экономически успешного демократического правового государства. Суды также могут столкнуться с трудной проблемой осуждения преступлений, совершенных при прежнем диктаторском строе. Чтобы не потревожить старые раны, потребуется колоссальное чувство такта и крайне тонкое восприятие. В противном случае можно спровоцировать акты мщения и превратить бывших преступников в мучеников. В такой ситуации местное население, пожалуй, будет больше доверять объективности иностранных судей, чем судей старого режима.

Если сравнить рассматриваемый двухсоттысячный контингент сил специального назначения с вооруженными силами стран – членов ЕС, куда более многочисленными и дорогостоящими, становится понятно, что такие силы с финансовой и человеческой точек зрения будут менее обременительны, но при этом будут оказывать намного больше положительного влияния на современный мир. В дальнейшем расходы могут также быть снижены посредством набора личного состава таких сил из стран третьего мира. Дополнительным преимуществом здесь является то, что, когда выходцы из стран третьего мира вернутся к себе на родину, у них за плечами уже будет хорошая подготовка, а это немаловажно. Планируется, что состав рассматриваемых сил будет интернациональным, набранным, если это возможно, в основном из числа жителей тех регионов, в которых они, скорее всего, будут применяться. Рабочим языком должен быть английский, хотя бы потому, что потребуются тесное взаимодействие с Соединенными Штатами. Поскольку оперативные силы будут осуществлять задачи в различных регионах, важную роль играют языковые навыки: в идеале, каждый член личного состава оперативных сил должен владеть, по крайней мере, одним языком, помимо английского.

Что бы изменилось, если бы такие силы были использованы, например, в Ираке? За несколько лет до проведения операции были бы разработаны и новая конституция, и обновленное законодательство, более того, они могли бы быть опубликованы. Беженцы из Ирака могли бы быть приняты на службу и обучены в качестве полицейских, судей и юристов. В начале военной операции специализированные силы ЕС могли бы взять под контроль области, освобожденные американскими вооруженными силами, для установления в них законности и порядка. Население могло бы быть проинформировано средствами массовой информации и через листовки о своих правах и обязанностях, включая права и обязанности

по отношению к вооруженным силам Соединенных Штатов и полицейским силам ЕС. Если Европейский союз хочет сформировать демократическое государство, ему необходимо наделить население теми же правами, которыми наделен собственный народ с тем, чтобы избежать злоупотреблений со стороны европейской полиции и американской армии.

В тех зонах, которые контролируются ЕС, население должно быть незамедлительно зарегистрировано, должны быть выданы защищенные от подделок удостоверения личности, содержащие обычную в таких случаях личную информацию, включая место проживания. А по окончании боевых действий как можно раньше необходимо провести местные выборы в наиболее безопасных районах. Такие местные выборы важны в качестве первого шага, потому что стабильная и работоспособная демократия должна строиться снизу, в частности, в государстве, которое никогда до этого не было демократическим и правовым или в котором диктатура уничтожила подобные институты. Посредством местных выборов Евросоюз получит партнеров, пользующихся поддержкой населения. Если же пытаться выстраивать демократию «сверху вниз», проводя сначала выборы в парламент или конституционное собрание, старая или новая олигархия может попытаться захватить политическую власть. После этого государство будет уже служить не своему народу, а олигархии, а в худшем случае может вернуться к диктаторскому строю после того, как специализированные европейские силы будут выведены.

Такой подход немедленно дал бы иракскому населению, по крайней мере, местную администрацию, легитимную на большей части территории Ирака. Подобный сценарий был возможен на курдских и шиитских, а также некоторых суннитских территориях. Однако на деле было использовано другое решение. От военных подразделений, блестяще подготовленных для ведения боевых действий, но без какой-

либо полицейской подготовки, требовалось непосредственно по окончании боевых действий поддерживать законность и правопорядок в стране, в которой верховенство права было уничтожено много лет назад. В такой ситуации освободительная армия быстро превращается в оккупационную. Это, без сомнения, намного облегчило задачу по организации вооруженного сопротивления сторонникам прежнего диктаторского режима и другим экстремистским силам.

Помимо полного краха законности и правопорядка, мгновенно случившегося после освобождения Ирака, имелась еще одна причина стремительной потери доверия и симпатии к коалиционным силам, а именно их неспособность восстановить важные составляющие разрушенной инфраструктуры. На стадии планирования операции европейские специализированные силы в сотрудничестве с Соединенными Штатами могли провести сравнительное исследование состояния инфраструктуры, подсчитать ожидаемый ущерб от боевых действий, а также определить способы ее восстановления. Зачастую, приложив минимальные дополнительные усилия, возможно не только восполнить ущерб, причиненный военной операцией, но и улучшить инфраструктуру, как то: транспорт, сети связи, электро- и водоснабжение и т.д. Крайне важно заблаговременно планировать вопросы, связанные с проблемой беженцев, их обеспечением и размещением.

Объем привлечения местных компаний и местного труда также должен быть определен на стадии планирования. Чем быстрее местная экономика начнет расти, тем меньше будет угроза возникновения террористической сети или развязывания партизанской войны. Высокий уровень безработицы, особенно среди бывших военнослужащих (что было характерно для Ирака), играет на руку внутренним и зарубежным экстремистам в их стремлении отложить или даже предотвратить формирование экономически успешного демократиче-

ского правового государства, основанного на принципе верховенства права. Чтобы достичь успеха в военной операции, необходимо, чтобы население видело быстрые изменения по сравнению с той ситуацией, которая имелась во времена прежней диктатуры. Это возможно только в том случае, если с самого начала выстраивать структуру государства в соответствии с главами 10 и 11.

Перед проведением всеобщих выборов в парламент и формированием правительства специализированным европейским силам необходимо провести приватизацию государственных компаний, даже если такой шаг будет непопулярным в широких слоях общества. Средства, вырученные от продажи государственной собственности, должны быть направлены на финансирование пенсионной системы, как описано в главе 10.2, а не на погашение внешней задолженности. Любой, кто, ведя бизнес, сотрудничает с бесчеловечными диктаторскими режимами, должен осознавать, что такое предприятие весьма рискованно и долги могут быть не выплачены.

Ускоренная приватизация государственных предприятий, особенно в сфере инфраструктуры, важна и по другой причине. При диктаторских режимах (хотя, к сожалению, не только при них) государственные предприятия слишком часто используются для создания рабочих мест и привилегий для соратников диктаторов. Вдобавок ко всему, лишь в редких случаях их отличает качественное управление и модернизация, а потому их сохранение затруднит или даже делает невозможным экономическое развитие. Если отложить приватизацию до окончания выборов в парламент и формирования правительства, существует опасность того, что сторонники старого диктаторского режима будут уволены из государственных предприятий, даже если они честны и обладают высокой квалификацией, а их место займут сторонники

нового правительства, которые могут оказаться ни честными, ни квалифицированными.

Проводить парламентские выборы и назначать высшее руководство страны имеет смысл лишь после того, как будут проведены выборы на местном уровне, местные администрации приступят к выполнению новых задач, а только что обученные местные полицейские силы и судьи будут наделены соответствующими полномочиями. До этого момента у власти должно находиться временное правительство, тесно взаимодействующее с ЕС.

Даже если бы предлагаемая модель была использована в Ираке, европейским полицейским подразделениям было бы весьма проблематично в рамках разумных финансовых и временных затрат восстановить законность и правопорядок в так называемом «Суннитском треугольнике». Как показывает опыт, организовывать теракты и партизанские вылазки в городах и на сложной местности гораздо проще при поддержке со стороны части местного населения. В такой ситуации наилучшей стратегией представляется изоляция региона и предотвращение распространения террористической активности на другие регионы. Конечно же, беженцы должны иметь возможность покинуть такой регион, а в сам регион может быть пропущена только гуманитарная помощь. Мобильные полицейские подразделения, оснащенные вертолетами, беспилотными самолетами наблюдения и другим высокотехнологичным оборудованием, должны быть в состоянии изолировать такие области при поддержке подразделений американских вооруженных сил. Шаг за шагом занимают зоны, которые легче контролировать, при этом изолируются различные центры террористической активности, и беженцам предоставляется возможность вернуться к местам проживания. Тем не менее для восстановления законности и правопорядка во всех регионах и проведения местных выборов потребуются время и терпение.

Было бы неправильным замедлять или прекращать развитие государства в направлении права и демократии только потому, что в одних регионах оно требует больше времени, чем в других. Так, если в течение определенного времени наведение порядка в части «Суннитского треугольника» не представлялось бы возможным, эту область следовало бы отделить от остальной территории Ирака. В более мирных частях страны надлежало бы провести парламентские выборы, назначить правительство. Таким образом, имела бы место поэтапная реализация концепции государства будущего с постепенным переходом к нему полномочий в области внешней политики и поддержания законности и правопорядка. Только после успешного окончания этого процесса возможны вывод Европейским союзом своих полицейских и судей из зоны операции и предоставление местным общинам права на самоопределение. В государстве будущего даже у курдских общин Ирака вряд ли будет достаточно причин требовать выхода из его состава, по большей части, потому что курды всегда имели сильное внутреннее разделение по политическим и другим вопросам. Многие курды могут испытывать опасения относительно создания националистического или социалистического Курдистана и в этой связи предпочтут остаться в составе государства будущего.

Политически и экономически состоявшийся Ирак, интегрированный в мировую экономику, член ЕЭЗ, мог бы выглядеть все более привлекательно для тех частей «Суннитского треугольника», в которых прежде такое было невозможно. Поддержка терроризма была бы снижена в результате неспособности сил сопротивления предложить какие-либо перспективы населению, всецело зависящему от внешней гуманитарной помощи.

Существует множество доводов в пользу того, чтобы еще до начала операции определить максимальные временные

рамки ее проведения. Основная проблема носит двойственный характер. С одной стороны, на построение современного демократического экономически развитого правового государства могут уйти годы, что описано в главах 10 и 11. С другой стороны, предложенное время не должно быть слишком долгим, поскольку такое решение создаст ряд дополнительных проблем, в частности:

1. Длительное вмешательство ослабляет прогрессивные политические силы и фактически превращает государство в колонию ЕС.
2. В отсутствие четко установленных временных границ, которые должны соблюдаться даже в случае неудачи, укрепляются антидемократические силы. Ряд государств – членов ЕС в свое время были колониальными империями, а потому могут быть снова обвинены в колониализме, даже если это необоснованно. Антидемократические силы постараются легитимировать себя, используя религию или идеологию, такую, как национализм.
3. Ограничение времени операции обяжет те политические силы, которые заинтересованы в поддержании государственности, взаимодействовать с Евросоюзом в процессе построения правового демократического государства, поскольку в противном случае вследствие права на самоопределение страна может расколоться.
4. Вмешательство, остающееся безуспешным на протяжении многих лет, лишает ЕС тех ресурсов, которые могли бы быть использованы с большей пользой. Более того, будет подорвана политическая поддержка аналогичных операций в будущем.

5. Даже неудавшаяся операция, осуществленная в заранее определенный срок, предоставляет возможность проанализировать ошибки, пересмотреть концепцию и сделать необходимые улучшения.

Если предположить, что Соединенные Штаты и Европейский союз предоставили необходимое количество живой силы и материального обеспечения, первая фаза любого вмешательства может быть завершена в течение четырех лет. Возвращаясь к примеру Ирака, 200 000 военнослужащих успешно осуществили бы чисто военный аспект операции. В дальнейшем 200 000 специалистов, предоставленных ЕС, могли бы обеспечить законность и правопорядок, обучить местную полицию и судей. Войска США могли бы быть выведены из наиболее спокойных регионов, в которых были бы проведены местные выборы, и переброшены в те области, где в результате нехватки безопасности местные выборы проведены не были. В течение четырех лет можно было бы восстановить разрушенную инфраструктуру и даже усовершенствовать ее с тем, чтобы приватизировать ее вместе с другими государственными предприятиями к концу четырехлетнего периода.

В случае успешного окончания первой фазы остающиеся войска США могли бы быть выведены, затем были бы проведены национальные парламентские выборы. Во второй фазе демократически легитимное правительство приступило бы совместно с ЕС к реализации плана построения государства, приносящего пользу всему населению, описанного в главах 10 и 11. По мере приближения к окончанию второй фазы операции населению предлагается возможность воспользоваться правом на самоопределение на местном уровне и выйти из состава федеративного государства. Если население в течение нескольких месяцев указанным правом не воспользовалось, Евросоюз может приступить к выводу полицейских

подразделений и судей, постепенно передавая полномочия по поддержанию законности и порядка новому, демократически легитимированному правительству.

Если же во второй фазе отдельные местные общины, города или регионы проголосуют за выход из состава федерации, такое решение необходимо уважать. Также возможно появление муниципалитетов и регионов, отрицающих фундаментальные принципы демократического правового государства и рыночной экономики. Такое желание тоже необходимо уважать, но при этом членство в ЕЭЗ будет невозможно. Также в подобной ситуации необходимо свернуть программы помощи ЕС и других организаций и государств, а и без того ограниченные ресурсы сконцентрировать на тех регионах, которые выражают готовность пойти по пути демократического правового государства и рыночной экономики.

Как и первая, вторая фаза должна закончиться в течение четырех лет. Результатом успешной операции должно стать возникновение одного или нескольких демократических государств, экономически интегрированных в ЕЭЗ и самостоятельно осуществляющих полномочия в сфере обеспечения внутренней безопасности. Внешнюю безопасность будут обеспечивать Соединенные Штаты или ЕС. Такие гарантии безопасности имели бы особенно большое значение в таком государстве, как Ирак, в случае его распада на курдскую, шиитскую и суннитскую части.

Если Евросоюз сможет реализовать вмешательство, подобное описанному, в течение ближайших нескольких лет, это будет означать крайне положительную динамику. Пример Боснии и Герцеговины, пусть в уменьшенном масштабе, географически ближе к ЕС и, к тому же, еще не вполне успешный, показывает результаты, которых можно достичь комбинированием военизированных и полицейских сил и

использованием возможности интеграции в ЕС. Последствия описанного вмешательства были бы таковы: народ «захваченного» государства счастлив, ООН довольна, а ЕС демонстрирует образец экономического и политического успеха.

Возможно, экономические содружества, такие как Североамериканская зона свободной торговли или Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, присоединятся к экономической «реконструкции» таких государств, предлагая им, прямо или косвенно, членство в соответствующих содружествах. Как показывает пример Княжества Лихтенштейн, членство в ЕЭЗ не исключает членства в других экономических содружествах, в которых на промышленную продукцию и услуги распространяются различные регуляторные режимы.

Тем не менее еще долго будут существовать государства, допускающие серьезные нарушения прав человека, но в отношении которых, по тем или иным причинам, невозможно проведение вооруженного вторжения. Так же, как прежде в случае с Советским Союзом, демократические государства будут вынуждены оставаться сторонними наблюдателями и пытаться предотвратить дальнейшее распространение подобных диктаторских режимов, нарушающих права человека.

В любом случае, остается надежда на то, что рано или поздно могут появиться лидеры, желающие осуществить коренные изменения, как это произошло в Советском Союзе. Моделей государства будущего, описанная в настоящей книге, предоставляет политическому руководству более широкие возможности для реформирования государства, а не его разрушения, как это случилось с реформами Горбачёва.

Возможно, предложенную модель государства легче реализовать в развивающихся государствах, чем в высокоразвитых странах Запада. Перенос европейской и американ-

ской моделей государства на страны третьего мира оказался, за редким исключением, не слишком успешным. Странам третьего мира практически нечего терять, а посредством введения предлагаемой модели они могут многого добиться.

Это не будет первым примером в мировой истории, когда менее развитые регионы мира обходили государства более развитых регионов посредством осуществления фундаментальных реформ и использования новой модели государства. Чего только стоят примеры Персии, Древней Греции, Римской империи и Европы второго тысячелетия или Соединенных Штатов и Японии в XIX и XX веках. В глобализированном мире третьего тысячелетия такие изменения, возможно, будут проходить намного быстрее и более мирно, чем в прошлом, в условиях, сравнимых со свободной конкуренцией компаний в глобальной рыночной экономике.

13. Видение третьего тысячелетия

С самым первым человеком на эту планету ступило странное существо, существо, обладающее определенным генетическим сходством с обезьянами и другими животными, но при этом существенным образом отличающееся от всех животных, живших здесь на протяжении 500 миллионов лет. Генетика и поведение человеческих особей не нуждались в серьезном приспособлении к окружающей среде, но, вместе с тем, они очень быстро распространились по всем континентам и климатическим зонам, за исключением Антарктики. В тех областях, к которым люди не были генетически приспособлены, они быстро научились приспосабливать под свои нужды окружающую среду, например, посредством сооружения домов, постройки лодок и пошива одежды для защиты от плохой погоды. Различные цвета нашей кожи не должны вводить нас в заблуждение: под кожей человеческие существа от Австралии до Гренландии практически не различаются. Генетические различия между двумя соседствующими группами шимпанзе в одних и тех же африканских джунглях существеннее, чем различия между эскимосами и австралийскими аборигенами.

Идеологи национализма, равно как и противники глобализации, должны помнить об этом, когда они делают человечество на разные расы и когда они пытаются создать резервации, чтобы избежать обмена генами, продуктами и услугами.

В частности, не вызывают доверия противники глобализации, летающие по всему миру с одной демонстрации на другую. Многие из них – бесспорные идеалисты, исходящие из самых благих намерений. Но, как и молодые идеалисты XX века, вдохновленные опасными идеологиями, игнорировавшими права человека, своими действиями они рискуют достичь обратного эффекта, чем тот, на который они рассчитывают. Вместо того чтобы подчеркивать различия между людьми и тем самым подталкивать к конфликтам, мы должны сделать акцент на том, что в нас есть общего, и постараться найти решения, которые позволили бы всем людям жить в мире, свободе и благополучии.

Нравится нам это или нет, мы – одна большая человеческая семья, в которой часто случаются ссоры, но ее члены в равной степени умеют любить друг друга. Несовпадения во мнениях и ссоры будут всегда, но они не должны приводить к убийствам и войне. Буддизм, Христианство и другие значимые религии с давних пор учат нас тому, что нам необходимо хорошо относиться даже к нашим врагам, как если бы они были нашими соседями или членами семьи. Истины, признанные сотни и даже тысячи лет назад, являются сейчас в наш век глобализации и стремительного технического прогресса даже более актуальными. Война и убийства, возможно, в большой степени сформировали человеческую историю, но такое поведение мы можем позволить себе все реже и реже. С одной стороны, современная транспортная система и средства связи сблизили человечество, как никогда. С другой стороны, современные технологии предлагают все более мелким группам доступ к самым ужасным видам оружия.

Колесо истории нельзя повернуть вспять. Человечество должно как можно скорее признать, что идеологии XIX и XX веков представляют собой опасные тупики. Если чело-

вечество хочет выжить в долгосрочной перспективе, оно должно вырваться из этих эволюционных тупиков. Может быть, впервые открылась возможность превратить государства в мирные компании, предоставляющие услуги не только олигархам или монархам, независимо от того, избранные они или нет.

Для того чтобы процесс трансформации дал положительные результаты, недостаточно создать традиционные государства, основывающиеся на верховенстве права, представительной демократии и монополии в пределах своей территории. Последние двести лет продемонстрировали ее несостоятельность, и даже там, где она более или менее успешно функционирует, создается серьезное впечатление, что это население работает на государство, а не наоборот. Процесс трансформации государства из полубога в обслуживающую компанию возможен, только если прямая демократия займет место демократии представительной и если государственная монополия в пределах своей территории будет разрушена правом местных общин на самоопределение.

Для множества людей эта мысль может выглядеть утопией, особенно для живущих в государствах, все еще далеких от идеалов демократии и верховенства права. Но разве многие концепции прошлого впоследствии не становились реальностью? Должно ли человечество отчаянно цепляться за модель государства, происходящую из аграрной эпохи? Одно можно утверждать наверняка: в третьем тысячелетии государственная модель аграрного века рано или поздно исчезнет так же, как исчезла государственная модель охотников-собирателей. Единственный вопрос – исчезнет ли она мирным путем или в мировой войне с применением оружия массового уничтожения.

Если охотникам-собирателям требовалась обширная территория, чтобы прокормить себя, то в течение аграрной

эпохи размер необходимой территории значительно уменьшился. До начала аграрной эпохи практически каждый был вынужден добывать пищу, чтобы выжить, тогда как сейчас, в конце аграрной эпохи, один фермер может накормить 99 человек, при этом пространство, необходимое для этого, становится все меньше в результате повышения урожайности. Это развитие еще далеко не закончилось. Наша планета может прокормить гораздо больше людей, если сознательно развивать научную мысль в этом направлении и соответствующим образом защищать окружающую среду. В будущем количество фермеров по всему миру резко упадет. Вдобавок ко всему, современное сельское хозяйство не имеет практически ничего общего с традиционным сельским хозяйством.

Процесс глобализации наращивает обороты, и те государства, что полагают, будто бы они могут его избежать, не смогут выжить в долгосрочной перспективе, поскольку будут недостаточно конкурентоспособны. Глобализация превращает нас в одну большую семью, хотя в действительности мы всегда были такой семьей. Сегодня человечество должно сделать выбор, хочет ли оно, чтобы процесс преобразований протекал более или менее мирным путем или как раньше, только уже с применением оружия, ставшего особо опасным и способного в одночасье уничтожить человечество и окружающую среду.

История обнаруживает, что государствам свойственно наличие жизненных циклов, таких же, как у людей. Государства появляются и исчезают, они рождаются, растут, их границы меняются, они приходят в упадок и распадаются. Это естественный процесс, который нужно рассматривать более непринужденно и которому нужно быть готовым придать мирную форму.

Мало какое государство существовало в своих нынешних границах двести лет назад. Государства вроде Франции, Ис-

паний, Португалии или Англии со своими колониями были больше по размеру, чем сейчас, другие государства, такие как США, были гораздо меньше. Территория США существенно расширилась лишь в течение XIX века в результате завоевания обширных пространств на юге и западе, а также в связи с приобретением Аляски. Даже Швейцария увеличила свою территорию в середине XIX века. Княжество Лихтенштейн представляет собой тот редкий пример государства, чья территория остается неизменной на протяжении вот уже более трехсот лет.

Появление и исчезновение, рост и упадок государств, к сожалению, крайне редко протекали мирно: революции, гражданские и захватнические войны всегда сопровождали рождение и гибель государств. Два миллиона лет назад *homo erectus* был, вероятно, не слишком миролюбив, и можно предположить, что он разрешал споры относительно своей территории на поле боя с оружием в руках. Я сомневаюсь, чтобы мы могли позволить себе такую роскошь в третьем тысячелетии. При разрешении вопроса о судьбе государства оружие в руках на поле боя должно быть заменено на бюллетень в руке перед урной для голосования, в соответствии с демократическим принципом верховенства права.

Физически, социально и генетически человечество все еще находится на стадии охотников-собирателей, а интеллектуально и на уровне государственных структур — на стадии аграрной эпохи, но в действительности эпоха космических путешествий уже началась. В начале космической эры мы можем разглядеть, что перед человечеством открываются совершенно новые измерения. Нам нужно их только поймать вместо того, чтобы сражаться друг с другом. В конце XX века со значительными финансовыми затратами и техническими усилиями отдельные государства, соревнуясь, открыли двери в космическую эпоху. В начале XXI века частный бизнес по-

степенно принимает на себя роль государства в космосе. Для большинства людей все еще крайне трудно представить, что будущее человечества находится в космосе. Однако для первых людей точно так же было невозможно представить, что в течение примерно 100 000 лет люди расселятся из Африки практически по всей планете.

Человечество, возможно, преодолеет границы нашей Солнечной системы и расселится по галактике в течение более короткого времени, чем потребовалось для заселения нашей планеты. Часто встречающийся аргумент, будто человечество никогда не сможет преодолеть огромные космические расстояния за разумный промежуток времени, поскольку ни один космический корабль не может лететь быстрее скорости света, при более тщательном анализе теории Эйнштейна и других теорий перестает выглядеть непреодолимой преградой. Для того чтобы осветить этот вопрос, потребуется выйти далеко за рамки этой книги, но существуют физические теории, доказывающие, что возможно преодоление расстояний космического масштаба за сравнительно короткое время. На протяжении многих лет выдающиеся ученые регулярно проводили частные встречи для обсуждения подобных теорий. Американское космическое агентство НАСА также выступало организатором встреч для обсуждения технологий, которые могли бы однажды прийти на замену традиционному ракетостроению и сделать возможными путешествия за пределы нашей Солнечной системы.

В XIX веке мысль, будто человек может однажды полететь на Луну, была чистой утопией. В то время ученые не располагали серьезными теориями, которые могли бы сделать такие полеты возможными. Во второй половине XX века человек полетел к Луне и высадился на нее. В начале XXI века существуют теории, позволяющие осуществить

межзвездный пилотируемый полет за короткое время, но возможность практической реализации этих теорий будет подтверждена наукой, видимо, не ранее, чем через несколько десятилетий. А до начала расселения человечества по нашей галактике могут пройти столетия. Тем не менее в науке всегда возможны неожиданности. Любого ученого XIX века, осмелившегося предсказать, что менее чем через век человек полетит на Луну, назвали бы нереалистичным мечтателем. Ученый, осмеливающийся сейчас, в начале третьего тысячелетия, предсказывать, что человечество будет иметь техническую возможность для расселения по галактике в конце третьего тысячелетия, рискует оказаться излишне осторожным.

Исследования, проведенные в последние несколько лет, показали, что жизнь на планете Земля была практически полностью уничтожена несколько раз за последние 800 млн лет в результате резких изменений климата. Мы не знаем точно, почему происходили эти климатические катастрофы, но подсчеты показывают, что к таким последствиям могло привести столкновение с небесным телом, чей диаметр составляет лишь несколько километров. В нашей Солнечной системе находятся тысячи таких небесных тел, чьи орбиты значительно изменяются и потому не могут быть точно просчитаны на сколько-нибудь долгий период времени. Мы все, люди, находящиеся на этой планете, сидим в одной лодке. Вместо ведения войн друг против друга мы должны, во-первых, обеспечить, чтобы эта лодка находилась в отличном состоянии, чтобы будущие поколения могли на ней жить, и, во-вторых, постараться однажды предоставить в распоряжение человечества дополнительные лодки.

Заселение нашей галактики будет очень большим шагом для человечества. Тем не менее этот шаг с сегодняшней точки зрения выглядит менее значительным, чем переселе-

ние в полярные территории с жаркого Африканского континента. Человеческий разум был способен преодолеть все эти преграды. Препятствиями являются не огромные расстояния, а наш интеллект, который все еще сильно ограничен поведенческими и мыслительными шаблонами аграрной эпохи. Нам необходимо освободиться от этих оков, чтобы предоставить человечеству свободу открывать новые измерения.

Приложение: Проект Конституции государства в третьем тысячелетии

Конституция Королевства X (Республики Y)

Глава I. Королевство X (Республика Y)

Статья 1

1) Королевство X (Республика Y) является конфедеративным государством на демократической и парламентской основе, которое должно служить людям в рамках своих границ с тем, чтобы они жили в свободном, процветающем мире без войны.

2) Государственная власть принадлежит и исходит от короля [президента] и народа. Власть должна осуществляться ими совместно в соответствии с положениями настоящей Конституции.

Статья 2

1) Обязанностью государства является представление интересов народа и страны в отношениях с другими государствами, конфедеративными государствами и подобными им организациями.

2) Обязанностью государства является издание законов и постановлений, которые позволят людям жить в свободном процветающем мире без войны, в частности, правил, касающихся образования, социальной поддержки, здравоохранения, транспортной системы и окружающей среды, а также указаний, касающихся автономии и обязанностей местных общин.

3) Обязанностью государства является обеспечение исполнения положений настоящей Конституции, законов и постановлений. С этой целью государство обеспечивает финансирование судов, прокуратуры и полиции.

4) В функции государства не входит владение или управление институтами, к сфере деятельности которых относится решение вопросов образования, социальной поддержки, здравоохранения, транспорта и других вопросов. Владеть и управлять данными институтами должны местные общины, ассоциации местных общин, частный бизнес или частные организации.

Статья 3

1) Для финансирования своей деятельности государство наделяется правами в отношении всех поступлений от косвенного налогообложения, как то: налог на добавленную стоимость, таможенные сборы и другие возможные сборы. Местные общины обладают налоговым суверенитетом в отношении всех прямых налогов с физических и юридических лиц, при этом государство обладает полномочием утверждать основные правила, касающиеся прямого налогообложения с тем, чтобы избежать злоупотреблений и конфликтов между местными общинами.

2) Государство должно быть бережливым в отношении своих доходов и каждый год должно иметь дополнительные свободные средства, распределяемые между местными общинами пропорционально количеству их населения. Часть таких средств может быть распределена государством в соответствии с законом в форме образовательных сертификатов для лиц, которые должны посещать школы в обязательном порядке.

3) Государство не может предоставлять гарантии или принимать на себя заемные обязательства, кроме исключительных случаев, предусмотренных в законе. Такие законы должны приниматься на референдуме в соответствии со ст. 31. По истечении десяти лет последние займы должны быть выплачены за счет свободных средств государства, а гарантии прекращены.

Статья 4

1) Изменения границ территории государства [республики] могут быть произведены только в силу закона. Отдельные местные общины имеют право на выход из состава конфедерации. Большинство граждан, обладающих правом голоса, проживающих на территории общины, решают вопрос о начале процедуры выхода общины из состава государства. Процедура выхода может регулироваться как законом, так и государственным договором в индивидуальном порядке. В случае государственного договора второе голосование должно проходить в местной общине после того, как были начаты переговоры на основе договора.

2) Для изменения границ между местными общинами, создания новых местных общин и их слияния необходимо большинство голосов граждан, обладающих правом голоса, которые проживают на территории данных местных общин.

Глава II. Король [Президент]

Статья 5

Вопросы порядка престолонаследия, традиционного для Королевского Дома, достижения совершеннолетия королем и наследным принцем, а также регентства, которое может быть необходимо, должны определяться законами Королевского Дома.

[Президент избирается на свободных и тайных выборах гражданами, обладающими правом голоса, со сроком полномочий на четыре года. Переизбрание допускается. Выборы президента должны проводиться за шесть недель до окончания четырехлетнего периода полномочий либо в течение шести недель после того, как пост президента освободился досрочно. Если пост президента досрочно освободился из-за смерти либо добровольного ухода президента с поста, либо его освобождения от должности (ст. 12), председатель парламента принимает на себя обязанности президента страны до тех пор, пока не будет избран новый президент.

Если на должность президента претендует более двух кандидатов, каждый гражданин, обладающий правом голоса, имеет два голоса в первом туре выборов. Он отдает их за тех двух кандидатов, которых желает видеть во втором туре выборов. Двое кандидатов, набравшие наибольшее количество голосов, принимают участие во втором туре выборов. Во втором туре, который должен проводиться через четырнадцать дней после первого тура, каждый гражданин, обладающий правом голоса, имеет один голос. Кандидат, набравший абсолютное большинство голосов, избирается на пост президента.]

Статья 6

1) Король [президент] является главой государства и осуществляет свою суверенную власть в соответствии с настоящей Конституцией и другими законами.

2) Король [президент] как физическое лицо не подлежит судебному преследованию и по закону не несет ответственности. Аналогичное применимо к членам Королевского Дома [председателю парламента], которые, в соответствии со ст. 11, осуществляют функции главы государства вместо короля [президента].

Статья 7

1) Король [президент] представляет страну во всех ее отношениях с иностранными государствами, не препятствуя необходимому участию полномочного правительства.

2) Договоры, по которым происходит уступка территории, осуществляется распоряжение имуществом, суверенным правом или государственными прерогативами, налагается какое-либо обременение на королевство [республику] или его/ее граждан или предусматривается уменьшение прав граждан, считаются недействительными, если не получают одобрение со стороны парламента.

Статья 8

1) Любой закон, бюджет, займы, налоги и прочие государственные сборы (ст. 3) требуют одобрения короля [президента] для того, чтобы иметь силу.

2) В экстренных случаях король [президент] принимает необходимые меры посредством срочных указов для обеспечения безопасности и благополучия государства. Чрезвычайные указы не могут отменять Конституцию как полностью, так и отдельные ее статьи, но могут лишь ограничить применение определенных статей Конституции. Срочные указы не могут ограничивать также право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного обращения, запрет рабства и принудительного труда, запрет принципа «нет наказания, если оно не предусмотрено законом». Кроме того, положения настоящей статьи, ст. 5, 12 и 47, а также законы Королевского Дома не могут быть ограничены чрезвычайными указами. Чрезвычайные указы прекращают свое действие по истечении шести месяцев с момента их принятия.

3) Король [президент] назначает судей в соответствии с положениями настоящей Конституции (ст. 39).

Статья 9

1) Король [президент] обладает правом помилования, замены или смягчения наказаний, которые были вынесены в соответствии с законом, а также правом прекращения судебного преследования, которое было начато.

2) Только по инициативе парламента король [президент] осуществляет свои исключительные права помилования или смягчения наказания в отношении членов правительства, приговоренных за акты, изданные ими во время исполнения своих должностных обязанностей.

Статья 10

Каждый наследник престола [кандидат на должность президента] до принятия присяги [вступления в должность] в официальном документе провозглашает, что он будет управлять королевством [республикой] в соответствии с Конституцией и другими законами.

Статья 11

Король может поручить исполнение своих суверенных полномочий прямому наследнику, происходящему из его семьи и достиг-

пему совершеннолетия, в качестве представителя короля, в случае если король временно не способен исполнять свои функции либо в случае приготовлений к передаче трона.

[Президент может поручить председателю парламента осуществление суверенных полномочий в качестве своего представителя, в случае если он временно не способен исполнять свои функции.]

Статья 12

Как минимум 5% граждан, обладающих правом голоса, могут выразить королю вотум недоверия с указанием причины. На своем следующем собрании парламент должен дать рекомендации по этому вотуму недоверия и вынести его на всеобщее голосование (ст. 30). Если предложение о выражении недоверия королю принимается на всеобщем голосовании, король должен быть уведомлен об этом, чтобы данный вопрос решался в соответствии с законами Королевского Дома. В течение шести месяцев король уведомляет парламент о решении, принятом в соответствии с законами Королевского Дома.

[Как минимум 5% граждан, обладающих правом голоса, могут выразить президенту вотум недоверия с указанием причины. На своем следующем собрании парламент должен дать комментарии по этому вотуму недоверия и вынести его на всеобщее голосование (ст. 30). Если предложение о выражении недоверия президенту принимается на всеобщем голосовании, конституционный суд (ст. 43) в течение шести месяцев решает вопрос о том, должен ли президент быть отрешен от своей должности.]

Глава III. Общие права и обязанности граждан

Статья 13

1) Все граждане равны перед законом. Государственные учреждения одинаково открыты для них и обязаны соблюдать все правовые предписания.

2) Права обоих полов равны.

3) Закон регулирует порядок приобретения и утраты гражданства.

4) Права иностранцев определяются, в первую очередь, на основании договоров, а при их отсутствии – на основании принципа взаимности.

Статья 14

1) Каждый гражданин наделен правом свободно проживать в любом месте на территории государства и приобретать любое имущество, при условии, что он соблюдает детальные правовые предписания, касающиеся данных вопросов.

2) Лица, проживающие на территории государства, обязаны соблюдать его законы и имеют право на защиту, предоставляемую им Конституцией и другими законами.

Статья 15

1) Все граждане обладают гражданскими правами в соответствии с положениями настоящей Конституции.

2) Все граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста, постоянно проживающие на территории государства, которые не были лишены права голоса, могут осуществлять все политические права по вопросам государства и его местных общин.

Статья 16

1) Гарантируются личная свобода, неприкосновенность жилища и занимаемой должности.

2) За исключением случаев, предусмотренных законом, никто не может быть арестован или задержан, не допускаются обыск в домах, досмотр писем или письменных материалов, личный досмотр, выемка писем или письменных материалов.

3) Незаконно задержанные или очевидно невиновные лица, а также те, то доказал свою невиновность после обвинения, имеют

право на полное возмещение со стороны государства по определению суда. Вопрос о том, имеет ли государство право регресса к третьим лицам и в какой степени, в таких случаях регулируется законом.

Статья 17

1) Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела компетентным судьей; не могут учреждаться специальные суды.

2) Никто не может быть подвергнут угрозе применения или применению наказания, если это не предусмотрено законом.

3) Лица, которым предъявляется обвинение, имеют право на защиту на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Статья 18

1) Гарантируется неприкосновенность частной собственности.

2) Когда это необходимо в государственных интересах, любое имущество может быть принудительно изъято либо обременено взамен на соответствующее адекватное возмещение, размер которого в спорных случаях определяется судом.

3) Процедура экспроприации регулируется судом.

Статья 19

Торговля и промышленность являются свободными в установленных законом рамках; размер исключительных коммерческих и промышленных привилегий, которые могут предоставляться на определенный период времени, регулируется законом.

Статья 20

Всем гарантируются свобода вероисповедания и свобода совести. Все верующие имеют право исповедовать свои религии и отправлять религиозные культы в той степени, в какой это соотносится с моралью и публичным порядком.

Статья 21

1) Каждое лицо имеет право на свободу выражения мнения и сообщение своих идей словами устно или письменно, в печатной форме или в виде рисунков в рамках закона и морали.

2) Гарантируется право на свободу собраний в рамках, указанных законом.

Глава IV. Парламент

Статья 22

Парламент представляет население во всех тех случаях, в которых, в соответствии с Конституцией, оно не принимает решение самостоятельно. Парламент имеет следующие права:

а) участвовать в разработке законодательства и в заключении договоров;

б) предлагать королю [президенту] кандидатуры на должность членов правительства и отказывать им в доверии;

с) участвовать в назначении судей;

д) утверждать государственный бюджет и займы (ст. 3), а также налоги и обременения (ст. 3);

е) контролировать все государственное управление. Это право парламента не распространяется на решения судов и деятельность короля [президента].

Статья 23

1) Парламент состоит из 25 представителей, которые избираются народом на всеобщих равных, тайных, прямых выборах. Депутатские мандаты распределяются между избирательными группами, набравшими, как минимум, 4 процента действительных голосов в целом по стране.

2) Каждая избирательная группа имеет право назначать для каждого из своих представителей одного заместителя, который заменяет его в случае невозможности принятия участия в собрании парламента. Представитель, который не может участвовать в собрании, должен своевременно уведомить об этом председателя парламента.

3) Члены правительства и судьи не могут одновременно занимать должность представителя в парламенте.

4) Детальное регулирование процедуры проведения выборов регулируется специальным законом.

Статья 24

В течение четырех недель после проведения выборов в парламент король [президент] созывает и открывает первое заседание парламента. На первом заседании парламента избирает своего председателя и его заместителя. В дальнейшем собрания парламента созываются председателем парламента или его заместителем. Помимо короля [президента], председателя парламента и его заместителя, правом созыва парламента обладают его представители, при условии, что хотя бы восемь из них потребуют такого созыва.

Статья 25

Представители избираются сроком на четыре года. Король [президент] или народ, соответственно, имеют право распустить парламента и назначить новые выборы. Эти выборы должны быть проведены в течение двух месяцев после роспуска парламента. Пять процентов граждан, обладающих правом голоса, могут выдвинуть предложение о проведении всеобщего голосования по вопросу роспуска парламента.

Статья 26

1) Ни один представитель не может быть арестован, пока парламента находится на сессии, без согласия этого органа, если только он не был задержан во время совершения преступления.

2) В последнем случае арест и его основания должны быть незамедлительно сообщены парламенту, который решает вопрос о том, следует ли ему поддержать арест. Все документы, относящиеся к делу, должны быть немедленно предоставлены в распоряжение парламента, если он того потребует.

3) Если представитель был арестован в то время, когда парламент не находится на сессии, председатель парламента должен быть незамедлительно уведомлен о факте и основаниях ареста.

Статья 27

1) Все члены парламента приносят присягу перед королем [президентом] на открытии парламента (ст. 24): «Настоящим клянусь соблюдать государственную Конституцию и существующие законы и работой в парламенте содействовать благополучию страны, не имея скрытых мотивов, делать все возможное, что зависит от моих возможностей и моей совести».

2) Члены парламента голосуют исключительно в соответствии с принесенной ими клятвой и их убеждениями. Их нельзя привлечь к ответственности за поданные голоса. За высказывания, сделанные во время заседаний парламента или его комитетов, депутаты несут ответственность только перед парламентом и не подлежат преследованию за них в судебном порядке. Дисциплинарные полномочия регулируются регламентом, принимаемым в установленном порядке.

3) Парламент утверждает резолюцией регламент, принимая во внимание положения настоящей Конституции. Правила регламента регулируют, в частности, порядок формирования комитетов парламента, порядок избрания и голосования, а также вознаграждение членов парламента.

Статья 28

Парламент решает о действительности выборов его членов и выборов как таковых на основе избирательных протоколов и,

если применимо, на основе решения конституционного суда. Жалобы о нарушениях в ходе выборов рассматриваются конституционным судом.

Статья 29

1) Право законодательной инициативы принадлежит:

a) королю (президенту);

b) парламенту;

c) правительству;

d) гражданам, обладающим избирательным правом, если инициатива исходит не менее чем от 5% от общего числа таких граждан.

2) Если инициатива возлагает на страну либо единовременное финансовое обязательство, либо обязательство на более длительный срок, такая инициатива подлежит передаче на рассмотрение парламента только при наличии в ней также указания о средствах покрытия таких обязательств.

3) Соответствующая предписаниям Конституции инициатива подлежит обсуждению при наличии возможности на ближайшей следующей сессии парламента, но в любом случае, не позднее шести недель с момента ее подачи.

Статья 30

1) Законы, международные договоры (ст. 7), кредитные обязательства, налоги и сборы (ст. 3) должны после утверждения их парламентом быть переданы для утверждения на референдуме, если парламент примет такое решение либо не менее 5% граждан, обладающих правом голоса, подадут соответствующее требование в течение шести недель со дня официального опубликования решения парламента.

2) Решения парламента, подлежащие утверждению референдумом, должны быть представлены для подписания королю [президенту] после окончания референдума или в случае непроведения референдума по истечении предписанного шестинедельного срока для подачи требования об утверждении решения на референдуме.

3) Если парламент отклоняет законопроект, представленный ему на рассмотрение на основании народной инициативы (ст. 29), такой законопроект в течение шести недель должен быть вынесен на утверждение референдума. Парламент вправе вынести на утверждение референдума свой законопроект. Принятое на референдуме решение заменяет необходимую резолюцию парламента. Принятие или отклонение резолюции об утверждении закона определяется абсолютным большинством поданных по всей стране действительных голосов.

4) Подробные правила в отношении законодательной инициативы и референдума будут установлены законом.

Статья 31

1) В отношении вопросов государственной администрации правительством на рассмотрение и одобрение парламента должен представляться предварительный бюджет всех расходов и доходов на предстоящий административный год. Вместе с ним должно быть представлено предложение о подлежащих взиманию налогах.

2) В первой половине каждого административного года правительство представляет парламенту полный отчет об использовании одобренных и поступивших доходов, согласно целям, предусмотренным предварительным бюджетом, с правом парламента одобрить оправданное превышение расходов и с ответственностью правительства за неоправданное их превышение.

3) Правительство имеет право производить срочные расходы, не предусмотренные бюджетом, с соблюдением указанных выше условий.

4) Экономия средств, если таковая окажется по отдельным статьям предварительного бюджета, не может быть использована для покрытия излишков расходов по другим статьям.

Статья 32

Закон вступает в силу, если в нем не установлено иное, по истечении восьми дней после его опубликования в национальном законодательном вестнике.

Вид и объем публикации законов, финансовых резолюций, международных договоров, постановлений, решений международных организаций и применяемых на основе государственных договоров правовых предписаний будет урегулирован законодательным путем. Для применяемых в королевстве [республике] на основе международных договоров правовых предписаний может быть установлена упрощенная форма публикации, как это имеет место при ссылке в публикации на иностранные законы.

Глава V. Правительство

Статья 33

1) С учетом положений настоящей статьи, все управление государством осуществляется правительством, ответственным перед королем [президентом], и парламентом согласно положениям Конституции и других законов.

2) На основе закона или законного установления определенные функции могут быть переданы отдельным должностным лицам, учреждениям или особым комиссиям для самостоятельного разрешения, с учетом правовых постановлений правительства.

Статья 34

1) Правительство состоит из премьер-министра и четырех министров.

2) Премьер-министр и министры назначаются королем [президентом] по согласованию с парламентом и по представлению последнего.

Подобным образом должны быть назначены заместитель премьер-министра и заместители каждого из министров правительства, которые в случае необходимости представляют соответствующего члена правительства на заседаниях правительства.

3) Премьер-министр и другие члены правительства приносят присягу перед королем [президентом]: «Клянусь соблюдать государственную Конституцию и существующие законы и содействовать благосостоянию страны с чистой совестью, в силу всех моих способностей и знаний».

4) Срок действия полномочий правительства, с учетом положений ст. 37, составляет четыре года.

Статья 35

1) Правительство ответственно за исполнение всех законов и соответствующих закону указов короля [президента] и парламента.

2) Правительство издает распоряжения, необходимые для исполнения законов и имеющих прямое действие международных договоров; они могут быть изданы только в рамках закона и имеющих прямое действие международных договоров.

3) Во исполнение международных договоров в той мере, в какой не требуется издание закона, правительство издает постановления.

4) Все управление страной во всех случаях должно осуществляться в рамках Конституции, других законов и применимых международных договоров; причем даже по делам, решение которых закон предоставляет свободному усмотрению администрации, надлежит строго держаться установленных законом рамок

Статья 36

К обязанностям, возлагаемым на правительство, в частности, относятся:

а) контроль над всей государственной администрацией;

б) назначение и отстранение от должности государственных служащих, за исключением судей или государственных служащих парламента;

с) подготовка проекта годового бюджета и отчета о своей деятельности за прошедший год и их ежегодное представление королю [президенту] и парламенту;

д) составление собственного регламента, подлежащего опубликованию.

Статья 37

1) Полномочия правительства по осуществлению его функций прекращаются в случае утраты им доверия короля [президента] или парламента. До вступления в должность членов нового правительства король [президент] назначает для исполнения функций по управлению всей страной временное правительство. Король [президент] вправе назначить членов утратившего доверие правительства членами временного правительства. Временное правительство должно получить вотум доверия парламента в случае, если в течение четырех месяцев после назначения временного правительства король [президент] с согласия и по представлению парламента не назначит состав нового правительства (ст. 34).

2) Если доверие короля [президента] или парламента утрачивает отдельный член правительства, решение о его отстранении от должности принимается по согласованию между королем [президентом] и парламентом. До назначения нового члена правительства обязанности последнего выполняет его заместитель.

Глава VI. Судебная система

А. Общие положения

Статья 38

1) Отправление правосудия осуществляется назначенными королем [президентом] судьями от имени короля [президента] и на-

рода (ст. 8). Судьи выносят приговоры и решения от имени короля [президента] и народа.

2) Суды, в установленных законом рамках их деятельности и в отношении судебного разбирательства, независимы от какого-либо вмешательства. Приговоры и решения их должны быть мотивированы. В исключительных случаях, прямо предусмотренных Конституцией (ст. 9), в отправление правосудия допускается вмешательство иных государственных институтов.

3) По смыслу настоящей статьи под судьями понимаются судьи всех судов общей юрисдикции (ст. 40 и 41), судьи административных судов (ст. 42), а также судьи конституционного суда (ст. 43).

Статья 39

1) Кандидатуры судей отбираются совместной комиссией, формируемой королем [президентом] и парламентом. Король [президент] председательствует на заседаниях комиссии и в случаях равенства голосов обладает правом решающего голоса. Король [президент] вправе назначать членов комиссии в количестве, равном числу членов, назначенных парламентом. Парламент делегирует в комиссию по одному члену от каждой представленной в парламенте избирательной группы. Министр юстиции представляет в комиссии интересы правительства. Заседания комиссии проводятся конфиденциально. Комиссия с согласия короля [президента] вправе рекомендовать кандидатуру судьи для рассмотрения парламентом. В случае утверждения кандидатуры парламентом король [президент] назначает кандидата на должность судьи.

2) Если парламент отклоняет рекомендованную к рассмотрению комиссией кандидатуру и новая кандидатура не будет выдвинута в течение четырех недель, парламент должен представить свою кандидатуру на утверждение референдума. В случае проведения референдума обладающие избирательным правом граждане вправе представить свою кандидатуру в порядке, предусмотренном для выдвижения законодательной инициативы (ст. 29). В случае если

будут выдвинуты более двух кандидатов, выборы кандидата на референдуме должны проходить в два этапа в соответствии со ст. 47. Король [президент] назначает набравшего абсолютное большинство голосов кандидата на должность судьи.

3) Полномочия назначенного на должность судьи прекращаются с момента принесения присяги его преемником. Более подробно вопросы процедуры, права на воздержание от голосования, вознаграждения и уплачиваемых участвующими сторонами взносов регулируются отдельным законом.

В. Суды общей юрисдикции

Статья 40

1) Судопроизводство в первой инстанции осуществляется окружными судами, во второй инстанции – высокими апелляционными судами, в третьей инстанции – Верховным судом.

2) Отдельные категории дел в силу закона могут разрешаться в соответствии с действующими предписаниями, служащими окружных судов, обладающими специальной квалификацией.

Статья 41

Верховный суд осуществляет дисциплинарные полномочия над судьями и служащими судов общей юрисдикции.

С. Административный суд

Статья 42

1) Административный суд состоит из пяти судей и пяти заместителей, назначаемых королем [президентом] (ст. 39). Большинство судей должны быть гражданами страны.

2) Срок действия полномочий судей административного суда и их заместителей составляет пять лет. Ежегодно прекращается срок полномочий одного из судей и его заместителя. При первом назначении срок полномочий пяти судей и пяти заместителей определяется по

жребием. Если судья или его заместитель досрочно уходят в отставку, на должность судьи на оставшийся срок полномочий назначается его преемник. Допускается возможность повторного избрания.

3) Ежегодно пятеро судей избирают из своего состава председателя и заместителя председателя суда.

4) В случае отсутствия судьи на заседании его полномочия осуществляются заместителем. Замещение судей осуществляется заместителями попеременно.

5) Если иное не предусмотрено законом, все решения и постановления правительства и созданных им комиссий (ст. 33) могут быть обжалованы в апелляционный суд.

D. Конституционный суд

Статья 43

1) Конституционный суд охраняет гарантированные конституцией права, разрешает споры о компетенции между судами и административными властями.

2) В компетенцию конституционного суда также входит рассмотрение вопросов о конституционности законов и международных договоров и о законности постановлений правительства; при обнаружении соответствующих нарушений конституционный суд может объявить их недействительными. Он действует также в качестве трибунала, рассматривающего дела о нарушениях при проведении выборов.

3) В остальном соответственно применяются положения ст. 42.

Глава VII. О местных общинах и управлении

Статья 44

Организация, обязанности и задачи общин в соответствующих, непосредственно им порученных сферах деятельности, устанавливаются законом.

Законоположения об общинах должны содержать следующие принципы:

- а) свободное избрание мэра и советника общины ее гражданами;
- б) преимущество общины давать право гражданства страны и свобода проживания граждан в любой из общин;
- с) право на взимание налогов (ст. 3) и управление имуществом местной общины;
- д) управление местной полицией под надзором правительства.

Статья 45

1) Страна, местные общины и иные коллективы, корпорации, организации и учреждения публичного права отвечают за вред, который противоправно был причинен третьей стороне действующими в качестве их органов лицами при исполнении ими своих служебных обязанностей.

2) Действующие от имени органов лица отвечают перед государством, общинами, учреждениями или корпорациями публичного права, на чьей службе он состоит, за непосредственный ущерб, причиненный ими ввиду умышленного или грубого и небрежного нарушения служебных обязанностей.

3) Более детальные определения, в особенности касающиеся компетенции, будут установлены отдельным законом.

Глава VIII. Конституционные гарантии

Статья 46

Изменения в Конституцию или общеобязательные толкования к ней могут предлагаться королем [президентом], парламентом, правительством или в порядке законодательной инициативы

(ст. 29). Для утверждения таких изменений или толкований необходимо единогласное решение присутствующих членов парламента или трех четвертей присутствующих членов на двух последовательных сессиях парламента и в соответствующих случаях — одобрение на референдуме (ст. 30). Изменения и толкования должны быть утверждены королем [президентом], за исключением случаев упразднения монархии [республики] (ст. 47).

Статья 47

Не менее 5% населения, обладающих избирательным правом, вправе выступить с инициативой об упразднении монархии [республики]. Если решение по инициативе должно быть принято на референдуме, парламента разрабатывает новую Конституцию республики [монархии] и проводит новый референдум не ранее одного года и не позднее двух лет с момента проведения первого. Король [президент] обладает правом представить на такой референдум проект новой конституции. В этом случае вместо порядка изменения Конституции, предусмотренного в ст. 46, применяется настоящий порядок.

Если на референдум выносится одно предложение, то для его принятия достаточно абсолютного большинства поданных голосов (ст. 30). При вынесении двух предложений каждый обладающий избирательным правом гражданин имеет право выбрать между действующей Конституцией и двумя представленными предложениями. В этом случае обладающий избирательным правом гражданин в первом туре голосования имеет два голоса. Гражданин отдает указанные голоса за те два проекта Конституции, которые, по его убеждению, должны пройти во второй тур голосования. Проекты Конституции, набравшие наибольшее количество первых и вторых голосов, проходят голосование во втором туре. Во втором туре голосования, который проводится через 14 дней после первого голосования, каждый гражданин имеет один голос. Проект Конституции, набравший абсолютное большинство голосов, считается принятым (ст. 30).

Глава IX. Заключительные положения

Статья 48

Все законы, указы и законодательные положения, явно противоречащие предписанию, содержащемуся в Конституции, настоящим отменяются и объявляются лишенными законной силы; законодательные постановления, противные духу настоящего основного закона, подлежат пересмотру для приведения в соответствие с настоящей конституцией.

Вадун, 2 декабря 2007 г.

Алфавитный указатель

Используемая ниже аббревиатура ГТТ означает «государство третьего тысячелетия».

А

Австрия

см. также империя Габсбургов
экономические связи
с Лихтенштейном, 18, 110
дефицит рабочей силы, 21
изменения в правовом
регулировании, 110, 139
оккупация Третьим рейхом, 16
отношения с Княжеским Домом
Лихтенштейна, 9

Австро-Венгрия, 138

см. также империя Габсбургов
автомобильная промышленность,
187–188

аграрная революция

см. земледельческая эпоха
влияние на развитие государств,
77–79, 167–168
влияние на формы государства, 85
политические последствия, 80–81,
85–86, 134

Александр Великий, 53, 81

Алжир, 7

Американская революция, 29, 47, 81, 87, 91

американские индейцы, 51, 78, 96

анархия

после падения части Римской
империи, 87

понятие, 3, 30

место в цикле форм правления, 30,
71–72, 74–75

Англиканская церковь, 45

арабский мир, 54, 227

артиллерия, 56, 61

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, 228, 267

Б

Бабенберги, 9, 10

базука, 62

бактериологическое оружие, 135

банковское дело, 213–217, 218–224

банкротства, 200, 218

баски (этническая группа), 7

Берн (кантон), 10, 11

Бирма (сейчас – Мьянма), 228

Бисмарк, Отто фон, 171

Бодуэн I, Король Бельгии, 88

Босния и Герцеговина, 266

буддизм, 35, 270

бумажные деньги, 209

Бхагвати, Ядвин, 179

В

валюты

введение иностранной, 210

влияние на сектор финансовых
услуг, 218

- возврат к металлическим, 211–212
- история, 208–209
- конкуренция между, 211, 217
- металлический стандарт, 212–216
- обменные курсы, 212
- Великобритания
 - военное превосходство США, 66–67
 - государственная структура, 92–93
 - доступ с моря, 19
 - колонии в Северной Америке, 91
 - олигархия с демократической легитимностью, 87–88
 - построение колониальных империй, 56–57
 - Суэцкий кризис, 251
- Вена, 56
- Верховный суд (США), 93
- Византийская империя, 41, 42
- Вильсон, Вудро, 23
- Винклер, Гюнтер, 161
- внешняя политика, 149, 225, 227
- внутренние рынки, 20–21, 57–58
- водные пути, 18, 50–51
- военное вторжение, 68, 226, 247
- военные сверхдержавы, 66–68
- военные технологии, 50, 60–61, 251
- воздушное превосходство, 64
- война в Персидском заливе, 226–227
- войны
 - см. также* по названиям отдельных войн
 - влияние на население, 86–87
 - нежелательность, 270
 - опасность, 226–227
 - предотвращение, 135
- войны во Вьетнаме, 64
- Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), 228
- Всемирная торговая организация (ВТО), 195, 228
- ВТО
 - см.* Всемирная торговая организация
- Вторая мировая война, 62–63
- Г**
 - Габсбургская монархия
 - см.* империя Габсбургов
 - Ганнибал, 82
 - гарантия рабочего места, 125
 - география, 49
 - Германия, 66–67, 249
 - Германская Демократическая Республика, 246
 - Германская империя, 61, 171
 - Германская конфедерация, 109–110
 - Гитлер, Адольф, 62
 - глобализация
 - бумажные деньги, 209
 - быстрое развитие, 272
 - влияние на бедность в Индии и Китае, 179
 - влияние на национализм и социализм, 123–124
 - влияние на общество, 134
 - влияние на сельское хозяйство, 192
 - международная преступность, 141–142, 153
 - мировая экономика, 22, 123–125, 178, 179
 - противники, 269–270
 - реформа сектора финансовых услуг, 222
 - социальное государство, 170
 - глубоководный лов рыбы, 144
 - гонка вооружений, 56, 66
 - Горбачёв, Михаил, 13, 267
 - города, крепостные укрепления, 50–51, 55, 77–78
 - города-государства, 15, 50, 51–52
 - государства
 - см. также* демократии, монархии, олигархии
 - война в Персидском заливе, 226–227
 - греческая классификация типов, 28–29, 71–72
 - древние города-государства, 15, 50, 77–78
 - жизненный цикл, 272–273

- как компания по оказанию услуг, 4, 128, 132, 136, 140, 146, 200, 226, 246, 271
- международные организации, 134
- о крушении и реформе, 11–12
- основанные на демократической легитимности, 48, 87
- основанные на династической легитимности, 44, 46
- основанные на идеологической легитимности, 47
- основанные на религиозной легитимности, 8, 30–31, 38–39, 46–48, 78, 81, 121
- отделение от религии, 94
- отношения с гражданами, 128
- план государства будущего, 133, 135–136
- поддержание законности, 141–142
- понятие, 27
- права на минеральные ресурсы, 203
- происхождение, 27, 28
- развитие, 75–76, 86, 91, 167
- размеры, 19, 49, 50, 55, 57, 65
- структура, 92–95, 103–107
- территориальные изменения, 271–272
- финансирование, 80–81
- централизованные
и децентрализованные, 103
- цикл форм правления, 30, 71–72, 74–75
- государственные пенсии, 170, 171
- государственные служащие
поддержание законности, 141–142
- понятие, 28–29
- государственные финансы, 195–207
- граждане
взаимодействие с государством, 128
в условиях модели ГТТ, 239–240
знание законов, 141–142, 145–146, 151
права и обязанности
в конституции ГТТ, 232, 282–285
- Гражданская война (США), 96
- Гражданская война (Югославия), 13–14
- гражданские войны
в Римской республике, 81–82
опасность, 227
предупреждение, 14, 82–83, 135–136
- Греция
см. также Александр Великий
доступ с моря, 19
центральная роль религии
в государственной власти, 33
- Д**
- Даншпектрубер, Вольфганг, 22–23, 245
- деколонизация, 8–9, 249
- демократии
см. также демократическое
правовое государство;
прямые демократии,
представительные демократии
взаимоотношения с гражданами, 128
в племенных общинах каменного
века, 73–74
избирательное право, 95, 96
легитимация государства, 30–31
место в цикле форм правления, 30,
71–72, 74–75
понятие, 29–30
право на самоопределение, 117–118
причины возникновения, 71
развитие, 103–104, 121–123
установление после военного
вмешательства, 247–263
- демократические права
в представительных демократиях,
95–96, 106–107
в прямых демократиях, 102–107
ослабление, 85–86
- демократическое правовое
государство
см. также демократии,
прямые демократии,
представительные демократии
военное вмешательство, 246–247
в условиях модели ГТТ, 239–246

законы и правила, 144–147
 защита прав, 141
 меньшинства, 136–137
 независимая судебная система, 157
 ослабление, 162
 построение, 263
 судьбы, 159–160
 диктатура, 246–248, 252, 254–255, 260–261
 Договор о нераспространении ядерного оружия, 135
 доллар США, 215–213, 235
 дороги, 20, 51, 188, 199

Е

евреи, 54
 евро, 210, 213–215, 253
 Европа, 14–15, 17
 Европейская экономическая зона (ЕЭЗ), 255–256, 263
 Европейский союз
 см. ЕС (Европейский союз)
 Европейский суд по правам человека, 161
 Европейское оборонительное сообщество, 67–68
 Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), 67–68
 Египет, 50–51, 78–79
 египтяне, 27
 ЕС (Европейский союз)
 роль в международных отношениях, 195–196, 227–228
 рост объема регулирования, 147
 установление демократии после военного вмешательства, 253–268
 Совет Европы, отношения, 161
 Югославия, отношения, 14–15
 ЕЭЗ (Европейская экономическая зона), 255–256, 263
 ЕЭС (Европейское экономическое сообщество), 67–68

Ж

железные дороги, 20, 51, 187–188, 193
 животное поведение, 33–34, 73–74

З

займы, 199–200
 законы
 адаптация после военного вторжения, 254–255
 банковская система, 218–219
 в Римской империи, 53, 83
 в условиях модели ГТТ, 246–247
 граждане, 141–142, 147, 152–153
 законодательство, 145–147
 легитимация религий, 33, 38–39
 международные, применение, 147
 охрана, 141–142, 143, 152
 реформа законодательства, 148–150
 римские, влияние, 83
 Западная Европа
 влияние религии на историю, 41–45, 46
 гонка артиллерийских вооружений, 56–57
 изменение структур власти, 44
 объединение, 67–68, 100–101
 политический плюрализм, 42–43
 религиозная толерантность, 45
 запрещения, политика, 154
 земледельческая эпоха
 см. также аграрная революция
 имущественные права, 143–144
 переход к, 38–39, 48, 50, 134
 понятие границ, 27–28
 преимущества, 78–79

И

идеология, 34–35, 36, 47–48
 избиратели
 доверие к программам партии, 95–96
 в прямой демократии, 152–153
 ожидания, 122–123
 практика покупки голосов, 130–131, 148–149
 система сертификатов, образовательных, 182–184, 201, 230, 278
 избирательное право, 99
 изменение полномочий монархии, 88

- Израиль, 135, 227, 251
 Иисус из Назарета, 41
 Императорский дом Японии, 38–39
 императоры
 священное происхождение, 38–39, 40, 41, 78–79
 священный статус, 78–79, 83–84
 империя Габсбургов
 см. также Австро-Венгрия
 гонка артиллерийских вооружений, 56–57
 крах, 10, 110
 отношения с княжеским Домом Лихтенштейна, 10–11, 110
 Первая мировая война, 61
 применение кавалерии, 52–53
 Таможенное соглашение с Лихтенштейном, 16–17
 империя Наполеона, 99
 инаугурационное обращение 1961 г. (Дж. Ф. Кеннеди), 2
 индейские цивилизации (Америка), 51, 78, 96
 индивидуализм, 37–38
 индустриализация
 влияние на размеры государств, 58–59, 65–66, 168
 в Лихтенштейне, 17–18, 20
 политические последствия, 134
 распространение, 18–20
 иностранная помощь, 170, 229, 266
 иностранные рабочие, 17–18, 21
 инстинкты, 33–34
 интеллект, 37–38
 инфляция, 207–209
 инфраструктура
 влияние на размеры государств, 50–52, 55–56
 восстановление после военного вмешательства, 259–262
 участие государства, 187
 Ирак, 69–70, 251, 257–267
 Иракская война, 69–70
 ислам, 43, 54, 57–58
 исламские империи, 43, 53–54
 Исландия, 106–107
 Испания, 56–57
 исследование мозга, 34–35
 иудаизм, 38–39, 40
- К**
 кавалерия, 52–53, 60–61, 65–66, 84–85
 Кальвин, Джон, 103
 Камбоджа, 3
 каменный век
 иерархическая структура племен, 28, 72–76
 имущественные права, 143
 размеры государств, 38, 49–51
 способы расселения, 75
 элементы демократии в общинах, 72–73
 Канада, 13, 17
 Карл I, император Австрии, 10
 Карл I, император Священной Римской империи, 87
 Карл Великий, 87
 Карл Великий (Charlemagne), 87
 Карфаген, 81–82
 Католическая церковь
 см. Римско-католическая церковь
 Квебек, 13
 КГБ (секретная полиция), 12–13
 Кеннеди, Дж. Ф., 2
 Китай
 военное превосходство США, 66
 в период Корейской войны, 63
 древняя модель государства, 78–79
 индустриализация, 58–59
 политические убийства, 3
 последствия глобализации, 179
 Китайская империя, 208–209
 Княжеский Дом Лихтенштейна
 см. также Ханс-Адам II,
 Князь Лихтенштейна
 закон о Княжеском Доме, 114, 117, 119
 критика, 113, 114–115
 низложение князя, 113–114
 отношения с домом Габсбургов, 9–10, 110

- поддержка права на самоопределение, 23–25, 117–118
- порядок престолонаследия, 113–114
- финансы, 4–5, 113–114
- колониальные империи
 - искусственное создание государств, 9
 - крушение, 21–22
 - морские государства, 18–19
 - преимущества, 56–57
 - экономическая
 - конкурентоспособность, 20–22
- коммунизм
 - идеология разделения и равного распределения, 168–169
 - изоляция сетей государственных и частных контактов, 228–230
 - крушение Советской империи, 11
 - отличия от национал-социализма, 3
 - репрессии против религии, 36–37
 - тоталитарное государство, 3
- Коммунистическая партия (Советский Союз), 12–13
- Конгресс (США), 105–106
- Конгресс Соединенных Штатов Америки, 93–94
- конкуренция
 - между валютами, 210–211, 217–218
 - между налоговыми режимами, 200–203
- конные армии, 52–53, 54–55, 70, 84–85
- Константин I, император, 41
- конституции
 - см. также* Американская конституция, Конституция Лихтенштейна, Конституция Швейцарии, Конституция ГТГ
 - адаптация после военной интервенции, 254–255
 - изменение полномочий монархии, 87–88
 - преамбула, 231–234
 - процедура изменения, 235–237, 296–297
 - самоограничение государства, 148–150
 - содержание, 145–146
 - Конституция США, 92–93, 94, 95, 121
 - Кор, Леопольд (1909–1994 гг.), 19–20
 - Корейская война, 63
 - космические путешествия, 273–274
 - кочевые племена, 84–85
 - крепости (города), 50–51, 55, 77–78
 - крепостное право
 - см.* рабство
 - крестьянские восстания, 86–87
 - Кувейт, 226–227
 - культура американских индейцев, 51
 - кураны, 259–260, 263, 266
 - Cuius regio eius religio*, 45
- Л**
 - Латинская Америка, 247
 - либерализация, 22
 - либерализм, 124–126
 - ликвидность, 220–224
 - Лихтенштейн (Княжество)
 - см. также* Конституция Лихтенштейна, Княжеский Дом Лихтенштейна
 - валюта, 210–218
 - влияние правового развития Австрии, 109–110, 158
 - государственные финансы, 200
 - конкуренция налоговых режимов, 200–203
 - монархия с демократической легитимностью, 89, 113–117
 - освобождение от должности главы государства, 113–114
 - основополагающие права прямой демократии, 104–106
 - поддержка безработных, 175–176
 - право законодательной инициативы, 110–111, 117
 - право на самоопределение, 23–24, 117–118, 139–140

- размер парламента, 150–152
 референдум, 110–111
 сектор финансовых услуг, 218
 система образования, 181
 СМИ, 244
 статус монархии, 23–24, 112–117, 118–119
 судебная система, 115
 членство в ЕЭЗ, 255–256, 266
 членство в ООН, 22–23
 экономика, 15–21
 экономические отношения
 с Австрией, 17–18, 109–110
 экономические отношения
 со Швейцарией, 16–17, 109–110, 210–211
 «Лихтенштейн Глобал Траст», 218–219
 Лихтенштейнский Ландесбанк (ЛЛБ), 218–219
 Лихтенштейнский институт права
 на самоопределение (Принстон-
 ский университет), 22–23, 245
 Лихтенштейнский талер, 213–216
 лошади
 влияние на размеры государств,
 56–57
 военное применение, 52–23, 60–61,
 65–66, 70, 84–85
 использование для транспор-
 товки, 51, 52–53
 Людовик XIV, Король Франции, 46
Liechtensteinische Gesetzessammlung, 114
- М**
 Масада, 51–52
 массовое производство, 19–20, 57, 65–66
 материалистическое общество, 36, 172
 меньшинства, 135–138
 местные общины
 см. также политические единицы
 банкротства, 199–201
 в системе социальной поддержки,
 177
 законы и правила, 156–157
 конкуренция налоговых режимов,
 200–203
 организация и задачи
 в конституции ГТГ, 235,
 295–296
 полномочия в сфере прямых
 налогов, 195, 196–199, 200–201
 право на самоопределение, 117
 пропорциональное
 представительство
 в конституции ГТГ, 234–235,
 285–290
 система образовательных
 сертификатов, 181–182
 собственность на минеральные
 ресурсы, 204–205
 металлические деньги, 207–209,
 211–217
 Миланский эдикт (313 г.), 41
 министр внутренних дел, 234
 министр иностранных дел, 162–163
 министр обороны, 234
 министр юстиции, 162–163
 министры, 162–163, 234, 290–292
 мировое развитие, 21, 22
 минимальные заработные платы,
 173–175
 многонациональные государства, 11, 12
 модель ГТГ
 см. также конституция ГТГ
 законы и правила, 144–148
 интеграция населения в механизм
 прямой демократии, 151
 налоговая политика, 195–199,
 200–201
 от диктатуры к, 246–267
 от правовых демократических
 государств к, 239–246
 отсутствие заемного
 финансирования, 199–200
 отход от социального государства,
 177–178
 пенсии, 177, 198–199
 поддержка безработных, 175–177
 размер парламента, 150–152

- размер правительства, 163
- сельское хозяйство, 190–191
- система образования, 181–185
- система правосудия, 157–158
- система социальной поддержки, 177–178
- собственность на минеральные ресурсы, 204–205
- способы расселения, 192–193
- страхование здоровья, 174–176
- транспортная система, 192–193
- условия построения, 133–134, 135–140
- Монако, 25
- монархи
 - значение в конституции ГТТ, 233, 279–282
 - низложение, 114
 - право вето в конституции ГТТ, 234–235
 - представительская функция, 88–89, 113–114
 - роль в Лихтенштейне, 112–117, 151
 - священный статус, 38–39, 77, 78–79
 - слова, 88–89
 - сравнение с президентами, 151
 - утрата тайны частной жизни и свободы слова, 88–89
- монархии
 - задачи и обязанности в конституции ГТТ, 277–279
 - место в цикле форм правления, 30, 71–72, 74–75
 - налоговая политика, 85–86
 - наследственные, 81–82
 - наследственные, с демократической легитимностью, 89, 113–117
 - наследственные, смешанная модель государства с олигархией, 48, 77–81, 84–85
 - наследственные, с религиозной легитимностью, 8, 53, 80, 83–84
 - необходимость олигархии, 129, 132
 - ограниченные полномочия, 88
 - роль в Лихтенштейне, 23–25, 113–115, 118–119
 - с демократической легитимностью, 87
 - символическое значение, 88
 - с религиозной легитимностью, 81–82, 86–87
 - монастыри, 43–44
 - монголы, 54–55
 - Монтескье, Шарль Луи де Секонда, 30
 - Моравия (Чешская Республика), 9–10
 - Мьянма (бывшая Бирма), 228
- Н**
 - налоговая политика
 - в древних земледельческих государствах, 80–81
 - в Лихтенштейне, 16–18
 - в модели ГТТ, 195–199, 200–201
 - вызванная Первой мировой войной, 208–209
 - изменяемая парламентом, 88
 - конкуренция налоговых режимов, 200–203
 - местные общины, 184–185
 - монархий и олигархий, 85–86
 - Римской империи, 86–87
 - США, 196
 - Наполеон I, император Франции, 99
 - наркотовые, 155, 156
 - народное голосование
 - см. также* референдум
 - консультативный характер, 109
 - в прямых демократиях, 152–154
 - в Лихтенштейне, 112–117, 151
 - право на, 104–105
 - в Швейцарии, 164
 - в конституции ГТТ, 282, 286, 287–289, 293–294, 297
 - в США, 93–94, 164
 - НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства), 274

- НАТО (Организация Североатлантического договора), 69, 227–228
- национализм вызванный экономическим кризисом 1929 г., 248–249
- вытеснение либерализма, 126–127
- глобализация, 123, 127–128
- государственная легитимация, 7–8, 47–48
- идеология, 100–103
- разрушающее влияние, 7–9
- национал-социализм, 3
- национальная валюта, 207–224
- национальные меньшинства, 10–11, 12
- Национальный банк Лихтенштейна, 213–217
- нацистская Германия
см. Третий рейх
- неандерталец, 72
- неграмотность, 96, 102
- незаконный оборот наркотиков, 153–156
- неправительственные организации (НПО), 228–229
- неурожай, 86–87
- нефть, 11
- Нидема, проблема, 58–59
- О**
- обменные курсы, 211–212
- ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), 161–162
- общественный контроль, 167–168
- общество, материалистическое, 36, 172
- обязанности государства, 234–235, 295–296
- окружающая среда, 144, 188–191, 204, 243, 271–272
- олигархии
в чистом виде, характеристика, 129–130
- демократическая легитимность, 87–88, 104–107, 109, 129–132
- место в цикле форм правления, 30, 71–72, 74–75
- монархии, отношения, 48, 77–78, 84–85
- налоговая политика, 85–86
- необходимость, 129
- понятие, 29
- сопротивление против уступки власти, 121–123
- социальное государство, 171
- членство, 86–87
- ООН (Организация Объединенных Наций)
- военная интервенция, 226–227
- вступление Лихтенштейна, 22–23
- демократия после военного вмешательства, 250
- Корейская война, 63
- международное право, 147
- право на самоопределение, 23–24
- роль в международной политике, 226–228
- Совет Европы, отношения, 161–162
- ООН, Генеральная Ассамблея, 22–23
- Организация американских государств, 227–228
- Организация африканского единства, 227–228
- Организация Объединенных Наций (ООН)
см. ООН (Организация Объединенных Наций)
- Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), 161–162
- Организация Североатлантического договора, 69, 227–228
- оружейная промышленность, 65–68
- оружие
см. по названиям отдельных видов
- оружие массового поражения, 135, 227
- отцы-основатели (США), 93–94, 95
- охота, 72, 77–78
- охотники-собиратели, 28, 38, 48, 72, 143, 167

ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), 191, 192, 226

П

Палата лордов (Великобритания), 87, 93

Палата общин (Великобритания), 88, 93

Палата представителей (США), 93

папство, 41–42

парламенты

в конституции ГТГ, 233–234,

285–290

полномочия, 88

правительства, отношения, 164

размеры, 150–151

Пелл, Клейборн, 147

пенсии, 170–171, 198–199

пенсионный возраст, 171

Первая мировая война, 60–61, 209

Перри, Мэттью Кэлбрейт, 59

платежеспособность, 220–224

племенные общины, 28, 74

Плодородный Полумесяц, 50

плотность населения, 38

политики

адаптация к модели ГТГ,

240–243

практика покупки голосов, 130,

148–149

социальное государство, 171

политические единицы

см. также местные общины

автономия, 93–94, 106

во Франции, 100–101

в Лихтенштейне, 138–139

политическая власть, 122

право на самоопределение,

117–118, 138–139

политические партии, 95, 158, 164,

169, 241–242

полиция

в конституции ГТГ, 234

на уровне общин, 157

охрана законов, 152–153

специальные силы после
военного вмешательства,
253–254, 257, 259, 262

Португалия, 56

постколониальные страны, 9

почтовые марки, 16

почтовые службы, 225

права на минеральные ресурсы,
203–205

права человека

гражданского населения, 63–65

нарушения, 247, 252, 267

эффективность Европейского

суда по правам человека, 161

правительство

см. также государственные служащие

задачи и ответственность, согласно

конституции ГТГ, 234, 290–292

легитимность, 8

различные модели, 163–164

размеры, 163

правительство Испании (Франко), 7

правительство Швейцарии, 10–11

право вето, 112, 151, 235

право законодательной инициативы,
105, 111

право на самоопределение

в государствах ЕС, 237

в контексте Алжира, 7

в контексте Страны Басков, 7

в контексте Канады, 13

в контексте Лихтенштейна, 24,

117–119, 139–140

в контексте России, 12

в контексте Швейцарии, 10–11

в контексте Югославии, 14–15

на практике, 24–25

размер политических единиц,

влияние, 138

средство предотвращения

конфликта/кровапролития,

13–15, 22–23

Устав ООН, 24

этническая принадлежность, 118

Православная церковь, 41, 46

правосудие, 36

- представительные демократии
 взаимоотношения с гражданами, 128
 в США, 91–97, 105–106,
 в условиях модели ГТТ, 240–243
 практика покупки голосов, 130
 слабая форма демократии, 121–122
- президенты
 в качестве монархов, 28–29, 106, 151
 назначение судей (США), 93
 независимость, 140
 право вето, 151
 статус в конституции ГТТ, 233,
 279–282
- премьер-министры, 83–84, 163, 290
- преступление, 142, 153–156
- преступность «белых воротничков»,
 142, 153
- преступность, международная, 142, 153
- приватизация
 государственных предприятий
 после режима диктатуры, 261
 железных дорог, 193
 минеральных ресурсов, 204–205
 почтовых служб, 225
 системы дорог, 193
 системы образования, 181
- Принстонский университет
 (Нью-Джерси), 22–23, 245
- проблема беженцев, 248, 260, 262
- проблема наркотиков, 153–156
- программы помощи, 266
- проект конституции
см. проект Конституции ЕС,
 проект Конституции ГТТ
- проект Конституции ЕС, 237
- промышленная революция, 19, 134
- просвещение, 45
- протекционизм, 20–21, 126, 180
- Протестантская реформация, 45
- Протестантская церковь, 45, 46
- противовоздушные ракеты, 63
- прямые демократии
см. также представительные
 демократии
- избиратели, 153
- интеграция населения, 151
- модель Лихтенштейна, 109, 111–116,
 184–185, 152, 245
- слабые формы, 88
- тенденция к созданию, 245
- швейцарская модель, 99, 103–107,
 110, 152, 245
- пулемет, 60
- пунические войны, 82
- Р**
- рабочая сила
 в древних земледельческих
 государствах, 79–80
- иностранная рабочая сила, 18, 21
- недостаток, 21
- рабство, 92, 99
- равенство полов, 282
- равенство, 94, 282
- радио, 225, 244
- разведение домашних животных,
 38–39, 79, 84–85
- развивающиеся страны
 иностранная помощь, 170, 229, 266
- модель ГТТ, 268
- образование, 258
- сельское хозяйство, 191
- торговая наркотиками, 154–156
- ракетная пусковая установка, 63
- революции, 87
- реинкарнация, 35
- реки, 50–51
- религиозная толерантность, 40, 45, 54
- религиозные меньшинства, 39, 54, 92
- религия
см. также буддизм, христианство,
 ислам, иудаизм
- влияние на историю, 43–45, 46, 102
- влияние на социальное поведение,
 35–36
- гонения, 35, 46, 91
- значение в Средневековье, 33, 43,
 44–45
- легитимация государства, 4, 30–31,
 33, 39–44

- легитимация государства во всем мире, 47
 легитимация государства в период аграрной революции, 77–78, 80
 легитимация государства в Римской империи, 39
 легитимация монархий, 8, 87
 отделение от государства, 94
 свобода религии, 94
 Французская революция, 99
 ремесленники, 86
 референдум, 104–105, 110, 115, 151, 278, 289
 реформация, 44–45, 103
 Римская империя,
 см. также Римская республика
 инфраструктура, 51–52
 массовое производство, 57
 налоговая политика, 86
 наследственная монархия, 53
 пример крупного государства, 15–16
 распространение христианства, 40–41
 религия как легитимация государства, 53
 религиозная толерантность, 40–41
 судебная и законодательная системы, 53
 Римская республика,
 см. также Римская империя
 возникновение, 81–82
 гражданские войны, 78–79
 закон и политическая структура, 83
 практика покупки голосов, 130
 центральная роль религии в государстве, 33
 Римское царство, 82–83
 Римско-католическая церковь
 см. также реформация
 влияние на историю Европы, 42–43, 46
 влияние на экономику, 43, 46
 в Швейцарии, 99
 либерализм, 46, 126
 Российская революция, 47
 Россия
 см. Советский Союз
 Русско-японская война (1905 г.), 59
 рыбная ловля, 144
 рынок труда, реформы, 177
 рыночная экономика
 имущественные права, 143–144
 проблема наркотиков, 154–156
 сельское хозяйство, 190–192
 Советский Союз, 66
 Турецкая империя, 61
- С**
 самоограничение государства, 148–149
 свободная торговля, 125, 161
 Священная Римская империя (германской нации)
 возникновение, 86–87
 долговечность централизованного управления, 94
 избираемый император, 28–29, 41–42
 Северамериканское соглашение о свободной торговле, 267
 Северная Корея, 63, 135, 228–229
 сектор финансовых услуг, 218–224
 сельское хозяйство, 76, 85, 271–272
 сельское хозяйство
 современные изменения, 271–272
 влияние на рыночную экономику, 190–192
 вмешательство государства, 187–188
 в модели ГТТ, 190–192
 утрата сформированного ландшафта, 191–192
 Сенат (США), 93
 Сербия, 13–14
 сеть передачи данных, 134, 225–226
 Сингапур, 8–9
 система здравоохранения, 174–175
 СМИ, 225–226, 243–244
 собрание законов Лихтенштейна, 114
 собственные средства, 138, 221–224
 Совет Европы, 161
Совет Европы: надзорные процедуры и конституционная автономия государств-членов, 161

- Советская империя, 11
см. также Советский Союз
- Советский Союз
 выход республик из состава, 117
 и рыночная экономика, 66
 Корейская война, 63
 крушение, 11–13, 21–22, 35
 политические убийства, 3
 реформы Горбачёва, 267
 экспансия, 60
- Соединенные Штаты Америки (США)
см. также Конституция США, Американская революция, Гражданская война (США)
 военное превосходство, 66–68
 военные интервенции, 69, 247–248, 252
 войны во Вьетнаме, 64
 вступление в Первую мировую войну, 61
 государственная автономия, 93–94, 105–106
 замена государственных служащих, 165–166
 избирательное право, 99
 интеграция Японии, 59
 контроль над косвенным налогообложением, 196
 Корейская война, 63
 модель правительства, 163–164
 почтовые службы, 225–226
 право собственности
 на минеральные ресурсы, 203–205
 практика покупки голосов, 130
 разнообразие населения, 103
 религиозность, 94
 система правосудия, 93
 структура государства, 92–93, 95, 105–107
 торговля с Европой, 17
 установление демократии после военного вторжения, 252–255, 263–264
- социальное государство, 123, 169–177
 социальное поведение
 связь с политикой, 40
 управляемое инстинктами, 34, 168, 270–271
 управляемое интеллектом, 37
 у *homo erectus*, 72–76
 специализированные силы ЕС, 253–254, 257–263
 способы расселения, 75, 189, 193
- Средневековые
 военные технологии, 49–50
 объединение Европы, 42–43
 применение кавалерии, 53–55
 размеры государств, 15–16, 19
 роль религии, 33, 41–42, 43–44
- СССР
см. Советский Союз
- страны третьего мира
см. развивающиеся страны
- страхование здоровья, 174–175
 страховое дело, 174–175, 221
 субсидии ЕС, 236–237
 субсидии, 236–237
 суверенитет
см. право на самоопределение
- судебная система
 адаптация после военного вторжения, 254–257
 в Лихтенштейне, 115
 независимость, 157
 структура в конституции, 234–235, 292–295
- судоходство, 57
- судьи
 выдвижение парламентом Лихтенштейна, 115
 задачи и обязанности
 в конституции ГТТ, 234–235, 292–295
 избрание, 93, 115, 159
 назначение президентом США, 93
 недостаток кадров, 160
 независимость, 157
 отстранение, 159, 165

суды, установленные законом,

234–235, 292–295

«Суннитский треугольник», 262–263

Суэцкий кризис (1956 г.), 251

Т

таможенные пошлины, 124

Тексаркана (США), 196

телевидение, 225, 244

терроризм, 68, 227, 254, 260, 262

террористические организации,
156

Токугава, 84, 88

торговая

и глобализация, 125

влияние водных путей, 19

либерализация Европы, 17

мировая либерализация, 22

общины каменного века, 74

торговцы, 86

тоталитарное государство, 3

транспорт

влияние на способы расселения,
18–19

вмешательство государства, 188

в модели ГТТ, 192–193

высокая эффективность, 134

использование сетей железных
дорог, 20

использование системы дорог,
20, 51

применение водных путей, 18–19,
50–51

Третий рейх, 16, 62, 139, 247

Тридцатилетняя война, 45

трудовые ресурсы,

см. рабочая сила

Турецкая империя, 56, 58, 61

туризм, 16

Турция, 50

У

Университет Санкт-Галлена, 11

уровень рождаемости, 34, 36, 172

учреждения культуры, 225

Ф

Федеральная резервная система
США, 212

Феодосий I, император, 41

Фервальтунгс-унд Приватбанк
(ФПБ), 218–219

фермеры, 86, 155, 190–192

фермерство, 77, 86, 272

Филателия, 16

финансовый кризис 2008 г.,
218–219, 221–222

Фон Бисмарк, Отто, 171

Франко-германская война (1870), 60

Франко-прусская война (1870), 60

Франц Иосиф I, император
Австрии, 10

Франц Иосиф II, Князь
Лихтенштейна, 11, 114

Франц Фердинанд, эрцгерцог
Австрии, 10

Франция

см. также Французская монархия,

Французская революция,
империя Наполеона

военное превосходство США, 66–68

вьетнамские войны, 64

гонка артиллерийских

вооружений, 56–57

объединение, 101

система каналов, 18

Суэцкий кризис, 251

Холодная война, 69

Французская монархия, 46, 47, 99–101

Французская революция, 47, 87,
100–101

Х

Ханс-Адам II, Князь Лихтенштейна

см. также Княжеский Дом

Лихтенштейна

внимание СМИ, 244

встреча с Дж. Ф. Кеннеди, 2

встреча с Леопольдом Кором, 19

выступление перед Генеральной
Ассамблеей ООН, 22

- деловой визит в Тексаркану, 196
изучение экономики, 11, 113
обращение в Школу Вудро Вильсона по вопросу Конституции ГТТ, 22
право вето, 112
работа у Клейборна Пелла, 147
ратификация законов или поправок к конституции, 111
реорганизация сектора финансовых услуг в Лихтенштейне, 218
случай с некомпетентным судьей, 159–160
создание программы исследований, 22
химическое оружие, 135
Холодная война, 68, 69, 226
Хорватия, 13–14
христианство
 см. также реформация
 легитимация государств, 38–43
 либерализм, 126
 негативное отношение к богатству, 43
 распространение, 40
 церкви, 41
Хусейн, Саддам, 69, 247
homo erectus, 72–76, 273
- Ц**
Цвингли, Ульрих, 103
централизация, политическая, 94
Центральная Азия, 53, 70
церкви, 41–42
Цицерон, 30
- Ч**
чеканка монет, 207–209, 211–217
Чехословакия, 113
- Ш**
Швеция, 56
Шестидневная война (1967), 227
Школа общественных и международных отношений имени Вудро Вильсона (Принстонский университет), 22–23
- школьное посещение, обязательное, 181, 183, 278
шумеры, 27
- Э**
эволюция
 см. эволюция человека
эволюция человека
 влияние индивидуализма, 37–38
 влияние религии, 34
 генетические отличия, 269
 homo erectus, 76
 длительность, 76
экономика, виды
 см. также экономики
 накопления, принцип «чем больше, тем лучше»
 в экономической теории
 влияние ислама, 54
 влияние католицизма, 43–44, 46
 глобализация, 22, 123–128, 178
экономики накопления, 77, 78–79
экономические преступления, 153
Экономический кризис 1929 г., 248
эмиграция, 136, 137, 149, 177
этническая принадлежность, 118
этнические чистки, 13–14, 137
этническое разнообразие, 12
- Ю**
Югославия, 13–15, 22–23, 246–247
Южная Корея, 8–9, 63
Юра (кантон), 10
- Я**
ядерное оружие, 135, 227
Япония
 военное превосходство США, 66–67
 индустриализация, 58–59
 превращение в демократическое государство, 248–249
 священный статус императора, 39, 78
 экспансия, 60
японо-китайские войны, 59

Научное издание

Ханс-Адам II, Правящий Князь Лихтенштейна

Государство в третьем тысячелетии

Выпускающий редактор М.Н. Угальская

Корректор В.Н. Иванова

Верстка текста А.А. Михалевич, Г.А. Никифорова

Ваши отзывы об издании присылайте, пожалуйста, по e-mail:

svetlana.parshina@infotropic.ru

Издательский номер 74

Год издания 2012

ISBN 978-5-9998-0074-9

Подписано в печать 15.11.2011

Формат 60×90/16

Печать офсетная

Бумага офсетная

Усл. печ. л. 20,0

Уч.-изд. л. 18,5

Авт. л. 12,7

Гарнитура Garamond.

Использованы лицензионные шрифты фирмы

Тираж 1000 экз.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ

ParaType

In Legal Use

Заказ №

infotropic
media

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, дом 42, строение 3

Тел.: (495) 621 25 27; Факс: (495) 621 76 80

Заказ книг: (495) 621 25 27; 8 (903) 106 73 38 (моб.); sales@infotropic.ru

www.infotropic.ru

Am Sandwerder 37, D-14109 Berlin, Germany

Tel.: +49 (30) 889 28 88-0; Fax: +49 (30) 889 28 88-10

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в информационных системах или передача в любой форме и любыми средствами – электронными, механическими, посредством фотокопирования, записями или иными – любой части этой книги запрещено без письменного разрешения ООО «Инфотропик Медиа».